АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Начать просмотр

Могилев
Могилевский институт МВД
2026

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2026

ISBN 978-985-589-173-5 (CD)
ISBN 978-985-589-176-6 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026
© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 1 2 3 Перейти к статьям

УДК 343.13:343.98
ББК 67я5
А43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Научное электронное сетевое текстовое издание

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

А43 **Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики** : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/9825. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-176-6.

В сборник вошли научные статьи, представленные на XII Международную заочную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики» (25 мая 2026 г.), организованную кафедрой общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь.

Тематика статей затрагивает ряд актуальных направлений исследований в области уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Издание предназначено для профессорско-преподавательского состава, аспирантов (адъюнктов), магистрантов учреждений высшего образования, а также практических работников правоохранительных органов.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
https://www.institutemvd.by

© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2026
© Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2026

Перейти к сведениям об издании 2 3 Перейти к статьям

Научное электронное сетевое текстовое издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (пред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2026. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-985-589-173-5.

Редакционная коллегия:

К. Д. Сазон (председатель),
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника учреждения образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Д. А. Свиридов, начальник кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Ю. П. Шкаплеров, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

А. Н. Примаков, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Л. Н. Евдохова, кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»;

Т. И. Вишневская, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Научное электронное сетевое текстовое издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Сборник научных статей

Рецензенты:

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
факультета права учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент *Т. Л. Гюрсель*;

начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз
федерального государственного казенного учреждения
дополнительного профессионального образования
«Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
кандидат юридических наук, доцент *Р. А. Дерюгин*

Сведения о программном обеспечении:
современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Корректор *Т. Ю. Лухтанова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 22.10.2026.
Объем 2,08 Мб. Заказ № 10.

Перейти к сведениям об издании 1 2 Перейти к титульному экрану

УДК 340.1

А. С. Андрианова
старший преподаватель
кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Деятельность государства при участии институтов гражданского общества, направленная на создание и развитие элементов правовой системы, получила название правовой политики [1, п. 1]. Правовая политика как общее понятие включает в себя такие составляющие, как политика в сфере нормотворчества, правоприменительная политика, правоинтерпретационная политика, доктринальная политика, политика в сфере образования и др. [2, с. 15].

Правоприменительная политика представляет собой научно обоснованную деятельность, в первую очередь государственных органов, организаций, должностных лиц, направленную на разработку единой стратегии и тактики осуществления правоприменительной деятельности [2, с. 18–19]. Базисом правоприменительной политики является система принципов, лежащих в основе деятельности всех элементов государственного аппарата: законность, гуманизм, гласность, гарантированность прав и свобод граждан, профессионализм и др. [3, с. 93].

Недостаточная разработанность в теории положений правоприменительной политики актуализирует необходимость исследования данной проблематики. В рамках данной статьи остановимся на особенностях реализации принципов правоприменительной политики на такой стадии процесса применения права, как доказывание.

Доказывание — обязательная стадия правоприменительной деятельности, в ходе которой устанавливаются имеющие значение для правильного, законного и обоснованного разрешения дела факты. Данное положение находит свое закрепление в целом ряде нормативных правовых актов: Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 102) [4], Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (ст. 179) [5], Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 6.1) [6].

Поскольку доказывание имеет ретроспективный характер, задача правоприменителя и (или) субъекта доказывания — установить фактические основания дела, собрать и обработать информацию о них, определить наличие или

отсутствие тех либо иных обстоятельств дела. Являясь видом познавательной деятельности, доказывание имеет специфические особенности:

- основано на нормативных предписаниях законов и подзаконных актов;
- осуществляется в строго установленном порядке (процедурность);
- формальная определенность;
- особые объект, предмет и цель.

Визуализация стадий процесса доказывания представлена на схеме (рис.):

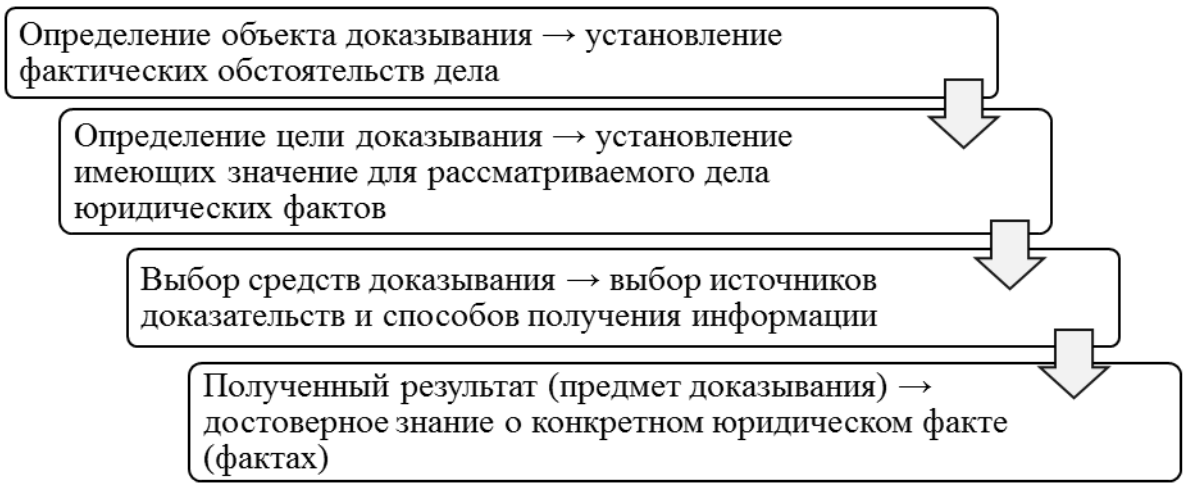

Рис. Стадии процесса доказывания

Несоблюдение последовательности и формы осуществления процесса доказывания приводит к тому, что полученные данные признаются недопустимыми и не могут использоваться в качестве доказательств. Однако искажение понимания и толкования процессуального закона в ходе применения права зачастую приводит к тому, что субъекты правоприменительной деятельности руководствуются не только нормами закона, но и сложившимися в том либо ином подразделении правилами (обыкновениями). В данном случае можем говорить о невыполнении такого принципа правоприменительной политики, как законность.

Исходя из порядка распределения бремени сбора и предоставления доказательств, можно выделить два типа доказывания: состязательное и публичное. Состязательное доказывание характерно для гражданского судопроизводства, поскольку каждое из лиц, участвующих в деле, имеет личную заинтересованность в разрешении дела в его пользу. Если оценивать активность правоприменительного органа в процессе доказывания, то она в данном случае ограничена: бремя доказывания возложено на лиц, участвующих в деле, а суд как правоприменительный орган определяет предмет доказывания, устанавливает достаточность представленных доказательств, а также оказывает участникам гражданского судопроизводства содействие в получении доказательств.

Публичное доказывание реализуется в рамках уголовного или административного процесса с целью установления объективной истины, а также защиты граждан, общества, государства от преступных и иных противоправных посягательств. Соответственно, бремя доказывания в данном случае возлагается на государственный орган (или должностное лицо), ведущий процесс [7, п. 2].

Доказывание включает в себя следующие элементы: собирание, проверка и оценка доказательств, принятие процессуального решения. При оценке доказательств оцениваются такие их свойства, как:

− относимость, т. е. связь с подлежащими установлению обстоятельствами;

− достоверность, т. е. непротиворечивость информации, полученной при помощи различных средств доказывания, соответствие ее действительности;

− допустимость, т. е. соответствие самого доказательства и процесса его получения требованиям законодательства;

− достаточность, т. е. полнота установленных фактических обстоятельств.

При этом представляется обоснованным утверждение о том, что допустимость доказательств является обязательным свойством, отсутствие которого делает доказательство недопустимым, и, как следствие, оно не учитывается при принятии решения по делу.

В литературе указываются следующие критерии для оценки допустимости доказательства: 1) надлежащий субъект правоприменительной деятельности, получивший данное доказательство; 2) надлежащий источник; 3) надлежащее процессуальное действие; 4) надлежащий процессуальный порядок получения доказательства [2, с. 158]. Данные критерии имеют общий характер и могут быть применены для оценки допустимости доказательств как в уголовном и административном процессе, так и в рамках гражданского судопроизводства. Например, документы, составленные на иностранном языке и не имеющие надлежащим образом оформленного перевода на государственный язык Республики Беларусь, либо свидетельские показания, подтверждающие заключение сделки гражданами на сумму свыше 10 базовых величин, фактически являются недопустимыми доказательствами.

Характеризуя роль основополагающих начал правоприменительной политики в определении допустимости доказательств, отметим, что реализация принципа законности обеспечивает, с одной стороны, эффективную защиту прав и законных интересов граждан и иных субъектов права от неправомерных действий лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, а с другой — обеспечивает ответственное отношение субъектов правоприменения к выполнению своих должностных обязанностей.

Подводя итоги, отметим, что доказывание — необходимая стадия правоприменительного процесса, обеспечивающая принятие законного и обоснованного решения по конкретному делу. Основываясь на принципах правоприменительной политики, субъекты доказывания должны осуществлять данную деятельность в соответствии с правилами, установленными в нормативных правовых актах, при этом обеспечивать соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь. Выбор между адаптацией правоприменительной практики к уровню профессионализма субъектов доказывания, целесообразностью и законностью недопустим.

---

1. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Правоприменительная политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. М. : КНОРУС, 2024. 336 с. Вернуться к статье

3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. 5-е изд. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. О некоторых вопросах применения уголовно-процессуального закона в суде первой инстанции [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 сент. 2002 г. № 6 : в ред. от 28 сент. 2023 г. № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.13

Т. А. Васильева
адъюнкт Дальневосточного юридического института
МВД России имени И. Ф. Шилова

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ИНСТИТУТ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В системе мер процессуального принуждения арест имущества выделяется своей направленностью на имущественные, а не на личные права участников уголовного судопроизводства, включая лиц, которые формально не признаны подозреваемыми или обвиняемыми. Обеспечительные меры в уголовном процессе (и арест имущества в их числе) требуют соразмерности публичных интересов расследования и частных прав собственников. Согласно ч. 2 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации), арест имущества определяется как запрет собственнику или владельцу распоряжаться и пользоваться принадлежащим ему имуществом, а при необходимости также как ограничение права владения [1]. Однако буквальное содержание приведенной нормы порождает множественность ее интерпретаций. Законодатель не раскрывает критерии «необходимости» ограничения владения, что создает предпосылки для произвольного правоприменения. Практика демонстрирует, что суды зачастую санкционируют арест без детального анализа пропорциональности меры. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывают, что удовлетворяемость ходатайств следствия о наложении ареста на имущество стабильно превышает 90 %, при этом лишь в незначительном проценте случаев судебные решения содержат развернутое обоснование необходимости именно такого объема ограничений [2].

Теоретическая основа института ареста имущества восходит к концепции обеспечительных мер. Арест призван гарантировать возможность исполнения приговора в части конфискации, возмещения вреда, взыскания процессуальных издержек. Однако это справедливо не для всех случаев. Нередко арест накладывается на вещи, которые впоследствии не могут быть конфискованы в силу закона. Например, на единственное жилье лица, не являющегося обвиняемым. УПК Российской Федерации не содержит прямого запрета на арест единственного жилья. Часть 1 ст. 115 УПК Российской Федерации отсылает к перечню имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, но не воспроизводит этот перечень применительно к аресту. Возникает парадокс: имущество, которое заведомо не может быть конфисковано

или реализовано для возмещения ущерба, временно выводится из оборота, лишая собственника права им распоряжаться.

Методологическую основу настоящего исследования составляют как общенаучные, так и частнонаучные методы познания. Применение диалектического метода позволило рассмотреть арест имущества в развитии и выявить внутренние противоречия данного правового института. Системный анализ использовался для определения места ареста имущества в системе мер процессуального принуждения и его взаимосвязи с иными обеспечительными мерами. Формально-юридический метод применялся при толковании норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Статистический метод позволил обобщить данные судебной статистики и результаты эмпирических исследований, проведенных в 2022–2025 гг.

Право собственности гарантировано ст. 35 Конституции Российской Федерации [3]. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Казалось бы, формальное требование судебного решения соблюдается, арест налагается судом по ходатайству следователя. Однако реальная проверка обоснованности такого ограничения нередко носит формальный характер.

Конституционный Суд неоднократно указывал на необходимость соблюдения принципа пропорциональности при применении мер процессуального принуждения. Ограничение права собственности допустимо лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых целей. Речь идет не столько о формальном наличии оснований для ареста, сколько о реальной соразмерности этой меры характеру предполагаемого правонарушения и объему возможного ущерба. На практике же нередко наблюдается избыточность ограничений.

Одна из наиболее болезненных проблем — арест имущества лиц, формально не участвующих в уголовном деле. Часть 3 ст. 115 УПК Российской Федерации допускает наложение ареста на имущество, находящееся у третьих лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий. Формулировка «достаточные основания полагать» является оценочной категорией, допускающей широкое усмотрение. Практика показывает, что суды нередко санкционируют арест имущества третьих лиц на основании предположений следствия, не подкрепленных конкретными доказательствами. Пострадавшими оказываются добросовестные приобретатели. Например, гражданин приобрел автомобиль по договору купли-продажи, должным образом зарегистрировал право собственности. Через год выясняется, что продавец получил денежные средства на покупку этого автомобиля в результате мошеннических действий. На основании этого на автомобиль налагается арест,

хотя покупатель не имел и не мог иметь сведений о происхождении средств продавца. Формально закон позволяет такой арест, однако это вступает в противоречие с конституционным принципом защиты добросовестного приобретателя.

Еще одна проблема — сохранность арестованного имущества. Часть 2 статьи 115 УПК Российской Федерации предусматривает передачу имущества на хранение собственнику, иному владельцу или специализированной организации. Но что происходит, когда имущество — это бизнес? Арест доли в уставном капитале или акций фактически парализует деятельность предприятия. Невозможность распоряжаться долей означает невозможность принятия ключевых корпоративных решений. Предприятие может обанкротиться, стоимость активов обнулится, и в итоге потерпевший не получит возмещения, государство не сможет взыскать штраф. Законодатель не предусмотрел механизма «экономически эффективного ареста». В зарубежной практике существуют модели временного внешнего управления арестованными предприятиями, когда независимый управляющий обеспечивает сохранность бизнеса до разрешения уголовного дела. Российское законодательство таких инструментов не содержит.

Статья 115 УПК Российской Федерации предусматривает право обжалования постановления суда о наложении ареста на имущество. Казалось бы, процессуальная гарантия соблюдена, однако эффективность этого механизма вызывает сомнения. Во-первых, арест налагается в рамках закрытого судебного заседания, без участия лица, чье имущество подлежит аресту. Собственник узнает об аресте уже постфактум. Во-вторых, апелляционная инстанция крайне редко отменяет постановления о наложении ареста, как правило, ограничивается проверкой формального соблюдения процедуры, не вдаваясь в оценку обоснованности и пропорциональности ареста. В-третьих, отсутствует обязанность периодического пересмотра обоснованности сохранения ареста. Арест может действовать годами без какой-либо переоценки необходимости продолжения ограничений. В отличие от меры пресечения, которая подлежит регулярной проверке и продлению, арест имущества не требует подтверждения через определенные промежутки времени. Следователь не обязан обращаться в суд с ходатайством о продлении ареста, он действует до момента отмены.

Существует и процессуальная лакуна. Если лицо не является подозреваемым или обвиняемым, но его имущество арестовано как «связанное с преступлением», такое лицо лишено многих процессуальных прав. Оно не может знакомиться с материалами дела, участвовать в следственных действиях, заявлять ходатайства о проведении экспертиз. Формально оно имеет право на обжалование ареста, но реально не располагает информацией, необходимой для эффективного обжалования. Законодатель попытался решить эту проблему введением института «заинтересованного лица» в ст. 115 УПК Российской

Федерации. Однако правовой статус такого лица прописан недостаточно четко, его процессуальные возможности ограничены правом на обжалование и участие в рассмотрении жалобы.

Что происходит, если в результате уголовного преследования лицо признано невиновным или дело прекращено за отсутствием состава преступления? Глава 18 УПК Российской Федерации предусматривает право реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, в том числе вреда, связанного с арестом имущества. Однако реабилитированное лицо обязано доказать факт причинения вреда, его размер и причинно-следственную связь с арестом имущества. Как доказать, что банкротство вызвано именно арестом, а не иными рыночными факторами, если в результате длительного ареста бизнес обанкротился? Как оценить упущенную выгоду, если арестованный автомобиль утратил в цене из-за невозможности использования?

Судебная практика по делам о возмещении вреда, причиненного незаконным арестом имущества, весьма противоречива. Суды неохотно признают право на компенсацию морального вреда юридическим лицам, ссылаясь на ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], хотя репутационные потери бизнеса от ареста активов могут быть катастрофическими. Сложно доказать и размер упущенной выгоды. Суды требуют представления детальных расчетов, которые в условиях уже разрушенного бизнеса зачастую невозможно подготовить.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию института ареста имущества в уголовном процессе, которые активно обсуждаются в научной литературе. Для оптимизации института ареста имущества в уголовном процессе представляется необходимым: законодательное закрепление принципа пропорциональности с обязательной мотивацией судом объема и вида ограничений; введение периодического (раз в полгода) судебного контроля за сохранением ареста, исключающего необоснованное пролонгирование ограничений; детальную регламентацию процессуального статуса добросовестных владельцев, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми; прямой запрет ареста имущества, заведомо не подлежащего конфискации либо обращению взыскания; разработку механизма «щадящего ареста» для действующего бизнеса, предотвращающего утрату экономической ценности предприятия; а также упрощение порядка компенсации вреда от незаконного ареста.

Арест имущества в уголовном процессе остается институтом, балансирующим на грани между необходимым ограничением прав в интересах правосудия и недопустимым произволом в отношении собственников. Конституционные гарантии неприкосновенности собственности требуют, чтобы такие ограничения

применялись исключительно в случаях, когда иные меры обеспечения исполнения приговора невозможны или недостаточны.

Действующее законодательство содержит значительные пробелы и оценочные категории, позволяющие широкое судебное усмотрение без должных процедурных гарантий. Практика применения ст. 115 УПК Российской Федерации, как свидетельствуют приведенные данные, демонстрирует формализм при санкционировании ареста и неэффективность механизмов защиты прав собственников, особенно третьих лиц, не являющихся участниками уголовного процесса.

Совершенствование института ареста имущества должно идти по пути усиления судебного контроля, введения обязательной периодической проверки обоснованности сохранения ограничений, детальной регламентации процессуального статуса заинтересованных лиц и упрощения процедур компенсации вреда реабилитированным. Необходим переход от формальной проверки оснований ареста к содержательной оценке пропорциональности ограничений с учетом всех обстоятельств дела, характера предполагаемого преступления и имущественного положения лиц, чьи права затрагиваются.

Только при соблюдении баланса между публичным интересом в эффективном уголовном преследовании и частным интересом в защите собственности институт ареста имущества сможет соответствовать конституционным требованиям и международным стандартам защиты прав человека.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.04.2026). Вернуться к статье

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.8

С. В. Владимиров
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Исполнение наказания в отношении осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, предполагает не только карательное воздействие за счет факта содержания лица в условиях существенных ограничений прав личности, но и осуществление в отношении такого лица воспитательного и дисциплинирующего воздействия с целью исправления осужденного, побуждения его к общественно одобряемому поведению.

В то же время считаем важным отметить, что эффективным дисциплинарное воздействие может быть только при условии его обоснованного и соразмерного применения. При нарушении указанных условий дисциплинарное воздействие на осужденного может только привести к росту у такого лица пренебрежения к правовым нормам, что с большой долей вероятности приведет к ухудшению поведения осужденного, которое может быть выражено в совершении им новых нарушений условий отбывания наказания в исправительном учреждении или совершении им новых правонарушений после отбывания наказания. В связи с этим полагаем, что важную роль в обеспечении эффективности применения мер дисциплинарного воздействия играет в том числе контроль обоснованности их применения. Данная функция реализуется также через механизмы прокурорского надзора.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК) в ст. 117 указывает, что при инициировании процедуры привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности необходимо учитывать ряд аспектов, а именно: обстоятельства совершения нарушения; личность осужденного, привлекаемого к ответственности; предыдущее поведение осужденного [1].

В свою очередь, необходимо учитывать ряд факторов при разрешении вопроса о выборе дисциплинарного воздействия, которое может в некоторых случаях влечь за собой принятие решения о наложении на осужденного взыскания. В таких ситуациях российское законодательство предусматривает возможность обжалования такого решения. К. В. Леонов указывает: «Как показывает практика, осужденные в случае несогласия с наложенным на них дисциплинарным взысканием обжалуют их сначала надзирающему прокурору. Ими направляются

как письменные обращения, так и поднимаются данные вопросы при проведении личного приема в исправительных учреждениях» [2, с. 81].

В целях недопущения принятия необоснованных или несоразмерных мер взыскания, применяемых к осужденному, представляется необходимым неукоснительное соблюдение процедуры наложения взыскания, а также обоснованности применения мер поощрения. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией А. Ф. Федорова, указывающего, что при применении мер взыскания и поощрений в равной степени необходимо руководствоваться принципами индивидуализации, дифференциации, открытости, обоснованности и коллегиального рассмотрения [3, с. 53].

Однако представляется, что данный перечень возможно дополнить еще одним принципом, который необходимо применять в целях повышения эффективности дисциплинарного воздействия, — принципом отслеживаемости поведения осужденного. Мы полагаем, что сущность данного принципа заключается в необходимости отслеживать поведение осужденного после применения к нему мер поощрения и (или) мер взыскания. Осужденный, который после поощрения продолжает вести себя дисциплинированно, проявляет добросовестное отношение к труду, должен получать дополнительные (новые) поощрения. В свою очередь, если после применения взыскания осужденный не поменял «траекторию» своего поведения, то данное обстоятельство может указывать на один из следующих возможных вариантов: наказание было недостаточно строгим — существуют основания учесть данное обстоятельство в случае нового нарушения режима отбывания наказания; наказание было несоразмерным проступку, в результате чего у осужденного вырабатывается «враждебность» к действиям администрации исправительного учреждения — в связи с этим есть необходимость учета и анализа соразмерности и правомерности ранее назначенных дисциплинарных взысканий, даже в тех случаях, когда осужденный не предпринимал попыток к его оспариванию.

Представляется обоснованным в случае, если осужденный после применения первого дисциплинарного взыскания не меняет линию своего поведения, проверять оба возможных варианта. В подобных ситуациях в целях получения объективных результатов дисциплинарного воздействия представляется необходимым при принятии последующих решений в отношении осужденного привлекать к участию сотрудника психологической службы исправительного учреждения, чтобы он высказал свою позицию о влиянии ранее примененных мер дисциплинарного воздействия на поведение осужденного, а также эффективности влияния примененных мер на его поведение.

В то же время дисциплинарное воздействие в отношении осужденного не должно ограничиваться исключительно мерами взыскания за неправомерное поведение. Представляется, что в исправлении осужденного, который еще не был

вовлечен в тюремную субкультуру, существенную роль играют не только меры взыскания, но и меры поощрения за действия, свидетельствующие о приобретении осужденным социально одобряемых качеств, например, развития у него хорошего поведения, а также добросовестного отношения к труду.

О важности мер поощрения в системе мер воздействия на осужденного косвенно свидетельствует тот факт, что УИК в ст. 113 предусматривает большее количество видов поощрений, чем видов дисциплинарных взысканий. В связи с этим можно сказать, что важным направлением повышения эффективности дисциплинарного воздействия является разработка новых мер поощрения осужденных. Однако, учитывая большое количество уже закрепленных в УИК мер поощрения, развитие данного направления затруднительно. Также стоит отметить, что отбывание наказания в виде лишения свободы предполагает наложение значительных ограничений на осужденного. В связи с этим чрезмерное введение новых мер поощрения в некоторой степени может нивелировать сущность и цели наказания, особенно в виде лишения свободы.

Таким образом, можно сказать, что дисциплинарное воздействие на осужденного является одним из средств воздействия, применяемых администрацией исправительного учреждения, в целях его исправления. При этом важную роль при обеспечении эффективности рассматриваемого метода воздействия играют законность, обоснованность и соразмерность применения мер дисциплинарного воздействия. При этом эффективность мер дисциплинарного воздействия обеспечивается за счет законодательной регламентации процедуры применения (наложения) взыскания, наличия реального контроля за обоснованностью принимаемых решений должностными лицами исправительного учреждения, а также путем проверки обоснованности такого решения иными государственными органами.

---

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г. : в ред. Федер. закона от 20 февр. 2026 г. № 32-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Леонов К. В. Прокурорский надзор как гарантия соблюдения прав осужденных при применении к ним мер дисциплинарного характера // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность : сб. ст. по материалам науч.-практ. круглого стола, Владивосток, 18 февр. 2022 г. / Дальневост. федер. ун-т ; отв. ред. Е. Ю. Антонова. Владивосток, 2022. С. 79–82. Вернуться к статье

3. Федоров А. Ф. Меры взыскания и поощрения как одно из приоритетных направлений воспитательного воздействия в современной деятельности уголовно-исполнительной системы // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 18–19 мая 2022 г. : в 2 т. / Воронеж. ин-т ФСИН России. Воронеж, 2022. Т. 2. С. 52–56. Вернуться к статье

УДК 343.3/7

О. Ф. Воспякова
старший преподаватель кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

А. И. Козодой
курсант 2 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ

В современном мире использование искусственного интеллекта (далее — ИИ) стало неотъемлемой частью повседневной жизни общества. Сферы его применения могут быть самыми различными. Так, в правоприменительной деятельности ИИ может анализировать значительный объем данных, что необходимо для прогнозирования различных видов преступлений, автоматизировать сбор доказательств, распознавать лиц и т. д.

Но далеко не всегда ИИ используется в общественно полезных целях. Судебно-следственная практика последних лет в различных государствах, в том числе и в Республике Беларусь, свидетельствует о новых криминальных угрозах, появление которых связано с ИИ. Уже известны случаи, когда преступники используют его возможности для обмана граждан, в частности для создания поддельных аудио- и видеозаписей, фишинговых атак и других форм киберпреступности. Это связано с тем, что искусственный интеллект способен обрабатывать большие объемы данных, имитировать человеческое поведение, голос, перенимать некоторые человеческие качества.

На сегодняшний день одним из примеров использования ИИ в совершении преступлений является создание и использование дипфейков. По сути дипфейки — это поддельное фото или видео, созданное на основе использования конкретных алгоритмов. Эти материалы настолько реалистичны, что их практически невозможно отличить от оригинала.

ИИ применяют для создания фейковых новостей, которые можно использовать для манипулирования обществом, создания паники среди населения. Так, в Калининградской области (Россия) по социальным сетям разошлось заявление губернатора области о якобы имеющейся вспышке холеры. Кроме того, в своем выступлении глава региона сделал провокационные заявления в адрес соседних стран. Очевидно, что подобное выступление могло вызвать панику среди населения, ухудшить отношения с другими государствами. Впоследствии

пресс-служба правительства области опровергла эту информацию, признала опубликованные кадры фейком [1].

Еще одним примером может служить случай, который произошел в Приморском крае России. Один из местных жителей создал и опубликовал реалистичное видео с тигром на улицах города. ИИ-фейк спровоцировал массовую тревогу среди населения. Позднее в Министерстве природных ресурсов и экологии России заявили, что это фейк. Городскими властями было подано заявление в правоохранительные органы. Теперь автору ролика грозит штраф до 100 000 российских рублей (около 3 700 белорусских рублей в эквиваленте) [2].

Помимо дипфейков, злоумышленники придумали новый метод получения информации от пользователей персональных компьютеров — создание вредоносного программного обеспечения, которое направлено на извлечение, шифрование или уничтожение данных. Его суть заключается в следующем. Создаются фальшивые сайты с капчами (картинками, которые нужно разгадать, чтобы доказать, что ты человек), которые заражают файлы вредоносным программным обеспечением. При нажатии на кнопку проверки запускается скрытая команда PowerShell. Эта команда устанавливает две опасные вредоносные программы — Vidar Stealer и Lumma Stealer, которые получают данные для входа, финансовые сведения, а также специальные коды, которые помогают входить в различные онлайн-сервисы.

Почему преступления, которые совершаются с использованием ИИ, представляют большую угрозу, создают так называемые вызовы правоохранительным органам?

Во-первых, точно не известен отправитель или создатель киберугрозы. Он может находиться не в той стране, где она произошла. Также возможно отвести от себя подозрения, создав ложные улики.

Во-вторых, технологии защиты, которые используют правоохранители, подчас отстают от возможностей атакующих.

В-третьих, отсутствует единая правовая регламентация подобных деяний в различных странах.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в таких преступлениях бывает достаточно сложно установить причинно-следственные связи, так как сложность алгоритмов машинного обучения систем ИИ затрудняет понимание того, как именно было принято то или иное решение, которое привело к преступному результату.

Очевидно, что на данный момент ИИ можно рассматривать как достаточно эффективное средство для совершения преступлений. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) отсутствуют правовые нормы, в диспозиции которых было бы предусмотрено совершение преступления посредством

использования ИИ. В судебно-следственной практике подобные деяния расцениваются как преступления против компьютерной безопасности (глава 31 УК), мошенничество (ст. 209 УК), хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК) и пр. [3].

Есть ли в настоящее время законы, которые регулируют применение ИИ? Первой страной в Европейском союзе, которая установила правовую регламентацию применения ИИ, стала Италия, в законодательстве которой предусмотрена уголовная ответственность за использование ИИ в преступных целях, а также ограничение доступа к таким технологиям детей. Но следует отметить, что единого подхода к регулированию этой области в мире еще не существует [4].

В Беларуси есть определенные наработки по регулированию цифрового развития, в том числе ИИ. Как отметил депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь В. В. Боровенко, в 2025 г. в стране сформирована рабочая группа из представителей различных министерств и ведомств, которая занимается разработкой законопроекта в области ИИ. По его словам, ответственность за использование ИИ — один из главных вопросов, который вызывает много споров у разработчиков законопроекта. Очевидно, что здесь необходим комплексный подход. Депутат подчеркнул, что важно создать такие условия, которые бы не препятствовали развитию новых технологий и вместе с тем обеспечивали безопасность граждан, предприятий и организаций [5].

Анализируя возможности ИИ в создании современных криминальных угроз, можно сделать вывод, что ИИ не создает новых преступлений, он только модифицирует уже существующие, усложняет их раскрытие. Но его использование представляет повышенную опасность как для общественных интересов, так и для любого человека. Как уже отмечалось, это связано с его широкомасштабностью, возможностью манипулировать сознанием людей, с быстрым развитием технологий. Проблема заключается и в том, что нет единого мнения по поводу того, кто должен нести ответственность за вред, причиненный в результате использования ИИ. Это могут быть как разработчики программ, так и пользователи технологий или их владельцы. Например, в случае наезда беспилотного автомобиля на пешехода или ошибки в медицинской диагностике.

Представляется, что в той или иной форме использование ИИ в преступных целях должно найти отражение и в действующем уголовном законодательстве. В частности, по нашему мнению, возможно дополнение действующих уголовно-правовых норм (например, ст. 209 УК) квалифицирующим признаком, предусматривающим использование ИИ при совершении преступления. Подобным образом можно дополнить ст. 64 УК, закрепляющую перечень обстоятельств, отягчающих ответственность.

Необходимо изучать и учитывать зарубежный опыт регламентации ответственности за использование ИИ.

1. В Сети распространился дипфейк с губернатором Калининградской области [Электронный ресурс] // AM Медиа : [сайт]. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-05-06-121598/45982 (дата обращения: 30.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Белорусы могут получить штраф или уголовку за использование ИИ [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : [сайт]. URL: https://www.belarus.kp.ru/online/news/6760312/ (дата обращения: 30.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Италия первой в ЕС приняла закон о регулировании использования ИИ [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты» : [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/09/18/italiia-pervoj-v-es-priniala-zakon-o-regulirovanii-ispolzovaniia-ii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 30.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Между инновациями и безопасностью. Круглый стол в СБ: каким должен быть первый комплексный закон об искусственном интеллекте в Беларуси? [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь Сегодня : [сайт]. URL: https://www.sb.by/articles/mezhdu-innovatsiyami-i-bezopasnostyu.html (дата обращения: 30.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.985.7

Т. И. Гарипов
доцент кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЫ

Противодействие незаконному обороту наркотиков является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности. Особую опасность представляет вовлечение в эту деятельность несовершеннолетних, чье несформировавшееся сознание и психоэмоциональная неустойчивость делают их уязвимыми для манипуляций со стороны наркопреступников. Как отмечает Верховный Суд Российской Федерации, в преступную деятельность вовлекаются молодые люди, в том числе несовершеннолетние: в 2023 г. 1,7 % осужденных за наркопреступления на момент совершения деяния не достигли совершеннолетия [1].

Современный наркобизнес активно использует интернет-среду для бесконтактного сбыта запрещенных веществ и поиска новых участников преступных схем, где несовершеннолетним отводится роль «закладчиков». Актуальность темы обусловлена тем, что расследование указанных преступлений требует обязательного применения широкого спектра специальных знаний: от химии и компьютерной техники до лингвистики. В настоящей статье рассматриваются особенности и тактика использования специальных знаний при расследовании фактов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков в цифровой среде.

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить противоправные действия, выражающиеся как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложений, разжигания зависти или мести [2]. В условиях цифровизации данные действия трансформировались и приобрели новые способы реализации.

Современные способы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков активно адаптируются к цифровой среде. Основными методами являются: онлайн-вербовка через социальные сети и мессенджеры (Telegram, WhatsApp), где подросткам обещают легкий заработок; эксплуатация

финансовой зависимости и любопытства; психологическое давление и шантаж после получения личных данных; пропаганда через субкультуры с рекламой синтетических наркотиков («соли», «меф») как «безопасных»; использование технологий анонимности (Tor, VPN) и семейного неблагополучия. Указанные способы совершения преступлений обусловливают высокую латентность деяний (до 60 %) и необходимость применения специальных знаний для их выявления [3].

Процессуальная деятельность по выявлению вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков включает комплекс следственных действий, требующих участия специалистов. В первую очередь проводятся допросы несовершеннолетних с обязательным участием педагога и психолога, что требует применения специальных знаний в области возрастной психологии. Параллельно осуществляется сбор цифровых доказательств: контроль и запись переговоров, осмотр и выемка электронных устройств. Для исследования содержимого смартфонов и компьютеров назначается компьютерная экспертиза. С помощью программно-аппаратных комплексов, таких как «Мобильный криминалист», эксперт извлекает текстовые и голосовые сообщения, файлы и метаданные, преодолевая средства защиты и получая информацию из облачных хранилищ [4]. Далее полученные из мессенджеров и социальных сетей тексты и фонограммы становятся объектами фоноскопической и лингвистической экспертиз для установления дословного содержания разговоров, идентификации участников, выявления замаскированных под бытовую лексику арготизмов наркобизнеса и определения ролей (организатор, исполнитель) в преступной группе [5].

Важным аспектом является использование OSINT (Open Source Intelligence) — разведки по открытым источникам. Анализ открытых данных социальных сетей, даркнет-форумов и криптоплатформ позволяет правоохранительным органам извлекать ценную информацию о вербовщиках, схемах сбыта и местах «закладок», отслеживать транзакции в блокчейне.

При этом необходимо учитывать повышенную опасность объектов при проведении осмотров и обысков в подпольных нарколабораториях, куда часто вовлекаются подростки для производства наркотиков. Участие специалиста-химика обеспечивает безопасность участников следственного действия, правильную фиксацию и изъятие химического оборудования, реактивов и готового продукта [6]. Результаты всех исследований и экспертиз формируют надежную доказательственную базу, позволяя установить все обстоятельства вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.

Таким образом, основополагающей чертой вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков является активное использование преступниками информационно-телекоммуникационных технологий и изощренных

методов убеждения, направленных на неустойчивую психику подростков. Использование специальных знаний является ключевым инструментом в расследовании данной категории дел.

Эффективность раскрытия и расследования достигается только комплексным применением знаний в области химии, компьютерной техники, лингвистики и психологии. Своевременное назначение компьютерных, фоноскопических и лингвистических экспертиз позволяет преобразовать цифровые следы в доказательства, а участие специалистов при производстве следственных действий — обеспечить их безопасность и результативность. Сочетание контроля за цифровой активностью подростков передовых технологий OSINT с традиционными криминалистическими методами позволяет успешно противодействовать вовлечению несовершеннолетних в наркопреступность.

---

1. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации. 2024. № 8. Вернуться к статье

2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 : в ред. от 28 окт. 2021 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. Рогова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях информационной глобализации // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2023. № 2. С. 112–117. Вернуться к статье

4. Муравьев К. В., Ермаков М. Г. Современные возможности судебно-компьютерной экспертизы и меры по совершенствованию практики ее назначения при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств «дистанционным» способом // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2019. № 3 (90). С. 185. Вернуться к статье

5. Манянин П. А., Коряковцев А. В. О возможностях судебной лингвистической экспертизы при установлении ролей и функций наркопреступников // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 2–3 апр. 2020 г. : в 2 ч. / Сиб. юрид. ин-т МВД России ; отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск, 2020. Ч. 1. С. 203–204. Вернуться к статье

6. Карпенко Ю. А., Балабаев И. А. Участие специалиста-химика при проведении обыска подпольных химических лабораторий по изготовлению и производству наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 4–5 апр. 2019 г. : в 2 ч. / Сиб. юрид. ин-т МВД России ; отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск, 2019. Ч. 2. С. 101–102. Вернуться к статье

УДК 343.1

В. М. Демьянова
преподаватель кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ

Заключение эксперта, являясь источником доказательств, представляет собой одно из звеньев в сложном процессе познания объективной истины по делу. Достижение объективной истины по уголовному делу предполагает использование доказательств, полученных из предусмотренных законом источников, в число которых входит заключение эксперта. При этом, как и любое другое доказательство, заключение эксперта подлежит оценке органом производящем дознание, следователем или судом.

Заключение эксперта оценивается органом, производящим дознание, следователем или судом по совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Также заключение экспертизы, как и все доказательства по уголовному делу, должны подлежать оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности [1, ст. 19, 105].

Оценка заключения эксперта не должна быть самоцелью. Она предполагает установление возможностей использования заключения в качестве источника доказательств. Использовать заключение эксперта — значит установить с его помощью факты, имеющие значение для расследования или судебного разбирательства дела [2, с. 47].

Заключение эксперта не имеет каких-либо преимуществ перед другими доказательствами, но все же обладает, по сравнению с ними, существенной спецификой, поскольку представляет собой вывод, умозаключение, основанное на специальных знаниях.

Внутреннее убеждение лиц, оценивающих заключение эксперта, выражается в уверенности в правильности, достоверности объективного рассмотрения всех обстоятельств, взятых в совокупности, то есть отношение органа дознания, следователя и судьи к выводам эксперта не должно быть связано ни с какими выводами любого из участников процесса. Но внутреннее убеждение должно быть объяснено. Критически оценивая и рассматривая доказательства по делу и приходя к определенному выводу, следователь и суд в соответствующих

процессуальных документах — обвинительном заключении или приговоре — должны указать, на чем этот вывод основан.

Оценка заключения эксперта органом дознания, следователем и судьей должна проводиться по классической схеме оценки доказательств, которая состоит из двух основных этапов [3].

Первый этап — проверка соблюдения процессуальных требований, относящихся к порядку назначения и производства экспертизы. На этом этапе должны выясняться следующие вопросы:

1) проведена ли экспертиза лицом, обладающим такими специальными знаниями, которые необходимы для решения поставленной задачи;

2) соблюдены ли требования Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, относящиеся к порядку назначения первичных, дополнительных и повторных экспертиз;

3) соблюдены ли права обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве экспертиз;

4) соблюден ли процессуальный порядок получения вещественных доказательств и образцов, использовавшихся в качестве сравнительного материала при производстве экспертизы.

Выяснение перечисленных вопросов позволяет оценить данное доказательство с точки зрения относимости и допустимости.

Понятие относимости заключения эксперта к данному уголовному делу означает, что экспертиза была проведена на основе материалов данного дела и ее результаты имеют значение для его правильного и справедливого разрешения. При этом фактические данные, содержащиеся в заключении эксперта, подтверждают или опровергают обстоятельства, подлежащие установлению по делу.

Оценка допустимости заключения эксперта как доказательства означает проверку соблюдения процессуальных требований при назначении и производстве экспертизы и оформлении ее результатов, проверку правомочий и компетентности эксперта, выяснение процессуального статуса представленных на экспертизу материалов.

Оценка допустимости заключения эксперта совпадает с установлением его законности. Поэтому, если орган дознания, следователь или суд обнаружит существенные нарушения процессуальных требований закона, он вправе назначить повторную экспертизу по делу. При оценке допустимости заключения эксперта, кроме того, должно быть проверено, не подлежит ли эксперт отводу, т. е. достаточно ли он компетентен и не заинтересован ли он в исходе дела. Необходимо также проверить правильность оформления заключения, наличие всех необходимых реквизитов, указанных в законе.

Оценив в совокупности соответствие заключения эксперта всем вышеизложенным требованиям, следователь переходит ко второму этапу оценки.

Второй этап — проверка полноты научной обоснованности и мотивированности заключения. На этом этапе должны проверяться и оцениваться изложенные в заключении факты, применяемые экспертом методы исследования, язык заключения, приложенный к нему иллюстративный материал [4, с. 56].

Подводя итог, можно отметить, что орган дознания, следователь или суд, оценивая заключение эксперта, могут прийти к следующим выводам:

− признать заключение полным и обоснованным, а содержащиеся в нем фактические данные обладающими свойствами относимости и допустимости;

− признать заключение недостаточно ясным или неполным и при необходимости назначить дополнительную экспертизу или допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения;

− признать заключение эксперта необоснованным или вызывающим сомнение в его правильности и при необходимости назначить повторную экспертизу или провести иные процессуальные действия, направленные на проверку выводов эксперта.

В ходе проведенного исследования удалось установить наиболее типичные ошибки, допускаемые при назначении экспертиз:

1. Оформление не соответствует форме, заполнено от руки неразборчивым почерком.

2. Не указываются полные паспортные данные потерпевшего: Ф. И. О., год рождения, адрес регистрации.

3. Обстоятельства смерти, получения потерпевшим телесных повреждений излагаются весьма кратко либо вообще не указываются. Даются противоречивые сведения о дате получения повреждений потерпевшим, обстоятельства дела ограничиваются фразами: «причинены телесные повреждения», «был избит», «получил травму при ДТП», «поступил в больницу», «скончался в больнице», «поступило сообщение о смерти» и т. п. [5, с. 132].

4. При формулировке вопросов, подлежащих разрешению при производстве экспертизы, они указываются стандартно, без учета конкретных обстоятельств, а нужные вопросы не ставятся, что приводит к необходимости эксперту все-таки отвечать на поставленные вопросы, а на вопросы, которые сразу не были сформулированы, — при назначении дополнительных экспертиз. Так, при указании в материалах дела на конкретные обстоятельства («нанес удар ножом», «были нанесены удары» и т. п.) ставится вопрос о возможности образования телесных повреждений при падении пострадавшего с высоты собственного роста; при нахождении пострадавшего в больнице длительное время без сознания спрашивают, не находился ли он незадолго до смерти в состоянии алкогольного опьянения.

5. Потерпевшие не всегда вовремя направляются для повторных осмотров, что приводит к затруднению в объективизации длительности расстройства

здоровья. Не вовремя по запросам экспертов предоставляются необходимые материалы дел, медицинские документы, результаты обследований потерпевших врачами-специалистами. А это причина невозможности дачи ответов экспертом на все поставленные перед ним вопросы и назначения дополнительных экспертиз, а в результате — увеличение сроков расследования уголовных дел. При назначении экспертиз по медицинским документам они предоставляются не в полном объеме, что вынуждает экспертов запрашивать недостающее, а это удлиняет сроки производства экспертиз.

6. Предоставление в распоряжение эксперта материалов дела: незаверенные копии, предоставление частичных материалов по усмотрению следователя, несвоевременность.

Отсутствие единой базы данных всех по стране медицинских учреждений усложняет процесс сбора информации о заболеваниях и прохождении обследований в различных медицинских учреждениях страны исследуемого лица, также сбор информации через официальную переписку (запросы) затягивает сроки проведения экспертного исследования либо вообще приводит к тому, что эксперт не может сделать выводы по экспертизе.

Все вышеперечисленное приводит либо к возврату экспертиз без исполнения, либо к запросам о предоставлении необходимых материалов.

Подводя итог, можно отметить, что взаимодействие всех подразделений органов дознания, следствия, суда и Государственного комитета судебных экспертиз налажено на должном уровне, о чем свидетельствует статистика по назначению повторных экспертиз. Также следует отметить, что для сокращения сроков проведения экспертиз и количества документооборота постановление о назначении судебной экспертизы выносится на Государственный комитет судебных экспертиз, а не на конкретное его подразделение, что упрощает процесс перенаправления экспертизы в другое подразделение без возвращения и повторного вынесения постановления о проведении экспертизы. Для уменьшения сроков проведения экспертиз (особенно это актуально для судебно-медицинской экспертизы) следует решить вопрос по предоставлению информации из медицинских учреждений всей страны (в том числе и частных), например создание единой базы данных по медицинским учреждениям. Также есть отдельные проблемы по проведению экспертиз автотранспорта, ввиду сложившейся экономической и геополитической ситуации и введенных санкций проблематично получать ответы от европейских производителей автотранспорта.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. М. : Юрайт, 2012. 320 с. Вернуться к статье

3. Лупинская П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Рос. юстиция. 2012. № 7. С. 61–68. Вернуться к статье

4. Ищенко Е. П. Криминалистика. Краткий курс. М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2003. 302 с. Вернуться к статье

5. Криминалистика : учеб. / под ред. А. Г. Филиппова. М. : Высш. образование, 2013. 560 с. Вернуться к статье

УДК 343.98

И. Д. Джеенбеков
магистрант 2 курса
Академии МВД Кыргызской Республики
имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА, СОВЕРШЕННОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Правовое регулирование противодействия терроризму в Кыргызской Республике осуществляется, в частности, Законом Кыргызской Республики от 4 июля 2022 г. № 55 «О противодействии терроризму» [1]. В соответствии с указанным законом, террористический акт определяется как совершение взрыва, поджога либо иных действий, создающих опасность гибели людей или наступления иных тяжких последствий, с целью устрашения населения, нарушения общественной безопасности либо оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Сходное по содержанию определение закреплено и в Уголовном кодексе Кыргызской Республики (ст. 252), который также устанавливает уголовную ответственность за совершение террористического акта [2]. Квалифицированные составы предусматривают повышенную ответственность, в том числе за использование оружия, взрывчатых веществ и иных опасных средств, вплоть до пожизненного лишения свободы с конфискацией имущества.

В современных условиях стремительного развития технологий особую актуальность приобретают вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия новым формам преступной деятельности. Одним из наиболее опасных проявлений трансформации угроз для Кыргызской Республики является использование беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА) при совершении террористических актов.

Согласно ст. 6 Воздушного кодекса Кыргызской Республики от 6 августа 2015 г. № 218, БПЛА определяется как летательный аппарат, выполняющий полет без пилота (экипажа) на борту и управляемый дистанционно оператором либо автоматически по заданной программе, а также с использованием комбинированных способов управления [3]. Доступность, относительная дешевизна и технологическая простота эксплуатации БПЛА существенно расширяют возможности преступных групп, позволяя осуществлять атаки с минимальными рисками для непосредственных исполнителей.

Террористические акты с применением БПЛА представляют собой сложную форму преступной деятельности, характеризующуюся высоким уровнем

технологичности и дистанционным способом реализации. Использование беспилотных устройств позволяет осуществлять разведку объектов, доставку взрывных устройств и нанесение ударов по заранее выбранным целям, включая объекты критической инфраструктуры и места массового пребывания людей (торговые центры, транспортные узлы, образовательные учреждения и др.). Указанная специфика существенно трансформирует традиционные подходы к расследованию преступлений террористической направленности. Как было верно отмечено профессором Р. С. Белкиным, криминалистическая характеристика преступления представляет собой совокупность типичных признаков, имеющих значение для его раскрытия и расследования [4].

В рассматриваемом случае ключевое значение приобретает наличие у правонарушителей специальных технических знаний и навыков, включая программирование маршрутов полета, работу с навигационными системами и средствами дистанционного управления. Одной из ключевых особенностей является наличие цифровых следов, формируемых в процессе эксплуатации устройства, включая GPS-данные, журналы полета, телеметрическую информацию и сведения о передаче сигналов. Мы согласны с мнением Н. П. Яблокова, который утверждает, что уровень технической оснащенности преступника напрямую влияет на выбор способа совершения преступления и характер оставляемых следов [5].

Расследование террористических актов с использованием БПЛА, так же как и любого преступления, начинается с возбуждения уголовного дела в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики [6]. Первоначальный этап характеризуется необходимостью оперативного реагирования, обеспечения безопасности на месте происшествия, а также своевременной фиксации и изъятия всех доступных следов преступления. Особое значение приобретает обнаружение и изъятие фрагментов беспилотного аппарата, остатков взрывных устройств и взрывчатых веществ, анализ записей с камер видеонаблюдения, а также данных мобильных устройств и иных цифровых носителей. Согласимся с точкой зрения Р. С. Белкина, который подчеркивал, что «своевременное выявление и фиксация следов является одним из ключевых факторов успешного раскрытия преступлений» [4].

При расследовании террористических актов с использованием БПЛА идет акцент на цифровую природу следов, а также необходимо комплексное использование современных методов получения и анализа доказательственной информации, включая данные телекоммуникационных сетей, радиосигналов, открытых источников и технологий искусственного интеллекта.

Существенное значение в расследовании приобретают цифровые доказательства. Помимо традиционного анализа фрагментов БПЛА и видеозаписей, важным направлением является исследование данных мобильной связи. Анализ

SIM-карт, используемых в управляющих устройствах, позволяет установить абонентские номера, историю соединений и возможные связи между участниками преступления. Получение информации от операторов связи дает возможность определить геолокацию устройств в момент управления БПЛА.

Перспективным направлением является трассировка радиосигналов, используемых для управления беспилотным аппаратом. Анализ частот, каналов передачи данных и характеристик сигнала позволяет выявить точку управления и зафиксировать перемещение оператора.

Также существенную роль играет получение и анализ данных от операторов связи, включая детализацию соединений, интернет-трафик и привязку к базовым станциям. Комплексное использование указанных данных позволяет реконструировать действия преступников и установить их местонахождение.

Осмотр места происшествия по делам данной категории требует выявления как материальных, так и цифровых следов. Установление траектории полета и точки запуска БПЛА осуществляется с применением специальных технических средств и привлечением IT-специалистов.

Одной из основных сложностей при расследовании рассматриваемых преступлений является высокая степень анонимности правонарушителей, обеспечиваемая использованием современных средств шифрования и технологий сокрытия личности. Как отмечает Ю. М. Антонян, современный терроризм характеризуется использованием технологий, затрудняющих идентификацию личности и повышающих скрытность преступной деятельности [7].

Дополнительные трудности расследования данных преступлений обусловлены транснациональным характером подобных деяний, что требует активного международного сотрудничества и обмена информацией между правоохранительными органами различных государств.

Серьезной проблемой остается недостаточная регламентация использования БПЛА в Кыргызской Республике, что затрудняет эффективный контроль за их оборотом и эксплуатацией. В настоящее время правовое регулирование в данной сфере характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Несмотря на широкое распространение беспилотных технологий в различных сферах (аэрофотосъемка, мониторинг, коммерческое использование), действующее законодательство не содержит специализированных норм, в полной мере регулирующих их эксплуатацию и устанавливающих ответственность за нарушения соответствующих правил.

Указанные обстоятельства негативно сказываются на эффективности расследования террористических актов с использованием БПЛА в Кыргызской Республике. Увеличение количества беспилотных устройств в воздушном пространстве усложняет процесс идентификации конкретного аппарата,

использованного при совершении преступления, что создает дополнительные трудности для правоохранительных органов.

В целях повышения эффективности противодействия рассматриваемым угрозам представляется необходимым совершенствование законодательства Кыргызской Республики по следующим направлениям:

1) разработка и внедрение специализированных правовых норм, регулирующих реализацию и сферы использования БПЛА, в законодательство Кыргызской Республики;

2) установление обязательных требований к регистрации, идентификации и сертификации беспилотных аппаратов в государственных органах, осуществляющих регистрацию, перерегистрацию движимого имущества, надзор и контроль за воздушным пространством, обеспечивающих безопасность общества и государства;

3) введение уголовной и административной ответственности за нарушения правил эксплуатации БПЛА в зависимости от степени общественной опасности.

Повышение эффективности расследования также возможно при условии комплексного подхода, включающего развитие технических средств мониторинга воздушного пространства, внедрение современных методов анализа данных и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов. Особое значение приобретает использование технологий искусственного интеллекта, в том числе для анализа траекторий полета, обработки видеоданных и выявления аномалий в использовании беспилотных устройств.

Таким образом, террористические акты с использованием БПЛА представляют собой качественно новую форму угрозы общественной безопасности, требующую адаптации существующих криминалистических методик, совершенствования правового регулирования и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Их специфика обусловлена высоким уровнем технологичности, дистанционным характером управления и значительным объемом цифровых следов. Эффективное противодействие данным преступлениям возможно лишь при условии комплексного развития законодательства, криминалистики и современных технологий.

---

1. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Респ. от 4 июля 2022 г. № 55 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112387/edition/1177705/ru (дата обращения: 21.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г. № 127 : в ред. от 14 нояб. 2025 г. № 259 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-

38/edition/56638/ru (дата обращения: 21.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Воздушный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 6 авг. 2015 г. № 218 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 1 окт. 2025 г. № 206 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-26/edition/929268/ru (дата обращения: 21.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2017. 831 с. Вернуться к статье

5. Яблоков Н. П. Криминалистика : учеб. 3-е изд. М. : Юрайт, 2020. 239 с. Вернуться к статье

6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 28 окт. 2021 г. № 129 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 14 нояб. 2025 г. № 260 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-37/edition/56829/ru (дата обращения: 21.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое исследование : моногр. М. : Щит-М, 2019. 464 с. Вернуться к статье

УДК 343.1

С. И. Довгун
доцент кафедры юриспруденции
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова,
кандидат юридических наук, доцент

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВМЕСТНОГО РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА И УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Система общественных отношений в современном государстве строится на приоритете соблюдения прав и свобод человека. Предельно отчетливо степень приверженности данному постулату проявляется в национальном законодательстве. Его состояние и генезис является объективным критерием оценки эффективности обеспечения основных прав и законных интересов граждан.

Правовому регулированию подвергаются наиболее значимые для общества и государства отношения. Прежде всего речь идет о регулировании в материальной сфере, в которой осуществляется обычное, позитивное поведение тех или иных субъектов. Если между этими субъектами возникает конфликт, то для его разрешения используются различные процессуальные институты.

Такая важнейшая задача, как надлежащее и оперативное урегулирование юридических конфликтов, в настоящее время рассматривается в качестве первоочередной. Одно из основных мест в национальных законодательствах отводится разрешению уголовно-правовых конфликтов, поскольку преступление как крайнее проявление девиантного поведения несет в себе серьезную угрозу нормальному функционированию любого цивилизованного общества. Эта задача решается в рамках уголовного процесса, неотъемлемой частью которого является механизм обеспечения прав лиц, пострадавших в результате совершения преступления. В число элементов такого механизма входит гражданский иск, позволяющий реализовывать признанное мировым сообществом право на возмещение вреда.

Во многих случаях преступление выступает в качестве деликта, поскольку наносит вред личности или имуществу гражданина, или имуществу юридических лиц. Факт совершения преступления является основанием возложения уголовной ответственности, а деликт — основанием возложения гражданско-правовой ответственности. Совпадение же в своей основе структуры указанных правонарушений и предмета доказывания при решении вопроса об уголовной ответственности и вопроса о том, причинен ли общественно опасным деянием вред (какой, кому, в каком размере), по сути, стало главнейшей предпосылкой законодательного закрепления института гражданского иска в уголовном процессе.

Уместность данного института долгие годы не подвергалась сомнению. Он считался незыблемым. Преимущества соединенного процесса всегда доминировали над возможными недостатками. Тем не менее в юридической литературе возникла дискуссия ревизионного характера, в ходе которой стали выдвигаться аргументы, направленные как на ликвидацию рассматриваемого института, так и на его сохранение [1, с. 29].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым проанализировать основные, концептуальные положения, относящиеся к гражданскому иску в уголовном процессе, а также отдельные его положительные и отрицательные стороны (в целях получения более рельефного представления о первых) и предложить свою интерпретацию обозначенной проблемы.

Совпадение по структуре преступления и деликта, являясь важнейшей предпосылкой соединенного процесса, не может быть положено в обоснование совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела само по себе, а только в совокупности с другими условиями, поскольку «рассмотрение гражданского иска в уголовном суде совместно с уголовным делом, из которого он вытекает, ввиду глубокого различия, существующего между гражданским делом и делом уголовным, из которого он вытекает, есть несомненное изъятие из общего правила о подлежательности таких исков суду гражданскому» [2, с. 74]. Следовательно, становится очевидной возможность выявления других предпосылок, обусловливающих принципиальную возможность совмещения уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных начал.

Вне всяких сомнений, коренное отличие уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной форм заключается в том, что они базируются на взаимоисключающих принципах — публичности и диспозитивности, что, в свою очередь, послужило одним из доводов устранения гражданского иска из уголовного процесса для его противников [1, с. 29]. Однако при пристальном рассмотрении такой довод не должен приниматься во внимание, так как указанные принципы в соответствующих процессуальных процедурах выражают лишь направляющую роль государства в лице компетентных органов, а не исключительную. Другими словами, государство устанавливает вполне определенные границы вмешательства в разрешение юридических конфликтов, что обеспечивает стабильное функционирование системы правоохраны и удовлетворение общественных интересов. Так, в уголовном процессе присутствуют частные начала (по делам частного и частно-публичного обвинения), а в гражданском — публичные (разрешение незаявленных исковых требований, непринятие отказа от иска, признание иска в случае нарушения чьих-либо прав и законных интересов).

Представленная модель объективно оправданна и реализуется в других отраслях права. В частности, гражданское законодательство в целом является

частноправовым, однако ряд норм ориентирован на учет публичных интересов. А это, в свою очередь, позволяет предупреждать эксцессы в обществе, а также более адекватно регулировать имущественные отношения [3, с. 24].

В качестве предпосылки разрешения гражданского иска в рамках уголовного процесса можно рассматривать также то, что соединенный процесс является надежной гарантией достижения задач уголовно-процессуального закона и уголовного процесса, указанных в ст. 2, 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) [4]. Кроме того, следует отметить, что в каждом случае совершения преступления не всегда обеспечивается решение задач уголовного закона, закрепленных в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь [5], и в отдельных случаях не реализуется такой принцип уголовного закона, как гуманизм, в части обеспечения безопасности человека. Поэтому включение в УПК института гражданского иска есть не что иное, как мера, компенсирующая упущения правоохранительной системы [4].

С нашей точки зрения, совокупность перечисленных условий является достаточной для признания возможности совместного рассмотрения уголовно-правового и гражданско-правового спора.

Соединенный процесс не должен восприниматься как механическое включение гражданско-процессуальных норм в уголовное судопроизводство. Его особенность заключается в приоритете конечной цели уголовного процесса — разрешения вопроса об уголовной ответственности — над промежуточными целями, к которым относится возмещение вреда, причиненного преступлением. Несмотря на равнозначность задач, определенных в ст. 2, 7 УПК, недопустимо равноправное параллельное производство по уголовному и гражданскому делу. Второе, обладающее в определенной степени автономностью, должно носить соподчиненный характер по отношению к первому [4].

На наш взгляд, оптимальное совместное производство будет таковым при соответствии его следующим требованиям. Во-первых, это обеспечение привилегированного правового положения пострадавших от преступления лиц по причине неполной реализации задач уголовного закона и принципа гуманизма. Оно может быть выражено в привнесении элементов принципа публичности в производство по гражданскому иску, а конкретнее — в процесс доказывания гражданского иска и принятия мер по его обеспечению. Во-вторых, это обеспечение правового положения обязанной стороны в деликтном правоотношении, которое также может быть выражено в привнесении принципа публичности в процесс доказывания гражданского иска, поскольку органы уголовного преследования в своей деятельности руководствуются принципом всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. В-третьих, это определение круга субъектов гражданского иска и их правомочий, а также определение полномочий ведущих производство по иску органов, исходя

из указанного ранее приоритета — разрешения вопроса об уголовной ответственности (преимущественно речь здесь идет о своевременности рассмотрения уголовного дела). В-четвертых, это возможность применения гражданско-процессуальных норм, не противоречащих уголовно-процессуальным нормам, которая позволяет избежать излишней регламентации возникающих отношений в УПК. И, наконец, в-пятых, это возможность разрешения гражданского иска в любом судебном решении по итогам разбирательства при условии установления соответствующих обстоятельств и соблюдения прав заинтересованных лиц.

Необходимо отметить, что соединенный процесс не лишен и отдельных недостатков, которые носят в основном прикладной характер. К ним можно отнести трудности в определении субъектного состава деликтных правоотношений, гражданско-процессуальных норм, подлежащих применению, размера гражданского иска и усложнение уголовно-процессуальной формы. Причем отмеченные недостатки в ряде случаев предопределяют необоснованное игнорирование обязанности осуществлять производство по гражданскому иску надлежащим образом. Кстати, как свидетельствует мировой опыт, именно сложности практического характера являются серьезным препятствием для совместного рассмотрения уголовного дела и гражданского иска. В частности, в Германии «соединенный процесс большого значения не приобрел, поскольку судьям по уголовным делам трудно заниматься этой особой формой судопроизводства» [6, с. 23]. Однако практические достоинства (процессуальная экономия, экономия государственных средств, затраченных на осуществление правосудия) явно доминируют над вышеуказанными негативными моментами. Поэтому уместность и необходимость гражданского иска в уголовном процессе не могут вызывать принципиальных возражений как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Таким образом, необходимо отметить, что гражданский иск в уголовном процессе Республики Беларусь представляет собой важный механизм реализации конституционного права граждан на возмещение вреда, причиненного преступлением. Он не только способствует защите прав потерпевших, но и играет значимую роль в обеспечении справедливости и восстановлении социальной справедливости.

1. Бозров В. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Рос. юстиция. 2011. № 5. С. 29–30. Вернуться к статье

2. Борико С. В. Уголовный процесс : учеб. пособие. Минск : Амалфея, 2000. 384 с. Вернуться к статье

3. Загидуллин М. Р., Хадиева Г. Н., Хрунова И. В. Гражданский иск в уголовном процессе — средство защиты прав потерпевших : науч.-практ. пособие / под ред. Р. Г. Вагизова. Казань : Правозащит. центр г. Казани, 2003. 56 с. Вернуться к статье

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Зорин А. И. Гражданский иск в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2005. 30 с. Вернуться к статье

УДК 349.6

А. А. Дыжова
профессор кафедры
общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

А. А. Маисеенко
курсант 3 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ ДИКИМИ ЖИВОТНЫМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время контрабанда диких и экзотических животных является одним из самых прибыльных криминальных бизнесов. Негативные последствия транснациональной преступной деятельности затрагивают все страны и сказываются на экотуризме, поскольку ставят под угрозу исчезновения вымирающие виды диких животных. К сожалению, ни один из континентов не защищен от разрушающих последствий преступлений против дикой природы.

В ходе написания статьи были изучены международные соглашения и национальное законодательство по рассматриваемой теме, осуществлялся анализ статистических данных, были использованы общенаучные методы исследования, приведено ряд примеров.

Преступления против дикой природы наносят непоправимый вред экосистемам и приводят к сокращению биологического разнообразия. В качестве примеров можно привести факт смерти крупного стада слонов в Зимбабве, когда браконьеры подсыпали цианистый калий на месте их водопоя, во Вьетнаме и Мозамбике практически полностью истреблены носороги, а популяция тигра во всем мире сократилась всего до трех тысяч особей [1].

В национальном законодательстве под дикими животными понимают млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, насекомых и других животных, обитающих на земле (на поверхности, в почве, в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы, а также диких животных в неволе. При этом к диким животным, относящимся к редким и находящимся под угрозой исчезновения видам диких животных, относят диких животных отдельных видов, в отношении которых имеются данные мониторинга животного мира, государственного кадастра животного мира, научных и иных исследований, указывающие на ежегодное в течение десяти лет или трех поколений сокращение их численности и (или) ареала, либо

на неблагоприятные изменения среды их обитания, либо на ограниченность распространения и малочисленность их популяций [2].

В ситуации нарастающего кризиса и при осознании всей ответственности за уникальное биологическое разнообразие нашей планеты международным сообществом был принят ряд соглашений в области охраны окружающей среды. Наиболее важным из них является Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), подписанная в результате Резолюции Международного союза охраны природы в 1973 г. и вступившая в действие 1 июля 1975 г. (далее — Конвенция). Конвенцией предусматривается, что дикая фауна и флора в их многочисленных и разнообразных формах являются незаменимой частью природных систем Земли, которые должны быть сохранены для настоящего и будущего поколений. При этом документом оговаривается, что любая торговля редкими видами флоры и фауны должна осуществляться с предварительной выдачи и предъявления разрешения на экспорт либо сертификата на реэкспорт [3].

Самым катастрофическим фактором исчезновения редких видов животных является незаконная торговля живыми особями или частями их тела, что приносит непоправимый вред популяциям. Оценить масштаб проблемы достаточно сложно, поскольку большая часть незаконной деятельности является латентной. Нелегальная торговля дикими видами животных и растений занимает четвертое место по денежному обороту после торговли наркотиками, оружием и людьми. В год доходы от продаж составляют более 100 миллиардов долларов [4].

Одним из основных объектов торговли являются дикие птицы. Исследование рынков домашних животных показало, что ежегодно незаконно продается более 22 тысяч особей 31 вида попугаев, подавляющее большинство из которых были отловлены в дикой природе. Так, большое количество диких птиц незаконно реализуется в Мексике. По оценкам экспертов, ежегодно ловцы отлавливают от 65 до 78,5 тысяч попугаев. Одна из причин, по которой торговля дикими попугаями продолжается, заключается в ее высокой прибыльности — особенно красивые или редкие виды продаются по цене до 1 000 долларов [5].

С целью координации деятельности стран в области снижения числа преступлений области торговли дикими животными Организация Объединенных Наций создала информационно-аналитический портал, благодаря которому страны могут оценить эффективность мер, предпринимаемых по предупреждению преступлений в сфере дикой природы, а также анализировать действующее законодательство, принятое в ответ на незаконную торговлю и уничтожение объектов дикой природы [1].

В Республике Беларусь за незаконные действия в области охраны животного мира может применяться дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Так, ст. 16.8 Кодекса Республики

Беларусь об административных правонарушениях предусматривает ответственность в виде наложения штрафа с конфискацией или без конфискации орудий и средств совершения нарушения за самовольное изъятие или уничтожение диких животных, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, ст. 16.24 предусматривается ответственность за незаконный вывоз из Республики Беларусь или ввоз в нее диких животных и дикорастущих растений [6].

Статья 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает ответственность за незаконную добычу рыбы и других водных животных, которые заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь, в виде штрафа, или ареста, или ограничения свободы, или лишения свободы; ст. 282 оговаривает ответственность за незаконную охоту на виды, которые заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь, в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или арестом, или ограничением свободы, или лишением свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [7]. Что касается размера компенсационных выплат при определении стоимости незаконно добытой продукции пользования объектами животного мира и бесхозяйной рыбы, то порядок определения стоимости исчисляется исходя из Положения, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2011 г. № 1022 «Об утверждении Положения о порядке определения стоимости незаконно добытой продукции пользования объектами животного мира и бесхозяйной рыбы» [8].

Сохранение животного мира и биологического разнообразия является неотъемлемым компонентом окружающей среды и значимым аспектом каждого цивилизованного государства, поскольку зачастую национальным символом страны выступает дикое животное, относящееся к редким и находящимся под угрозой исчезновения. В качестве примера можно привести зубра — главный символ Беларуси. В 1920-е гг. популяция диких зубров была практически уничтожена в результате охоты и добычи дикого животного. Однако благодаря национальной защите с 1946 г. зубры были внесены в Красную книгу Беларуси. По решению Международного общества по спасению зубра в 1946 г. в Беловежскую Пущу были завезены пять зубров, помещенных в зубровый питомник. С 1981 г. благодаря участию в международном сотрудничестве и разведению их в питомниках и заповедниках популяция зубров была восстановлена. Согласно результатам учета зубров, в Беловежской Пуще по состоянию на 1 января 2025 г. всего учтено 726 зубров. По сравнению с 2024 г. популяция увеличилась на 36 голов [9]. Для оздоровления популяции зубров в Беловежской Пуще

с 1983 г. проводится селекционная выбраковка особей с заболеваниями. Таким образом осуществляется здоровое размножение животных.

Немаловажным является своевременное информирование населения о статистике по снижению численности диких животных, а также видах, находящихся под угрозой вымирания, и важности их сохранения, что будет способствовать предотвращению совершения противоправных деяний в отношении дикой фауны.

В заключение еще раз отметим важность международного сотрудничества в области охраны и защиты дикой флоры и фауны от незаконного уничтожения. И, как уже было отмечено ранее, именно Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, более известная как СИТЕС, является основным политическим механизмом регулирования международной торговли видами, находящимися под угрозой исчезновения. Соглашение представляет различные степени защиты более чем для 33 000 видов животных и растений.

Конвенция вступила в силу на территории Республики Беларусь 8 ноября 1995 г. Несмотря на то, что соглашение само по себе не предусматривает арбитраж или судебное разбирательство, за тридцать лет деятельности Секретариата были выработаны механизмы борьбы с нарушениями Конвенции. Секретариат уведомляет остальных участников Конвенции о правонарушениях и предоставляет право на апелляцию или предлагает техническую помощь для предотвращения нарушений [10]. Отметим, что основными поставщиками на нелегальный рынок «живого товара» являются Африка и Южная Америка (экзотические птицы и млекопитающие), Юго-Восточная Азия (рептилии и земноводные), Европа (коллекции насекомых) [10].

Работа в рамках СИТЕС осуществляется непрерывно. Так, постоянно выявляются виды животных, в частности певчих птиц, которые хотя и не включены в Приложения Конвенции, также являются объектами активной торговли, что говорит о необходимости постоянного анализа объектов охоты, что поможет выявить потенциальных кандидатов на включение в список СИТЕС. Подобная работа помогает сосредоточить и направить природоохранную деятельность в местах незаконного браконьерства, чтобы снизить тяжесть последствий торговли дикими животными.

Таким образом, незаконная торговля дикими животными представляет собой одну из наиболее острых экологических и социальных проблем современности. Этот бизнес, основанный на эксплуатации редких и исчезающих видов, приводит к значительным разрушениям в экосистемах, угрожает биоразнообразию и ставит под угрозу существование многих животных.

На международном уровне незаконная торговля дикими животными включает в себя сложные сети контрабанды. По данным различных организаций,

таких как Интерпол и Всемирный фонд дикой природы, этот рынок оценивается в миллиарды долларов и занимает четвертое место после торговли наркотиками, людьми и оружием. Основные продукты, которые попадают в этот бизнес, включают экзотических животных, а также их части, на основе которых создаются лекарства [11].

Одним из ключевых аспектов существующей проблемы также является несовершенство законодательства в некоторых странах, где охрана дикой природы не является приоритетом. В таких регионах действуют преступные группировки, которые безнаказанно занимаются ловлей и продажей диких животных. Кроме того, коррупция на уровне местных властей также может способствовать процветанию преступного бизнеса.

Для решения существующих проблем необходим комплексный подход, включающий наличие национальной защиты, а также активное исследование проблем и создание новых методов для охраны различных видов диких животных и мест их обитания, что поможет сохранить биоразнообразие и поддерживать экологическое равновесие в окружающей среде.

---

1. Каким образом преступления против дикой природы и лесных ресурсов подрывают основы устойчивого развития и угрожают биологическому разнообразию [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/chronicle/article/22223 (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 126-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] : принята 3 марта 1973 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml?ysclid=mhd6gk8jq6386273879 (дата обращения: 20.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Нестеров А. Законодательство и пограничные барьеры против любителей экзотической живности: кто кого? [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь сегодня. URL: https://www.sb.by/articles/tut-vam-ne-dzhungli.html?ysclid=mg7kv49ml1725962518. Дата публ.: 21.11.2024. Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Tackling the illegal trade and trafficking of birds [Electronic resource] // BirdLife International : [website]. URL: https://www.birdlife.org/projects/tackling-illegal-trade-inc-songbirds/ (date of access: 27.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 апр. 2026 г. № 138-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Об утверждении Положения о порядке определения стоимости незаконно добытой продукции пользования объектами животного мира и бесхозяйной рыбы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 июля 2011 г. № 1022 : в ред. от 21 дек. 2021 г. № 736. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Нестеров А. Популяция увеличилась — в нацпарке «Беловежская пуща» посчитали количество зубров и определили их возраст [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь сегодня. URL: https://www.sb.by/articles/populyatsiya-zubrov-v-natsparke-belovezhskaya-pushcha-uvelichilas.html. Дата публ.: 28.03.2025. Перейти к источнику Вернуться к статье

10. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] // Рувики : [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конвенция_о_международной_торговле_видами_дикой_фауны_и_флоры,_находящимися_под_угрозой_исчезновения (дата обращения: 30.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Между браконьером и миллиардером [Электронный ресурс] // Кедр : [сайт]. URL: https://kedr.media/stories/mezhdu-brakonerom-i-milliarderom/ (дата обращения: 27.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 340.09

Л. Н. Евдохова
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат технических наук, доцент

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СОКРЫТИЕМ ПАДЕЖА КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (2023–2025 ГГ.)

Проблема падежа крупного рогатого скота (далее — КРС) в Республике Беларусь выходит на первый план в структуре приоритетов государственной политики в сфере агропромышленного комплекса, поскольку затрагивает не только вопросы экономической эффективности животноводства, но и фундаментальные аспекты продовольственной безопасности, ветеринарного благополучия и рационального использования бюджетных средств.

Во-первых, гибель животных наносит прямой материальный ущерб сельхозпредприятиям, снижая рентабельность производства и подрывая инвестиционную привлекательность отрасли.

Во-вторых, сокрытие фактов падежа и фальсификация отчетной документации искажают статистическую картину развития животноводства, затрудняя принятие обоснованных управленческих решений на республиканском и региональном уровнях. Неточные данные о поголовье, продуктивности и сохранности скота дезориентируют органы планирования и могут приводить к неэффективному распределению субсидий, льготных кредитов и материально-технических ресурсов.

В-третьих, нарушения правил захоронения биологических отходов создают эпидемиологические и экологические риски: несанкционированные скотомогильники становятся источниками загрязнения почв, грунтовых вод и атмосферного воздуха, а также потенциальными резервуарами возбудителей особо опасных инфекций (сибирская язва, бруцеллез и др.).

В-четвертых, коррупционная составляющая данных правонарушений дискредитирует институты государственной власти и снижает уровень доверия населения к механизмам контроля в агропромышленном комплексе.

Таким образом, проблема падежа КРС не может рассматриваться изолированно как узкоотраслевой вопрос ветеринарии или зоотехнии. Она представляет собой комплексную социально-экономическую и правовую проблему, требующую межведомственного взаимодействия, совершенствования нормативной базы и внедрения современных инструментов мониторинга и профилактики.

Только при условии системного подхода, сочетающего меры уголовно-правового воздействия с организационно-техническими и информационно-профилактическими мероприятиями, возможно достижение устойчивого снижения уровня правонарушений в данной сфере и обеспечение долгосрочной стабильности животноводческой отрасли Республики Беларусь.

По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2024 году по фактам сокрытия падежа скота было возбуждено 295 уголовных дел. Данная цифра свидетельствует о масштабности проблемы в агропромышленном комплексе. В рамках надзорных мероприятий по вопросам сохранности КРС прокурорами было внесено более 3,7 тыс. актов прокурорского реагирования, к различным видам ответственности привлечено свыше 6 тыс. лиц [1].

В таблице 1 отражена динамика количества уголовных дел коррупционной направленности, связанных с сокрытием фактов падежа крупного рогатого скота в агропромышленном комплексе Республики Беларусь за 2023–2025 гг. Анализ динамики за трехлетний период позволяет выявить устойчивые тенденции в деятельности правоохранительных органов по выявлению и документированию соответствующих правонарушений. Стабильный рост числа возбужденных дел при незначительных темпах прироста (1,4–1,7 % в год) свидетельствует о двух взаимосвязанных процессах: с одной стороны, о сохранении объективной распространенности данных правонарушений в животноводческой отрасли, с другой — о планомерной работе надзорных ведомств по усилению контроля за сохранностью государственного имущества и достоверностью отчетности сельхозорганизаций.

Таблица 1

Динамика возбуждения уголовных дел по фактам сокрытия падежа КРС в Республике Беларусь (2024–2025 гг.) [1; 2]

Год	Возбуждено уголовных дел	Изменение по отношению к предыдущему году
2024	295	+1,7 %
2025	299	+1,4 %

Из таблицы 1 следует, что количество возбужденных уголовных дел демонстрирует рост: с оценочного показателя в 295 дел в 2024 г. до 299 в 2025 г. Совокупный прирост за два года составил около 3 %, что указывает на отсутствие резких колебаний и формирование устойчивого уровня выявляемости правонарушений. Даже незначительный абсолютный прирост (4 дела в год) на фоне высокого базового уровня (около 300 дел ежегодно) подтверждает, что практика искажения реальных показателей сохранности поголовья остается острой проблемой, требующей внедрения механизмов мониторинга.

Анализ судебных решений позволяет выделить основные составы преступлений, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Основные составы преступлений, применяемые в судебной практике по делам о сокрытии падежа скота

Статья Уголовного кодекса Республики Беларусь	Наименование состава	Характеристика
Статья 210	Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями	Сокрытие падежа для получения выплат за несуществующее поголовье
Статья 424	Злоупотребление властью или служебными полномочиями	Бездействие руководителей, не принявших мер по предотвращению падежа
Статья 427	Служебный подлог	Внесение заведомо ложных сведений в отчетные документы
Статья 284	Нарушение требований в области ветеринарной деятельности	Несоблюдение правил содержания, вакцинации, захоронения животных
Статья 428	Служебная халатность	Неисполнение обязанностей по контролю за состоянием поголовья

Наиболее распространенной практикой является совокупная квалификация по ст. 210 и 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь, когда должностные лица не только скрывают факты падежа, но и фальсифицируют документы для получения бюджетных средств [3].

Для таких преступлений характерен следующий механизм:

- сокрытие падежа через фальсификацию отчетности;
- незаконное захоронение павших животных;
- системное бездействие руководства [4].

Согласно выводам Комитета государственного контроля и Генеральной прокуратуры, причины падежа крупного рогатого скота можно классифицировать следующим образом:

- технологические нарушения содержания поголовья: недокорм и использование некачественных кормов; нарушение температурного режима содержания (сквозняки, отсутствие вентиляции); несоблюдение графиков вакцинации и ветеринарного обслуживания;
- управленческие упущения: отсутствие системы мониторинга состояния поголовья; отсутствие дифференцированного подхода к перемещению животных в зависимости от состояния здоровья и условий содержания;

− коррупционные проявления: боязнь привлечения к ответственности выступает ключевым фактором фальсификации отчетных данных; сговор должностных лиц для фальсификации отчетности [5].

Для повышения эффективности противодействия сокрытию падежа КРС и минимизации коррупционных рисков в агропромышленном комплексе Республики Беларусь представляется целесообразным реализовать комплекс взаимосвязанных мер организационно-технического и нормативно-правового характера. Первоочередным направлением является цифровая трансформация системы учета поголовья: совершенствование существующей единой информационной платформы ИС «AITS — Прослеживаемость» [6] с автоматической верификацией данных позволит исключить человеческий фактор при внесении сведений, обеспечить сквозной мониторинг движения животных от рождения до утилизации и оперативно выявлять расхождения между фактическим и документальным состоянием дел. Параллельно необходимо усилить ветеринарный контроль на уровне районных ветеринарных станций (лабораторий) путем расширения полномочий и численности профильных специалистов, внедрения регулярных внезапных проверок и обязательного лабораторного сопровождения всех случаев падежа. Третьим блоком мер выступает разработка и утверждение отраслевых стандартов прозрачности отчетности в агропромышленном комплексе, которые должны регламентировать единые форматы документооборота, порядок раскрытия информации о сохранности поголовья и механизмы независимого аудита для сельхозорганизаций всех форм собственности. Реализация указанных рекомендаций позволит повысить достоверность статистических данных и, как следствие, укрепить продовольственную безопасность Республики Беларусь.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что сокрытие падежа КРС в Республике Беларусь представляет собой типичную модель противоправного поведения, сочетающую признаки коррупционных, должностных и экономических преступлений. Стабильный уровень возбуждения уголовных дел (около 300 ежегодно) при незначительном годовом приросте указывает как на сохранение объективных рисков в отрасли, так и на повышение эффективности надзорной деятельности. Доминирование ст. 210, 424 и 427 Уголовного кодекса Республики Беларусь в квалификации деяний подтверждает, что ключевыми мотивами выступают стремление избежать ответственности и получение незаконной выгоды через фальсификацию отчетности. При этом технологические и управленческие причины падежа КРС тесно переплетаются с коррупционной составляющей, что требует комплексного, межведомственного подхода к профилактике. Для снижения уровня латентности и повышения качества расследований целесообразно внедрение цифровых систем учета поголовья, усиление ветеринарного контроля на местах и регулярное повышение

квалификации сотрудников правоохранительных органов. Только сочетание мер уголовно-правового воздействия с организационно-техническими и профилактическими мероприятиями способно обеспечить долгосрочную стабилизацию ситуации в животноводческой отрасли.

---

1. В Беларуси в 2024 году по фактам сокрытия падежа скота возбуждено 295 уголовных дел [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/v-belarusi-v-2024-godu-po-faktam-sokrytija-padezha-skota-vozbuzhdeno-295-ugolovnyh-del-698750-2025/. Дата публ.: 26.02.2025. Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Генпрокуратура: в 2025 году в Беларуси за сокрытие падежа КРС возбуждено 299 уголовных дел [Электронный ресурс] // БЕЛТА : [сайт]. URL: https://belta.by/society/view/genprokuratura-v-2025-godu-v-belarusi-za-sokrytie-padezha-krs-vozbuzhdeno-299-ugolovnyh-del-764405-2026/. Дата публ.: 13.02.2026. Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Давала незаконные указания о сокрытии падежа крупного рогатого скота: прокуратура Кличевского района поддержала гособвинение в суде [Электронный ресурс] // Генер. прокуратура Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/davala-nezakonnye-uk04112025/ (дата обращения: 30.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Скрыли падеж 200 голов крупного рогатого скота: прокуратура Клецкого района поддержала гособвинение в суде в отношении девяти должностных лиц сельхозпредприятия [Электронный ресурс] // Генер. прокуратура Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/dolzhnostnye-litsa-s%2011.02.2025/ (дата обращения: 30.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. На контроле Комитета госконтроля Витебской области – вопросы наведения порядка на животноводческих объектах [Электронный ресурс] // Ком. гос. контроля Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://kgk.gov.by/ru/news-kgk_vitebsk-com_obl-ru/view/na-kontrole-komiteta-goskontrolja-vitebskoj-oblasti-voprosy-navedenija-porjadka-na-zhivotnovodcheskix-116308/ (дата обращения: 30.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Об идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 287-З : в ред. от 4 янв. 2021 г. № 76-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 32

Р. Н. Козыренко
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат политических наук

Н. Е. Беляев
начальник четвертого управления
Главного управления по борьбе
с организованной преступностью и коррупцией
МВД Республики Беларусь

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕОНАЦИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Одним из основных национальных интересов Республики Беларусь в политической сфере является развитие системы социально-политических норм и ценностей, востребованных обществом для формирования идеологии белорусского государства [1]. Игнорирование этих ценностей как общежелаемой цели белорусского народа в условиях современных цифровых технологий и информационного противоборства способно привести к усилению влияния идеологий, представляющих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. К таким идеологиям Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее — Концепция) относит нацизм как источник угроз национальной безопасности в политической сфере [1].

Для белорусского народа исторический и идеологический смысл Победы СССР в Великой Отечественной войне связан в первую очередь с пониманием сущности нацистской идеологии и нацизма. В этой связи в условиях множественных попыток реабилитации нацизма — принижения роли и значения героической борьбы советского народа над фашистской Германией, оправдания оккупационного режима и коллаборационистских организаций на территории БССР и части территории СССР, в том числе политики оккупационных властей в области идеологии и культуры, — сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа как конституционный долг граждан Республики Беларусь [2] имеет особое значение для формирования общественного сознания, защиты белорусской государственности и национальных интересов Республики Беларусь.

В Республике Беларусь созданы эффективные правовые и организационные основы противодействия распространению идеологии нацизма. На воспрепятствование распространению этой идеологии, ее оправданию, признанию правильной, нуждающейся в поддержке и достойной подражания, направлен

в первую очередь Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» [3]. Установлена административная [4] и уголовная [5] ответственность за деяния, предметом которых являются нацистская символика и атрибутика.

В настоящее время нацизм во многих странах продолжает свое существование в форме неонацизма (нового, современного нацизма). Как идейно-политическое течение неонацизм возник в мире, который кардинально отличался от мира сегодняшнего: трансформация нацизма в неонацизм произошла после Второй мировой войны. В теории политики под неонацизмом понимают различного рода праворадикальные идеологии и движение, объединяющее различные организации, возникшие после Второй мировой войны, близкие по идеям либо считающие себя последователями Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), идеологию и деятельность праворадикальных группировок.

Одной из базовых идей неонацизма является следование германскому национал-социализму. В частности, от национал-социалистической доктрины современный нацизм заимствовал в качестве ключевых в первую очередь идеи превосходства белой расы, антисемитизма, оправдания Холокоста, ксенофобии и др. Яркими проявлениями неонацизма являются в настоящее время реваншизм и требование пересмотра итогов Нюрнбергского процесса. Кроме того, характерной чертой неонацизма является демонстративное использование нацистской символики, в том числе для продвижения собственной идеологии.

Вместе с тем, несмотря на очевидную связь идеологии нацизма и неонацизма, любой неонацизм представляет собой весьма разнородное явление. Идеология неонацизма в различных странах имеет свои особенности. В частности, в Украине она объединяет совокупность различных идей — от украиноцентристских и антироссийских до неоязыческих и героизации антисоветских националистических организаций — Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА).

В современном общественно-политическом дискурсе одной из причин интереса к неонацизму является деятельность его сторонников по мобилизации и привлечению на свою сторону неоднородной части общества, наиболее восприимчивой к политической символике, связанной с нацистскими и неонацистскими идеями, и готовой в определенной степени разделять эти идеи. Как известно, носитель идей, социально активные слои населения, призванные реализовать цели и задачи и воплотить в жизнь центральные ценности каждой конкретной идеологии, — ключевой элемент этой идеологии [6, с. 250]. Политическая практика свидетельствует, что мобилизация носителей идей позволяет реализовать конкретные политические идеалы, при этом политические идеи и убеждения играют решающую роль в формировании и развитии политических институтов. К примеру, в наши дни в Литве и Украине идеи неонацизма нашли применение

в героизации и прославлении лиц и организаций, сотрудничавших в период Великой Отечественной войны с нацистской Германией, и стали одной из ключевых тем государственной политики, которая сопровождается переписыванием истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, дискриминационными мерами в отношении русскоязычного населения, преследованием идеологических противников установленных политических режимов.

Таким образом, несмотря на утверждение, что между нацизмом и неонацизмом нет никакой разницы, неонацизм представляет собой социально-политический феномен, существование которого объективно требует реализации в Республике Беларусь мер политико-правового противодействия неонацистским идеям и практике. Необходимо отметить, что распознавание современного неонацизма, для которого характерны гибкость и приспосабливаемость к условиям новой среды, требует комплексного подхода, что предполагает выявление идеологических, символических и поведенческих маркеров в их неразрывной взаимосвязи. Следовательно, противодействие распространению неонацистской символики как средства выражения существенного политического содержания неонацизма и его отдельных идей, его «лица», должно стать одним из основных направлений противодействия неонацизму в Республике Беларусь.

Законодательное определение и описание неонацистской символики, ее перечень в Республике Беларусь отсутствуют. Равно не конкретизирован вопрос о правовом регулировании использования данной символики, несмотря на то, что неонацистские практики зачастую характеризуются признаками экстремизма, что позволяет рассматривать неонацизм как одну из форм экстремистской деятельности. Осложняется ситуация отсутствием четких и однозначных критериев правовой квалификации деятельности неонацистских организаций, в том числе по использованию такой символики.

В сложившейся ситуации устранение указанных пробелов в законодательстве Республики Беларусь и его дальнейшее совершенствование в целях эффективного противодействия неонацизму способно обеспечить сохранение социально-политических норм и ценностей белорусского народа, в сознании которого сложилось неприятие неонацистских идей, а также незыблемость основ конституционного строя Республики Беларусь, развитие белорусской государственности.

---

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр. Респ. Беларусь от 25 апр. 2024 г. № 5. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 апр. 2026 г. № 138-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Шварцмантель Дж. Идеология и политика : пер. с англ. Харьков : Гуманитар. центр, 2009. 312 с. Вернуться к статье

УДК 343.1

Н. С. Комарова
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

Т. Н. Шумилова
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 264.1–264.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Повышение эффективности профилактической деятельности дознавателей, в том числе в рамках реализации ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК), направленной на развитие единой государственной системы профилактики преступности, является одним из приоритетных направлений процессуальной деятельности дознавателей [1].

Согласно ст. 73 УПК, на дознавателей возложена обязанность выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Основным процессуальным документом, содержащим выводы дознавателя о наличии данных обстоятельств и мерах по их устранению, является представление [1].

Резервом к повышению эффективности деятельности дознавателей в профилактике рецидивов преступлений, предусмотренных ст. 264.1–264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) [2], является расширение практики применения Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ [3], дополнившего ст. 104.1 УК пунктом «д» о конфискации и обращении в собственность государства на основании обвинительного приговора транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК.

Анализ уголовных дел данной категории[1] показал, что практика реализации дознавателями региона требований пункта «д» ч. 1 ст. 104.1 УК, ст. 115, 160.1 УПК в части наложения ареста на транспортные средства, принадлежащие обвиняемым и использованные ими при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1–264.3 УК, нуждается в активизации использования мер уголовно-процессуального принуждения в целях обеспечения исполнения приговора, профилактики рецидивов указанной категории преступлений.

Так, по итогам первого квартала 2026 г. дознавателями Омской области окончено 172 уголовных дела (аналогичный показатель прошлого года — 163),

[1] Изучено 204 уголовных дела, расследуемых в Омской области в 2025, 2026 гг.

из них 162 возбуждено по ст. 264.1; 10 — по ст. 264.3 УК, однако наложен арест лишь на 44 транспортных средства из 172[1]. Этот факт свидетельствует о проблемах реализации дознавателями рассматриваемых положений в части вопросов, касающихся определения принадлежности транспортного средства, управляемого подсудимым в момент совершения одного или нескольких из указанных преступлений. Попытки осмысления и выработки предложений по оптимизации указанных проблем рассматриваются в юридической литературе [4] и правоприменителями [5].

В целях повышения эффективности использования и дальнейшего развития указанной меры процессуального принуждения необходимо проработать подходы к решению обозначенных проблем, а именно:

− обязать сотрудников подразделений дознания направлять ходатайство в суд о наложении ареста на транспортное средство не позднее трех суток с момента возбуждения уголовного дела;

− рекомендовать сотрудникам ГИБДД незамедлительно осуществлять сбор информации о фактическом собственнике транспортного средства, истребовать копии правоустанавливающих документов у владельцев;

− получать объяснения при выезде на место совершения преступления у лиц, владеющих информацией о принадлежности автомобиля, а также находящихся в салоне автомобиля в момент совершения преступления.

Вместе с тем, несмотря на существующие проблемы, применение дознавателями данной меры процессуального принуждения оказывает положительное влияние на снижение регистрации на территории региона указанной категории преступлений.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что активное применение в ходе досудебного производства по уголовному делу меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на транспортное средство с последующей конфискацией имущества в судебном производстве способствует повышению уровня профилактики в сфере безопасности дорожного движения, обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и исполнению приговора.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 9 апр. 2026 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации

[1] Форма федерального статистического наблюдения 1-ЕМ «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел» (2025, 2026 гг.).

5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 9 апр. 2026 г. № 76-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Сафронов А. Ю. Наложение ареста на транспортное средство в целях его конфискации как мера обеспечения уголовного судопроизводства России // Рус. закон. 2023. Т. 76. № 9 (202). С. 32–43. Вернуться к статье

5. Ларин Е. Г., Смирнова С. Д. Особенности производства предварительной проверки и дознания по преступлению, предусмотренному ст. 264^1 УК РФ // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 10–20. Вернуться к статье

УДК 343.13

А. А. Маслакова
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Характерной чертой действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь выступает тенденция к поиску оптимальных процессуальных форм и внедрению упрощенных процедур рассмотрения уголовных дел. Данная тенденция обусловливает реформирование норм, регламентирующих процедуру примирения потерпевшего с обвиняемым. В рассматриваемом контексте процедура медиации выступает в качестве дополнительного процессуального инструмента, направленного на достижение примирения между обвиняемым и потерпевшим, и представляет собой планомерный шаг по имплементации элементов восстановительного правосудия в национальное законодательство.

Согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), медиация представляет собой переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению [1]. Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы, медиация в контексте уголовного судопроизводства определяется как процедура, позволяющая потерпевшему и лицу, совершившему преступление, при условии их добровольного участия и содействия нейтрального посредника (медиатора) совместно работать над урегулированием последствий совершенного деяния [2].

Исходя из указанных определений, можно заключить, что основными составляющими указанной процедуры являются:

- самостоятельность участников в принятии решений;
- обеспечение условий для формирования единого мнения и достижения взаимоприемлемого соглашения;
- добровольность обращения к примирению;
- оказание помощи сторонам в достижении примирения оказывается третьей независимой стороной — медиатором.

Согласно официальной статистике, отражающей работу судов общей юрисдикции, в 2025 г. было рассмотрено 26 343 уголовных дела, при этом число лиц, дела в отношении которых прекращены в связи с примирением, составило 172 человека. Проведенный нами анализ статистических данных Верховного Суда Республики Беларусь позволил установить, что данный показатель ниже, чем в предыдущие годы (в 2022 г. — 1,13 %, в 2021 г. — 1,07 %) [3]. Указанная

тенденция подтверждается и в ряде научных публикаций белорусских процессуалистов. В частности, И. Н. Цыкунова, С. Л. Емельянов, И. М. Синица, В. А. Воробьев, Е. В. Старикова отмечают, что одним из объяснений данного феномена является отсутствие законодательно установленного и детализированного регламента, определяющего порядок осуществления медиации [4, с. 111].

В то же время мировой опыт подтверждает эффективность медиации: до 90 % споров в англо-саксонских странах, 35 % в Словении и 30 % в Китае решаются досудебно [5, с. 11].

На наш взгляд, активизация внимания участников судопроизводства к примирительным практикам возможна путем системного формирования подходов, включающих законодательное стимулирование, просветительную работу, повышение квалификации специалистов и оптимизацию процедур.

Одним из важных шагов в развитии судопроизводства как гражданского, так и уголовного судопроизводства (особенно в контексте развития идеи «collaborative law» — сотрудничества в праве) стала ратификация 13 февраля 2026 г. Конвенции об учреждении Международной организации по медиации. Среди несомненных преимуществ утверждения нашим государством указанной Конвенции можно выделить следующие:

1. Создание Международной организации по медиации унифицирует подходы к процедуре, делая медиацию более прогнозируемой и надежной, тем самым происходит формирование единых стандартов применения указанной примирительной процедуры.

2. Активное применение медиации по менее опасным правонарушениям позволяет разгрузить систему правосудия, способствуя быстрому разрешению конфликтов. При этом отметим, что в Беларуси на сегодняшний день именно институт частного обвинения служит основой для закрепления медиации в уголовном процессе. Так, в соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь, применение медиации возможно в ходе уголовного судопроизводства по делам, не представляющим большой общественной опасности, и менее тяжким преступлениям, т. е. это умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 6 лет лишения свободы, а также все неосторожные деяния (пп. 1, 2, 3 ст. 12 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [6].

Отметим, что УПК предусматривает возможность примирения потерпевшего с обвиняемым исключительно в двух случаях:

− при производстве по уголовным делам частного обвинения (ч. 2 ст. 26 УПК) [1];

− при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК) [1].

При этом медиация может быть применена как на этапе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства. На стадии предварительного расследования, как только стороны будут вовлечены в процесс, обвиняемый получает возможность примириться с потерпевшим.

Характерными чертами применения медиации в рамках уголовного судопроизводства являются следующие:

Во-первых, проведение медиации для примирения обвиняемого с потерпевшим предполагает самостоятельный выбор медиатора обвиняемым и потерпевшим на основе их взаимного согласия. В отношении обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, общение с медиатором осуществляется при наличии согласия органа, осуществляющего уголовное преследование.

Во-вторых, заявления о примирении со стороны обвиняемого и потерпевшего могут быть представлены в письменной или устной форме. Письменные заявления подлежат включению в состав уголовного дела. Устные заявления фиксируются в протоколе соответствующего следственного действия или судебного заседания. В случае успешного достижения примирения посредством медиации органу, ведущему уголовный процесс, передается медиативное соглашение, которое приобщается к материалам уголовного дела (согласно положениям ст. 30^1 УПК) [1].

В Республике Беларусь действует постановление «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь» [7], регулирующее правила проведения медиации, однако положения указанного правового акта актуальны исключительно для гражданского судопроизводства и не учитывают особенностей рассмотрения уголовных дел (несмотря на отсутствие четкого запрета их использования по уголовным делам), что также может быть названо одной из причин ограниченного применения медиации по уголовным делам.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что в настоящее время институт медиации в сфере уголовного судопроизводства в Республике Беларусь не получил должного развития и широкого применения. Несмотря на это, в системе уголовного судопроизводства существуют необходимые предпосылки и заложены основы для успешного внедрения и функционирования указанной примирительной процедуры. Дальнейшая интеграция медиации в уголовное судопроизводство, на наш взгляд, позволит достичь следующих положительных результатов:

- снижение рецидивной преступности;
- ускорение разрешения частноправовых конфликтов;
- гуманизация системы уголовного судопроизводства.

Указанные аспекты позволят со временем обеспечить переход от репрессивного подхода к восстановительному правосудию.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Рекомендация CM/Rec (2018)8 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы, посвященная восстановительному правосудию по уголовным делам [Электронный ресурс] // European Forum for Restorative Justice : [сайт]. URL: https://www.euforumrj.org/sites/default/files/2019-12/russian_coe-rec-2018_8_rekomendaciya-2018-o-vp-po-ugolovnym-delam.pdf (дата обращения: 27.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2025 год [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (дата обращения: 27.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь: современное состояние законодательного регулирования и направления совершенствования / И. Н. Цыкунова [и др.] // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Сер.: Соц.-экон. и обществ. науки. 2022. № 2 (131). С. 105–111. Вернуться к статье

5. Мурзанова Е. А. Медиация — способы и задачи урегулирования споров: опыт зарубежных стран // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 4. С. 10–14. Вернуться к статье

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

7. Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 3 авг. 2026 г. № 392. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.13

Т. Н. Михайлова
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ: ВОПРОСЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ НОРМАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Центральной категорией юриспруденции выступает понятие «право». Большинство современных ученых определяют право как совокупность общеобязательных правил поведения (норм), устанавливаемых и охраняемых государством для регулирования общественных отношений и обеспечения порядка в обществе. Как отмечает в своих исследованиях Ю. В. Шелегов, право играет важную роль в жизни общества, поскольку оно оказывает целенаправленное воздействие на сознание людей [1, с. 23].

Право — многогранное, сложное социальное явление, к познанию которого может быть применено системное методологическое направление. Использование системного подхода явилось крупным прорывом в понимании природы права и заставило признать, что право — это не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимых в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), а открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая с социальной и природной средой [2, с. 70].

Бесспорно, право представляет собой сложноорганизованную, динамически развивающуюся систему, в основе формирования которой лежит трансформация структурных компонентов, подверженных дифференциации и интеграции в процессе исторического развития. Процесс возникновения новых и распада старых структурных связей между дифференцирующимися и интегрирующимися элементами права, их соподчинение друг другу способствуют становлению системы права как целостного интегративного явления. В связи с этим познание права как системы невозможно без раскрытия его внутреннего состава, то есть правовой природы структурных элементов, их функционального назначения в целостной системе права.

В советский период истории развития российского государства сформировалось понимание права в парадигме отраслевого подхода, который предопределил дальнейшее развитие научной мысли в данном направлении. Появление отраслевой модели системы национального права обозначило траекторию дальнейшего развития права на несколько десятилетий вперед, придало ему уникальный национальный оттенок.

Исследование права с точки зрения структурно-системного подхода, насколько нам известно, достаточно активно осуществляется в Беларуси (Н. В. Сильченко, С. Г. Дробязко, С. В. Божко и др.). Ученые в активном поиске универсальной системы и структуры права. Результаты научных исследований данных специалистов рассматриваются в качестве положительного опыта и вносят существенный вклад в развитие системы права современной России.

Уголовно-процессуальное право — отрасль системы российского права, нормативно-правовые предписания которого направлены на упорядочение общественных отношений, возникающих при производстве по уголовному делу в ходе его расследования, рассмотрения и разрешения, а также при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. С помощью норм уголовно-процессуального права обеспечивается общеобязательный характер процедуры раскрытия преступности в Российской Федерации. Борьба с преступностью в нашем государстве занимает главенствующее значение как для защиты жизни, здоровья, собственности, так и для национальной безопасности [3, с. 134].

Отдельного внимания заслуживает вопрос структуры уголовно-процессуального права на современном этапе его развития, оказывающий существенное влияние на устойчивость системы уголовно-процессуального права в целом. Структурные изменения уголовно-процессуального права влияют на структурные изменения и системы уголовно-процессуального законодательства. В современных условиях требуется трансформация, перезагрузка действующей системы уголовно-процессуального права, ее ориентация на новую траекторию развития государства и права в целом. Необходимо понимание многоуровневого характера структурной организации уголовно-процессуального права. Каждый уровень уголовно-процессуального права представляет собой определенный массив правовых элементов. Структурные уровни уголовно-процессуального права находятся в упорядоченном состоянии, что обеспечивается горизонтальными (координирующими) и вертикальными (субординационными) связями между компонентами рассматриваемой отрасли права. Координационные связи обеспечивают согласованность структурных элементов уголовно-процессуального права, изменение одного элемента приводит к изменению другого. Субординационные связи обеспечивают иерархичность уголовно-процессуального права, подчиненность одних элементов другим. Любая структура характеризуется элементным составом, между составляющими которого в общем-то и образуются структурные связи.

Первичным элементом уголовно-процессуального права выступают правовые нормы — установленные и санкционированные государством правила поведения, регулирующие уголовно-процессуальные отношения. При развитии определенного подвида отношений в рамках уголовно-процессуальных отношений количество правовых норм, направленных на их урегулирование, начинает

увеличиваться. На определенном этапе начинают усиливаться интеграционные процессы по объединению их в более крупные внутриотраслевые образования — правовые институты. Ввиду сложного характера компонентов системы при большей степени дифференциации и интеграции в научной оборот вводится представление о подсистемах сложной системы. Речь идет об подотраслях и субинститутах как структурных элементах уголовно-процессуального права.

Разберем данный процесс на примере формирования такой подотрасли уголовно-процессуального права России, как ювенальное уголовно-процессуальное право.

На определенном этапе исторического развития государства и права возникла потребность в специфическом урегулировании уголовно-процессуальных отношений с участием несовершеннолетних лиц [4]. В уголовно-процессуальном праве начали формироваться вариативные, учитывающие особенности обозначенного субъекта уголовно-процессуальные нормы, направленные на обеспечение дополнительных гарантий их защиты в рамках уголовного судопроизводства. Запустился процесс дифференциации нормативно-правового материала с учетом особенностей субъектного состава уголовно-процессуальных отношений. Выделился определенный подвид уголовно-процессуальных отношений, применительно к которым потребовался особый правовой режим регулирования, отличающийся от общего. Усложнение рассматриваемого подвида отношений, сопровождающегося разрастанием объединенного выполнением новых функций нормативного материала, привело к интеграции дифференцирующихся юридических норм в более крупное нормативное образование — в сложный правовой институт, который, как нам представляется, на современном этапе развития может претендовать на переход в статус подотрасли уголовно-процессуального права. Таким образом, исторически сложившаяся и выделившаяся подсистема уголовно-процессуального права представляет собой монолитный комплекс уголовно-процессуальных норм и образованных на основании них институтов (субинститутов), регламентирующих уголовно-процессуальное производство (уголовно-процессуальную деятельность) с участием несовершеннолетнего, реализующий собственные предметно-идентификационные функции в процессе регулятивного воздействия на уголовно-процессуальные отношения. При этом обозначенная подотрасль уголовно-процессуального права взаимодействует с другими нормативно-правовыми образованиями уголовно-процессуального права (подотраслями, институтами, субинститутами, правовыми нормами) посредством структурно-системных связей (как вертикальных, так и горизонтальных), возникших в рамках отрасли уголовно-процессуального права.

Перманентные процессы дифференциации и интеграции рассматриваемого нормативного материала привели к специализации, нашедшей относительно

автономное отражение в отдельной главе 50 УПК «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», а также в специальных нормах, закрепленных в иных главах УПК (п. 12 ст. 5; п. 44 ст. 5; ст. 27; ст. 44; ст. 45; ст. 48; ст. 51; ст. 60; ст. 96; ст. 98; ст. 105; ст. 108; ст. 113; ст. 125.1; ст. 132; ст. 133; ст. 151; ст. 154; ст. 161; ст. 191; ст. 196; ст. 222; ст. 226.2; ст. 228; ст. 280; ст. 281; ст. 289; ст. 389.11; ст. 397; ст. 398; ст. 399; ст. 474.1; ст. 474.2 УПК). Применительно к данному производству в рамках пандектного алгоритма развития права действуют также общие (абстрактные) уголовно-процессуальные нормы, если они не противоречат нормам специальным.

Посредством применения системно-структурного подхода можно рассмотреть эволюцию формирования нормативного материала таких крупных подсистем уголовно-процессуального права России, как меры уголовно-процессуального принуждения, доказательственное право, договорное уголовно-процессуальное право, международное сотрудничество и др.

На первый взгляд, научные дискуссии вокруг вопроса структуризации нормативного материала в рамках уголовно-процессуальной отрасли права могут показаться сугубо теоретическими. Однако на самом деле их значение более весомое. От решения вопроса относительно правильной идентификации того или иного нормативного материала в структуре уголовно-процессуального права зависят не только научные классификации, но и общее восприятие нормативного массива, выбор методологических подходов к его исследованию. На уровне научной организации знаний вопрос структуры уголовно-процессуального права влияет на содержание курсов в юридических вузах, содержание учебников и учебных программ. На практическом уровне разрешение данного вопроса воздействует на процесс законодательной систематизации и соответствующего оформления определенного нормативного массива в главу, раздел или в отдельный кодифицированный акт.

Исследование структурных аспектов уголовно-процессуального права является перспективным научным направлением второй четверти XXI в. Необходима разработка концепции развития уголовно-процессуального права в данном направлении научного познания, что будет способствовать прогрессивному развитию доктрины уголовно-процессуального права и формированию востребованной в современных условиях системы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

1. Шелегов Ю. В. Механизм правового регулирования: структура и критерии эффективности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (107). С. 21–27. Вернуться к статье

2. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с. Вернуться к статье

3. Паршин Д. В. Пресечение и предупреждение преступной деятельности // Науч. Дайджест Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2019. № 1. С. 134–138. Вернуться к статье

4. Михайлова Т. Н. Ретроспективный анализ становления и развития ювенального уголовного судопроизводства России // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2025. № 1 (112). С. 230–241. Вернуться к статье

УДК 343.132

В. А. Нечаева
начальник учебно-методического отдела
Могилевского института МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОВЕДЕНИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИИ

Исходя из Перечня коррупционных преступлений, определенного постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета Государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 «Об утверждении Перечня коррупционных преступлений и Порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях», следует, что законодатель не относит производство по таким уголовным делам к исключительной компетенции следственных подразделений [1], а значит, органы дознания обладают полномочиями на принятие такого решения и производство неотложных следственных действий в соответствии со ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) [2].

Проведение неотложных следственных действий по уголовным делам о коррупции направлено на немедленную фиксацию следов преступления, задержание подозреваемых и предотвращение уничтожения доказательств. Специфика расследования коррупционных преступлений требует высокой оперативности, чему не всегда способствует правовая регламентация деятельности органов дознания.

Из ст. 186 УПК Республики Беларусь следует, что «лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз, поручение проведения проверки контролирующим (надзорным) органам в порядке, предусмотренном законодательными актами» [2]. Закон не обязывает орган дознания проводить все указанные следственные действия. Какие именно использовать в ходе производства по уголовным делам о коррупции,

орган дознания (впрочем, как и следователь) решает сам, исходя из обстоятельств совершенного преступления.

Кроме этого, из п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК Республики Беларусь следует, что производство неотложных следственных действий по уголовным делам является наряду с другими одним из полномочий, возлагаемых в зависимости от характера преступлений на органы дознания и должностных лиц.

В отличие от следователя лицо, производящее дознание, ограничено в самостоятельности принимаемых некоторых решений, в том числе о производстве следственных действий, отнесенных к неотложным, таких как осмотр жилища или иного законного владения, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи. Это следует из ч. 5 ст. 38 УПК Республики Беларусь, которая обязывает начальника органа дознания утверждать соответствующие постановления лица, производящего дознание. Анализ данного перечня вызывает вопрос, почему законодатель определил именно эти следственные действия. Если исходить из того, что производство данных следственных действий нарушает конституционные гарантии, то, на наш взгляд, данный аргумент подходит не для всех следственных действий, а только для тех, чье производство санкционируется прокурором. К таким неотложным следственным действиям относятся: осмотр жилища или иного законного владения (как разновидность осмотра), обыск, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи. И логичным является то, что начальник органа дознания, осуществляя процессуальный контроль, утверждает соответствующее решение лица, производящего дознание. Но такое следственное действие, как выемка, санкционируется не во всех случаях. Из ст. 210 УПК Республики Беларусь следует, что с санкции прокурора производится выемка документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, а также выемка в жилище или ином законном владении против воли собственника или проживающих в нем лиц. Особый порядок предусмотрен для выемки в помещениях, занимаемых дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, а также представительствами и учреждениями иностранных государств и международных организаций, которые в соответствии с международными договорами Республики Беларусь пользуются дипломатическим иммунитетом, а равно в помещениях, в которых проживают сотрудники этих представительств и учреждений и их семьи. В таком случае она проводится лишь по просьбе или с согласия главы соответствующего представительства или учреждения и в его присутствии. Согласие представительства или учреждения испрашивается через Министерство иностранных дел Республики Беларусь. При проведении выемки обязательно присутствие прокурора и представителя Министерства

иностранных дел Республики Беларусь (ч. 10 ст. 210 УПК Республики Беларусь). В остальных случаях выемка (например, предметов (документов) у потерпевшего, которая осуществляется в служебном кабинете лица, производящего дознание), на наш взгляд, никоим образом не посягает на конституционные устои. Думается, что законодателю следует конкретизировать виды выемки, постановление о проведении которых требует утверждения начальником органа дознания, как это, например, сделано в ч. 6 ст. 38 УПК Республики Беларусь. Применительно к производству неотложных следственных действий данная норма гласит: «Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, при производстве предварительного следствия по уголовным делам следователем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь в соответствии с подследственностью, определенной статьей 182 настоящего Кодекса, а также при производстве дознания по уголовным делам вправе вынести мотивированное постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога; о проведении обыска, осмотра жилища или иного законного владения; осмотра компьютерной информации; о наложении ареста на имущество в случаях, предусмотренных статьей 132 настоящего Кодекса, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемке, выемке документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; о прослушивании и записи переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; об извлечении трупа из места захоронения (эксгумации); о помещении подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, в судебно-психиатрический экспертный стационар; об отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом. Указанное постановление не требует санкционирования прокурором. Копия соответствующего постановления в течение 24 часов направляется Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности» [2].

Как видно из данной нормы, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь как руководитель ведомства и начальник органа дознания наделен исключительными полномочиями по принятию вышеуказанных решений без необходимости их санкционирования прокурором. Правда, в ч. 7 указанной статьи делается оговорка: «Не допускаются применение меры пресечения или производство процессуальных действий на основании постановления Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, в случае предыдущего отказа Генерального прокурора Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, в даче санкции на их применение (производство)» [2].

Безоговорочное требование утверждения начальником органа дознания такого неотложного следственного действия, как обыск, также вызывает сомнения. Думается, реализовать данное требование на практике было бы проще, если бы данная норма была диспозитивной. Так, решение о производстве обыска может возникнуть у лица, производящего дознание, в то время, когда оно находится вне административного здания и не имеет возможности утвердить постановление у начальника органа дознания. При этом в данной ситуации закон позволяет произвести данное следственное действие без санкции прокурора, но с последующим уведомлением его в течение 24 часов: «В исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях либо разыскиваемое лицо может скрыться, обыск может быть проведен без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном обыске» (ч. 3 ст. 210 УПК Республики Беларусь) [2]. На наш взгляд, аналогичный порядок действий целесообразно предусмотреть и в отношении требования об утверждении постановления начальником органа дознания.

Таким образом, правовое регулирование процессуального положения органов дознания Республики Беларусь, в том числе компетенции по производству неотложных следственных действий по уголовным делам о коррупции, содержит ряд проблем, которые требуют решения и представляют существенный интерес для научного исследования и разработки предложений по его совершенствованию.

---

1. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений и Порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Ком. Гос. контроля Респ. Беларусь, Оперативно-аналит. центра при Президенте Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь от 27 дек. 2013 г. № 43/9/95/571/57/274. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.211.4

О. В. Обернихина
соискатель кафедры уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Институт действия уголовного закона во времени и правила об обратной силе имеют ключевое значение для реализации принципов справедливости и законности. Несмотря на общие международные стандарты, национальные подходы различаются.

Между тем Всеобщая декларация прав человека (ч. 2 ст. 11) устанавливает: никто не может быть осужден за деяние, которое в момент его совершения не составляло преступления, и не может налагаться наказание более тяжкое, чем то, которое могло быть применено в то время [1, с. 35].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ч. 1 ст. 7) воспроизводит это правило, но допускает исключение для деяний, являвшихся преступными в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами [1, с. 36].

Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 15) закрепляет запрет обратной силы строгого закона и императив применения более мягкого [1, с. 37].

Таким образом, международное право требует безусловного применения смягчающего закона, а Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод допускает некоторое исключение, которое позволяет государству в исключительных случаях отступать от запрета обратной силы [2, с. 4].

Далее оправданным видится исследование уголовного законодательства отдельных государств в целях установления пределов действия обратной силы уголовного закона по законодательству различных стран.

Так, Уголовный кодекс (далее — УК) Федеративной Республики Германия (§ 1 и 2) устанавливает, что наказание определяется законом, действовавшим во время совершения деяния; если закон изменяется перед вынесением решения, применяется наиболее мягкий закон [3, с. 5]. Достоинство — императивность нормы, исключающая усмотрение. Недостаток — отсутствие определения времени совершения преступления, что создает проблемы для материальных составов [3, с. 6]. Для России полезен сам формат обязательного применения наиболее мягкого закона.

В ст. 6 УК Эстонии закреплено, что смягчающий закон имеет обратную силу, а отягчающий — нет, однако отсутствует конкретизация времени совершения преступления для материальных составов [4, с. 23]. УК Латвии содержит

оговорку «если только в законе не определено иное», что позволяет законодателю ограничить обратную силу смягчающего закона [4, с. 25]. Это существенный недостаток, подрывающий принцип законности. Оба кодекса содержат положения о наказуемости преступлений против человечности независимо от времени совершения, что, по мнению М. Г. Решняк, относится скорее к срокам давности [4, с. 23].

Примерный УК США и Кодекс штата Нью-Йорк исходят из приоритета закона, действовавшего на момент совершения деяния, при этом моментом совершения признается осуществление любого элемента состава (правило «одного элемента»). Смягчающий закон применяется только с согласия подсудимого [5, с. 123].

Достоинство — четкое определение момента совершения длящегося преступления. Недостаток — применение старого сурового закона даже при частичном совершении деяния до нового закона, что противоречит гуманизму.

Наиболее перспективен подход, закрепленный в ст. 5 УК Туркменистана, где определено, что временем совершения преступления признается время наступления его последствий, а в случаях, когда ответственность установлена за сам факт совершения действия (бездействия), — время совершения этого действия (бездействия) [6, с. 118]. Для материальных составов — момент наступления последствий, для формальных — момент деяния. Это позволяет точно исчислять сроки давности и обеспечивает баланс интересов потерпевшего и виновного. Существующий в России подход (ч. 2 ст. 9 УК Российской Федерации) ориентирован только на интересы лица, совершившего преступление, поскольку период формирования последствий включается в срок давности, что нарушает права потерпевшего [6, с. 120].

УК Объединенных Арабских Эмиратов подробно регламентирует действие закона во времени, но прямо не называет запрет ретроактивности [7, с. 67]. Федеральный декрет-закон № 8 от 2017 г. «О международных преступлениях» допускает обратную силу для норм об ответственности за геноцид, преступления против человечности, военные преступления [7, с. 68]. Это отступление от правила, однако оно отражает консенсус, что принцип ex post facto не должен защищать лиц, виновных в тягчайших злодеяниях [2, с. 4]. Для российского законодательства этот опыт имеет скорее теоретическое, чем прикладное значение. УК Российской Федерации уже содержит нормы об ответственности за международные преступления (геноцид, экоцид и др.), и вопрос о придании им обратной силы вряд ли будет актуален, поскольку соответствующие деяния были криминализированы международным правом задолго до их включения в УК Российской Федерации. Однако сама идея о возможности дискуссии по поводу абсолютности принципа неретроактивности в отношении особо опасных деяний может быть предметом научного осмысления.

Таким образом, на основе проведенного анализа предлагается:

1. Имплементировать дифференцированный подход Туркменистана и Узбекистана: изменить ч. 2 ст. 9 УК Российской Федерации, указав, что для материальных составов временем совершения преступления признается момент наступления последствий. Это устранит дисбаланс интересов.

2. Дополнить ст. 9 УК Российской Федерации положением о том, что действие уголовного закона во времени ограничивается сроками давности (ст. 78 и 83 УК Российской Федерации).

3. Из опыта Федеративной Республики Германия — закрепить императивное правило о безусловном применении наиболее мягкого закона.

4. Из опыта Соединенных Штатов Америки — использовать «правило одного элемента» для длящихся преступлений, дополнив ст. 9 УК Российской Федерации: если преступление начато при одном законе, а окончено при другом, применяется закон, действовавший на момент окончания, а в сочетании с обратной силой — более мягкий закон.

5. Опыт Объединенных Арабских Эмиратов не требует прямого заимствования, но дискуссия об абсолютности принципа для международных преступлений заслуживает внимания.

В целом следует отметить, что национальные подходы к обратной силе уголовного закона разнообразны. Для России наиболее перспективна имплементация дифференцированного определения времени совершения преступления по образцу Туркменистана и Узбекистана, а также императивного правила о применении наиболее мягкого закона (Федеративная Республика Германия). Совершенствование должно идти по пути максимальной определенности, исключающей расширительное толкование.

---

1. Бараташвили Л. Н. Влияние норм международного права на формирование института действия уголовного закона во времени // Междунар. публич. и част. право. 2016. № 6. С. 35–38. Вернуться к статье

2. Скуратова А. Ю. Принцип ex post facto в международном уголовном праве: соблюдать нельзя нарушить? // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. 2024. № 3. С. 2–7. Вернуться к статье

3. Решняк М. Г. О некоторых особенностях регламентации темпорального и территориального действия уголовного закона в законодательстве ФРГ // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. 2024. № 3. С. 4–9. Вернуться к статье

4. Решняк М. Г. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства некоторых стран Балтии, регламентирующих действие закона в пространстве // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 1. С. 23–25. Вернуться к статье

5. Решняк М. Г. О некоторых особенностях правовой регламентации действия уголовного закона во времени и пространстве в уголовном законодательстве США // Бизнес в законе. 2014. № 1. С. 122–124. Вернуться к статье

6. Решняк М. Г. Совершенствование института действия уголовного закона во времени как актуальное направление развития российского уголовного законодательства // Пробелы в рос. законодательстве. 2014. № 6. С. 118–120. Вернуться к статье

7. Шестак В. А., Цыплакова А. Д. Правовое регулирование уголовной юрисдикции в Объединенных Арабских Эмиратах // Рос. следователь. 2023. № 7. С. 65–68. Вернуться к статье

УДК 343.13

И. А. Одиназода
докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар),
Академия МВД Республики Таджикистан
(Республика Таджикистан, г. Душанбе),
кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), представляет собой одно из важнейших направлений деятельности прокуратуры, обеспечивающих режим законности в специфической сфере государственно-правовой деятельности, сопряженной с возможным ограничением конституционных прав и свобод граждан. Раскрытие понятия и сущности данного вида надзора имеет фундаментальное теоретическое и практическое значение, поскольку определяет границы вмешательства прокурора в деятельность оперативных подразделений, объем его полномочий и формы реагирования на нарушения закона.

В российской юридической литературе сложилось несколько подходов к определению прокурорского надзора за ОРД. Согласно первому подходу [1; 2], данный надзор рассматривается как самостоятельная отрасль прокурорского надзора, имеющая собственные предмет, объекты и специфические полномочия прокурора. В рамках второго подхода [3; 4] он определяется как подотрасль общего надзора за исполнением законов, что обусловлено спецификой поднадзорной деятельности и особым правовым статусом уполномоченных прокуроров. Третий подход [5; 6] акцентирует процессуально-обеспечительный характер надзора, трактуя его как средство обеспечения законности при использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

В таджикской юридической доктрине [7; 8] преобладает понимание надзора за ОРД как самостоятельного направления деятельности прокуратуры, тесно связанного с надзором за исполнением законов органами предварительного следствия и дознания.

С учетом изложенного представляется обоснованным определить прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, как самостоятельную отрасль прокурорского надзора, представляющую собой урегулированную законом деятельность уполномоченных прокуроров по проверке соблюдения Конституции, законов и иных нормативных правовых актов органами, осуществляющими ОРД, при проведении оперативно-розыскных

мероприятий, использовании их результатов и обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

Сущность прокурорского надзора за ОРД раскрывается через ряд взаимосвязанных характеристик. Прежде всего данный надзор носит государственно-властный характер, поскольку прокуратура выступает от имени государства как специально уполномоченный орган, реализующий эту функцию. Кроме того, надзор обладает ярко выраженной правозащитной направленностью, являясь важнейшей гарантией соблюдения конституционных прав граждан (на неприкосновенность частной жизни; тайну переписки, телефонных переговоров и неприкосновенность жилища), ограничение которых возможно в ходе ОРД. Специфика надзора проявляется также в его предмете — общественных отношениях негласного характера, возникающих при осуществлении ОРД, а также в ограниченном круге уполномоченных прокуроров, допущенных к сведениям, составляющим государственную тайну. При этом прокурорский надзор не подменяет ведомственный и судебный контроль, а взаимодействует с ними, образуя единую систему обеспечения законности в сфере ОРД.

Предмет надзора легально определен в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и включает соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; выполнение оперативно-розыскных мероприятий; а также законность принимаемых органами, осуществляющими ОРД, решений [9].

В законодательстве Республики Таджикистан (ст. 21 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» [10], ст. 27 Конституционного закона «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» [11]) предмет надзора определен сходным образом, однако дополнен указанием на надзор за законностью использования результатов ОРД, что представляется методологически более точным подходом.

Объектами надзора выступают органы, осуществляющие ОРД, исчерпывающий перечень которых определен в ст. 13 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [12] (в России) и ст. 13 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» (в Таджикистане) [10]. К ним относятся оперативные подразделения органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности (в Таджикистане — органов государственной безопасности), таможенных органов, органов государственной охраны, органов исполнения наказаний и ряда иных ведомств.

Пределы прокурорского надзора за ОРД определяются законом и охватывают: по предметному признаку — только сферу исполнения законов при осуществлении ОРД, исключая вопросы тактики, методики и организации проведения оперативно-розыскных мероприятий; по субъектному признаку —

деятельность специально перечисленных в законе органов, уполномоченных на проведение ОРД; по временному признаку — деятельность с момента возникновения оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий до момента использования полученных результатов.

Принципиальное значение имеет правило, согласно которому прокурор не вправе вмешиваться в тактику и методику ОРД, что обусловлено необходимостью сохранения ее эффективности и обеспечения безопасности участников.

Цель надзора заключается в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности при осуществлении ОРД, защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Задачи прокурорского надзора за ОРД включают: выявление и устранение нарушений закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий; обеспечение соблюдения прав граждан, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия; контроль за законностью представления результатов ОРД органам предварительного расследования и суду; предупреждение нарушений закона в деятельности оперативных подразделений; а также привлечение к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения закона.

Надзорная деятельность прокурора в сфере ОРД основывается на общих принципах организации и деятельности прокуратуры (законность, единство, централизация, независимость, гласность в установленных пределах), а также на специальных принципах, к которым относятся: сохранение государственной и иной охраняемой законом тайны; невмешательство в тактику и методику ОРД; сочетание надзора с ведомственным и судебным контролем; системность и плановость надзорных мероприятий.

Прокурорский надзор за ОРД функционирует во взаимодействии с двумя другими видами контроля. Ведомственный контроль, осуществляемый руководителями оперативных подразделений, характеризуется оперативностью и доступностью полной информации, включая сведения о тактике и методике ОРД, однако его недостатком является потенциальная корпоративная заинтересованность. Судебный контроль выражается в санкционировании судом оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, а также в проверке законности использования результатов ОРД при рассмотрении уголовных дел; он отличается высокой степенью объективности, но имеет точечный, фрагментарный характер. Прокурорский надзор занимает промежуточное положение, сочетая системность ведомственного контроля с независимостью судебного, что определяет его особую роль в системе обеспечения законности ОРД.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, представляет собой самостоятельную отрасль

прокурорского надзора, обладающую собственными предметом, объектами, пределами, принципами и задачами. Сущность данного надзора раскрывается через его государственно-властный и правозащитный характер, специфику негласных общественных отношений, выступающих его предметом, а также ограниченный круг уполномоченных прокуроров, допущенных к государственной тайне. Пределы надзора исключают вмешательство прокурора в тактику, методику и организацию проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничиваясь сферой исполнения законов. Прокурорский надзор не подменяет, а органично дополняет ведомственный и судебный контроль, занимая промежуточное положение, сочетающее системность первого с независимостью второго, что определяет его особую роль в системе обеспечения законности в сфере ОРД. Целью надзора является обеспечение верховенства закона, укрепление законности и защита конституционных прав граждан при осуществлении ОРД.

1. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2021. Вернуться к статье

2. Рябцев В. П. Прокурорский надзор : курс лекций. М. : Норма, 2017. Вернуться к статье

3. Ястребов В. Б. Прокурорский надзор : учеб. М. : Зерцало-М, 2018. Вернуться к статье

4. Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор : учеб. 12-е изд. М. : Юрайт, 2019. Вернуться к статье

5. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Норма, 2009. Вернуться к статье

6. Соловьёв А. Б. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2010. Вернуться к статье

7. Рахимов Р. Х. Прокурорский надзор и оперативно-розыскная политика в Республике Таджикистан // Юрид. наука: история и современность. 2016. № 1. С. 141–155. Вернуться к статье

8. Каххоров Д. Г., Бочаров М. Н. Функции прокурорской деятельности и их классификация в досудебном уголовном производстве России и Таджикистана // Право молодых : сб. тр. междунар. образоват. форума : в 2 ч. / под ред. М. С. Трофимова. 2016. С. 50–51. Вернуться к статье

9. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

10. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 : в ред. от 18 июля 2017 г. // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30982523&show_di=1 (дата обращения: 15.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

11. Об органах прокуратуры Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : Конституц. закон Респ. Таджикистан от 25 июля 2005 г. № 107 // ИС «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30444828 (дата обращения 15.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

12. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 1 апр. 2025 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.137.5

Е. А. Петранис

преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ К ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Исходя из приоритета защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, законодательство Республики Беларусь устанавливает дополнительные процессуальные гарантии, обусловленные возрастной спецификой, уровнем эмоционального и психического развития и социальным статусом данной категории лиц. В этой связи в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК) Республики Беларусь закреплен особый процессуальный порядок, который проявляется в специфике доказывания, ограничении мер принудительного характера и привлечении к процессу специальных субъектов для защиты интересов несовершеннолетнего.

Часть 2 ст. 89 УПК Республики Беларусь детализирует и дополняет предмет доказывания специфическими критериями, характерными исключительно для данной категории дел [1]. Так, подлежат детальному выяснению обстоятельства, характеризующие личность и условия жизни и воспитания обвиняемого: от точного возраста и уровня психической зрелости до выявления лиц, способствовавших совершению преступления.

Определение точного возраста лица, не достигшего совершеннолетия, является ключевым условием для его привлечения к уголовной ответственности. Данный показатель детерминирует не только наличие состава преступления в действиях субъекта, но и специфику применения к нему особых процессуальных норм. В ходе установления данных о рождении несовершеннолетнего приоритет отдается свидетельству о рождении либо документам, удостоверяющим личность, а при их отсутствии — экспертному заключению. Важно помнить о правиле исчисления сроков: лицо признается достигшим возраста уголовной ответственности не в сам день рождения, а с началом следующих суток. В случаях, когда дату рождения устанавливает эксперт, за основу берется последний день названного года. Если эксперт указывает диапазон лет, применяется принцип минимального возраста [2]. Исключительный перечень документов, удостоверяющих личность, включает паспорт гражданина Республики Беларусь, идентификационную карту гражданина, вид на жительство (в том числе биометрический), а также удостоверение беженца [3]. Важно отметить, что справка, подтверждающая факт обучения несовершеннолетнего в учреждении

образования, членский билет ОО «БРСМ», студенческий билет, удостоверение инвалида и др., несмотря на наличие в них персональных данных и фотоизображения владельца, не наделены законодателем статусом документов, данное обстоятельство исключает возможность их использования в качестве средств доказывания возраста несовершеннолетнего — юридически значимого факта, входящего в предмет доказывания по уголовному делу.

При установлении возраста как элемента предмета доказывания принципиальное значение имеет не только формальная фиксация даты рождения, но и определение способности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Учитывая разнообразие факторов, провоцирующих задержку психического развития (от социально-педагогических до медицинских), установление реального уровня зрелости подростка невозможно без специальных познаний. В связи с этим проведение психолого-психиатрической экспертизы должно рассматриваться как неотъемлемый элемент процесса доказывания, позволяющий исключить наличие возрастной незрелости, не связанной с психическим расстройством.

Процессуальное установление социально-бытовых условий проживания и психофизических особенностей личности подростка нередко носит формальный характер и ограничивается сбором информации из учреждения образования, где обучается несовершеннолетний: запрос характеризующих материалов, а также акта обследования жилищно-бытовых условий.

Информационный фундамент для установления личностных особенностей несовершеннолетнего должен формироваться за счет истребования документации, содержащей материалы, характеризующие личность несовершеннолетнего, из органов внутренних дел (как в отношении самого несовершеннолетнего, так и в отношении его законных представителей, членов семьи), комиссий по делам несовершеннолетних, учреждения образования, где обучается либо обучался несовершеннолетний, а также учреждений здравоохранения. При получении данной информации лицо, ведущее уголовный процесс, должно подвергнуть ее системному анализу. Качественный сбор и последующая оценка сведений о социально-бытовых условиях проживания и воспитательной микросреды несовершеннолетнего выступают инструментом первичной оценки его личности. Данный этап позволяет правоприменителю не только сформулировать потенциальную доказательственную базу, но и спроектировать индивидуальный алгоритм расследования, исходя из психологической специфики и конкретного субъекта. На наш взгляд, при установлении социально-бытовых условий проживания и психофизических особенностей личности несовершеннолетнего особое значение имеет изучение цифровых следов, которые оставляет подросток. Цифровой след — совокупность информации о пользователе и его действиях в социальной сети, которую можно каким-либо способом отследить [4]. Специфика

цифровых следов заключается в их долговечности и высокой устойчивости к удалению. Множество цифровых следов, которые оставляет ребенок в сети Интернет, являются прямым следствием его высокой коммуникативной активности в интернет-пространстве, что превращает цифровой след в ценный источник биографической и психологической информации, которая включает массив данных, генерируемых в процессе эксплуатации аппаратных средств, активности в социальных сетях, мессенджерах и виртуальных игровых пространствах. Для получения информации о личности несовершеннолетнего лицо, ведущее уголовный процесс, может проанализировать цифровое поведение подростка: принадлежность к социальным сетям, характер сетевой коммуникации (структура интерактивного одобрения (лайки)), публикации и комментарии в мессенджерах Telegram, TikTok, Instagram, VK и др.

Также источниками сведений о личности несовершеннолетнего и условиях его жизни и воспитания выступают показания законных представителей, педагогов и соседей, позволяющие получить информацию о его образе жизни, досуге и специфике межличностных взаимодействий. Эффективность доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних напрямую зависит от качества допросов лиц, осуществляющих воспитательное и трудовое наставничество. Исследование биографических и психофизических данных подростка должно отвечать требованию полноты, необходимой для достижения назначения уголовного процесса.

Проверка версии о вовлечении несовершеннолетнего в противоправную или антиобщественную деятельность взрослыми лицами является императивным требованием при исследовании обстоятельств совершения преступления подростком.

При осуществлении разбирательства необходимо оценить роль взрослых членов семьи в совершении преступлений несовершеннолетними. Зачастую по уголовным делам о хищениях, совершенных несовершеннолетним, подстрекателем выступает один из взрослых членов семьи, который склоняет несовершеннолетнего к совершению преступления в силу недостижения последним возраста привлечения к уголовной ответственности. Установление вины взрослых лиц осложнено нежеланием несовершеннолетних сотрудничать со следствием ввиду боязни мести. Эффективное изобличение взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в преступное поведение, невозможно без глубокого ретроспективного анализа связей подростка. Основными направлениями поиска являются мониторинг активности анализа связей подростка (в том числе и в виртуальном пространстве) и проверка ближайшего окружения, в первую очередь — ранее судимых лиц и знакомых старшего возраста, способных оказывать психологическое и физическое давление.

Развитие современной следственной практики предполагает формирование системы гарантий, обеспечивающих максимальную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних участников процесса. Таким образом, совершенствование процесса доказывания по делам в отношении несовершеннолетних требует качественной трансформации следственных подходов. Ключевым вектором выступает переход от формального сбора характеризующих материалов к глубокому анализу цифрового следа подростка, позволяющему объективно реконструировать его реальные социальные связи и выявить скрытое влияние взрослых подстрекателей. Лишь отказ от шаблонного изучения «личности на бумаге» в пользу детального исследования фактических условий воспитания и микросреды (включая виртуальную) гарантирует соблюдение принципа индивидуализации ответственности и обеспечивает эффективность профилактики повторных преступлений.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 : в ред. от 21 дек. 2023 г. № 10. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. О документировании населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 : в ред. от 30 дек. 2025 г. № 455. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. Цифровой след [Электронный ресурс] // Энциклопедия : [сайт]. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/digital-footprint/ (дата обращения: 20.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.9

А. Н. Примаков
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ И ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ИМУЩЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

Одним из наиболее распространенных преступлений в структуре общеуголовной преступности является кража — тайное похищение имущества (ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [1]. Уголовная противоправность и общественная опасность данного преступления выражается в противоправном завладении чужим имуществом стоимостью более двух (для физического лица) или десяти (для юридического лица) базовых величин, нарушающем, таким образом, юридически установленное право собственности или право законного владения. При этом такое право с точки зрения уголовно-правового толкования здесь понимается как правовая ценность (абсолютного правоотношения) на беспрепятственное обладание правомочиями владения, пользования и распоряжения вещами и предметами, принадлежащими его субъектам (физическим и юридическим лицам) [2, с. 429].

Наиболее проблемным в судебно-следственной практике является вопрос разграничения и толкования уголовно-правовых признаков кражи и присвоения найденного имущества [3, с. 60], особенно, если подобного рода противоправные действия были совершены в общественном месте. В соответствии со ст. 215 УК, под присвоением найденного имущества понимается присвоение в особо крупном размере найденного заведомо чужого имущества или клада [1]. При этом уголовная ответственность в последнем случае наступает, только если размер ущерба является особо крупным, то есть превышает тысячу и более базовых величин (п. 3 Примечания к гл. 24 УК). При обстоятельствах, когда такой размер ущерба не превышает тысячу базовых величин, ответственность наступает по ст. 11.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [4].

Применяемый в настоящее время органами уголовного преследования подход к квалификации краж и их отграничению от присвоения найденного имущества в общественных местах исключительно исходит от позиции потерпевшего лица касаемо обстоятельств выбытия из его законного владения предмета преступного посягательства. Так, в случаях, когда потерпевшее лицо точно знает и располагает сведениями о месте оставления утраченных предметов или

вещей, в том числе обоснованно предполагает о том, где они находятся, то независимо, по сути, от позиции виновного и его умысла такое деяние квалифицируется как кража. В другом случае, когда потерпевшее лицо не обладает указанными сведениями, — как присвоение найденного имущества.

Поддерживая данный правоприменительный подход и разъясняя в научно-практическом комментарии к УК вопросы квалификации уголовно наказуемого присвоения найденного имущества, Д. Г. Мороз отмечает, что «не являются утерянными вещи, оставленные собственником или законным владельцем в любом достоверно известном ему месте или на непродолжительное время или имеющие идентификационные признаки принадлежности конкретным лицам, то есть когда по месту нахождения имущества или иным обстоятельствам нет разумных оснований считать о наличии полной утраты имущества его собственником или законным владельцем» [2, с. 466–467]. Схожее мнение по этому вопросу и у А. Ю. Сичкаренко, который утверждает, что «если виновное лицо, обнаружившее чужую вещь, не сообщает о ее находке, имея при этом объективные возможности сообщить, то действия лица следует расценивать как хищение чужого имущества» [5, с. 55].

В свою очередь, В. В. Хилюта, разъясняя вопросы разграничения уголовно наказуемой кражи и присвоения найденного имущества, указывает, что в последнем случае, «если лицо осведомлено о том, кто является собственником вещи, то такое лицо осознает отсутствие у себя права на приобретение данной вещи, и, соответственно, такое деяние не может рассматриваться в качестве находки, поскольку собственник ее известен, а возвращение вещи не предполагает определенные усилия, направленные на его отыскание» [6, с. 136].

Результаты анализа постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [7], по сути, основного нормативного источника толкования и разъяснения вопросов квалификации хищений, позволяют утверждать, что каких-либо дополнительных положений, связанных с разрешением вопросов по разграничению кражи и присвоения найденного имущества, в данном правовом акте не содержится.

Думается, что, определяя конструкцию механизма применения данных норм уголовного закона, как вышеуказанные авторы, так и законодатель исходят из позиции ужесточения защиты общественных отношений, связанных с приобретением права собственности на предметы материального мира и обеспечения таким образом сохранения этого права при их утрате (утере). Однако, по нашему мнению, такой подход не в полной мере позволяет реализовать принципы справедливости и личной виновной ответственности, применяемые в уголовном законе. Помимо этого, видятся некоторые расхождения с положениями принципа презумпции невиновности, действующего в уголовном процессе (ст. 16

Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь), поскольку результаты анализа его положений позволяют утверждать, что при установлении виновности лица последний не обязан доказывать свою невиновность и все сомнения в обоснованности предъявленного ему обвинения толкуются в его пользу [8].

Таким образом, как представляется, при разграничении и квалификации уголовно наказуемой кражи и присвоения найденного имущества, совершенных в общественном месте, следует исходить из факта установления виновности лица и его умысла на хищение или присвоение найденного имущества, разграничивая их с учетом сведений о восприятии виновным непосредственно самой ситуации, связанной с изъятием имущества. При обстоятельствах, когда факт завладения имуществом имел место на территории общественного места при фактическом отсутствии собственника или законного владельца и при этом у виновного лица изначально отсутствовал умысел на его извлечение из владения собственника (установлен внезапно возникший умысел), при этом из складывающейся обстановки данное лицо не могло понимать точный характер утраты имущества из законного владения (вблизи имущества отсутствовал собственник или иные лица и место завладения таким имуществом является несвойственным и не разумным для его обнаружения или хранения), то содеянное следует квалифицировать как присвоение найденного имущества.

При этом невыполнение со стороны виновного лица уведомления собственника (владельца) или исполнительно-распорядительных органов об обнаружении имущества в той либо иной форме, в том числе путем публичного объявления, не влечет пересмотра уголовно-правовой квалификации в сторону кражи, поскольку такое неуведомление проясняет корыстную цель, преследуемую виновным, а не характеристику умысла, направленного на тайное похищение имущества. То есть в данном случае речь идет о нарушениях правил обращения с найденным имуществом, предусмотренных гражданским законодательством, что может послужить основанием для привлечения виновного к уголовной или административной ответственности (в зависимости от размера ущерба) за присвоение найденного имущества.

Хищение в форме кражи будет иметь место в случае, когда виновный непосредственно наблюдал момент оставления собственником его имущества и в последующем принял меры к его похищению.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с. Вернуться к статье

3. Поляк Н. С. Проблемные аспекты разграничения кражи от присвоения найденного // Предварительное расследование. 2023. № 1. С. 59–65. Вернуться к статье

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 апр. 2026 г. № 138-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. Сичкаренко А. Ю. Отграничение присвоения найденного от хищения // Рос. следователь. 2018. № 11. С. 53–58. Вернуться к статье

6. Хилюта В. В. Кража и присвоение найденного: проблемы соотношения и выявления разграничительных признаков // Журн. рос. права. 2019. № 2. С. 132–143. Вернуться к статье

7. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 21 дек. 2001 г. № 15 : в ред. от 30 сент. 2021 г. № 8. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.359.2

Н. В. Пушко
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат экономических наук, доцент

А. С. Достанко
курсант 4 курса факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В контексте современных экономических реалий неформальная занятость на онлайн-платформах выступает в качестве фактора, оказывающего негативное воздействие на социально-экономическую систему государства. Одновременно с этим достижение существенного роста производительности труда в настоящее время может быть обеспечено за счет развития информационно-коммуникационных технологий, в том числе посредством развития цифровых трудовых платформ. Возникновение значительного числа таких платформ способствует эффективному взаимодействию между поставщиками услуг и потребителями, а также приводит к формированию так называемой платформенной экономики (gig-экономики) и трансформации трудовых отношений в новую форму занятости — платформенную занятость. Под платформенной занятостью понимается вид занятости, опосредующий трехсторонние отношения между платформенно занятыми, клиентами (заказчиками) и цифровой платформой в целях их взаимодействия.

Несмотря на многообразие тенденций, влияющих на рынок труда, платформенная занятость также является фактором, когда граждане предпочитают традиционному трудовому договору занятость через цифровые платформы, маркетплейсы и сервисы доставки, в том числе на условиях самозанятости. Это, в свою очередь, приводит к дефициту трудовых ресурсов в других отраслях экономики. Прирост платформенной занятости тесно связан с тенденцией ее использования для оптимизации издержек нанимателя в качестве более низкозатратной альтернативы трудовым отношениям. И хотя, по результатам 2025 г., платформенная занятость составила 0,5 % от занятых в экономике [1], существуют объективные тенденции к ее росту. Согласно данным, портрет платформенного занятого характеризуется следующими параметрами: преобладание мужчин (63,4 %) с высшим образованием (46 %), статусом наемного работника (самозанятого) (49,1 % (41,1 %)), средний возраст которых составляет 37,1 года.

Основные сферы деятельности включают службу такси (31,6 %), продажу товаров (19,4 %), работы и услуги в сфере IT (17,9 %), а также доставку и бытовые услуги (14,3 %) [1].

Следует отметить, что текущая ситуация, несмотря на потенциальное снижение затрат на рабочую силу для субъектов малого и среднего предпринимательства, в долгосрочной перспективе при отсутствии адекватного правового регулирования может привести к увеличению доли неустойчивой занятости. Для такой формы занятости характерно отсутствие ряда трудовых гарантий, нестабильность доходов и отсутствие государственных социальных выплат и льгот. Следовательно, платформенная занятость может стать основой для прекаризации труда работников цифровых платформ, что проявляется не только в ухудшении условий труда и нивелировании прав работников и обязанностей работодателей, но и в снижении уровня заработной платы. Отрицательное влияние данной тенденции также выражается в сокращении налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и может способствовать незаконному обогащению налогоплательщиков за счет сокрытия налоговых платежей.

Несмотря на то, что платформенная занятость активно развивается в Республике Беларусь, на данный момент правовой статус занятых на цифровых платформах не определен, хотя государство активно работает в данном направлении, создана рабочая группа, которая занимается разработкой закона, комплексно регулирующего деятельность цифровых платформ. Сами онлайн-платформы зачастую позиционируют себя исключительно в качестве информационных сервисов, выполняющих роль посредников между заказчиком и исполнителем-самозанятым, уплачивающим налог на профессиональный доход (далее — НПД). С появлением категории самозанятых в Республике Беларусь некоторые наниматели стали привлекать таких граждан к работе по гражданско-правовым договорам, несмотря на то, что выполняемая ими работа, по сути, имеет все признаки трудовых правоотношений, что позволяет нанимателю экономить на взносах социального страхования и трудовых гарантиях и создает базу для роста уклонений от уплаты обязательных платежей в бюджеты всех уровней.

Рассматривая некоторые аспекты налогообложения, необходимо отметить, что в Республике Беларусь занятые на платформах платят налоги, применяя налоговые режимы для индивидуальных предпринимателей (например, в сфере частных перевозок), либо платят НПД как самозанятые, осуществляющие, например, деятельность по доставке потребителям товаров на дом, работы и услуги по графическому дизайну, разработку веб-сайтов, разработкой программного обеспечения, его тестирование и др. Вместе с тем, так как действующее законодательство не содержит понятия «платформенная занятость», многие виды деятельности, осуществляемые через онлайн-платформы, остаются без достаточной правовой регламентации, и поэтому имеются существенные трудности

для налогового контроля над такими занятыми, что может привести к неуплате достаточно крупной суммы в бюджет.

Отметим, что отечественное налоговое законодательство не предусматривает применения в рамках НПД института уполномоченных лиц (например, операторов онлайн-платформ), при посредничестве которых налогоплательщик может коммуницировать с налоговым органом. Кроме того, налоговый орган не имеет права на направление в банк платежных поручений на списание денежных средств с банковского счета плательщика НПД в счет уплаты налога.

Ситуация с правовой регламентацией труда лиц, занятых на онлайн-платформах, в Российской Федерации демонстрирует значительное сходство с белорусской моделью, характеризуется отсутствием четко определенного правового статуса данной категории работников. Преобладающей формой их легализации является статус самозанятого с применением НПД. Российские исследователи в области налогообложения самозанятых лиц акцентируют внимание на законодательном ограничении, запрещающем применение НПД при заключении гражданско-правовых договоров с бывшими работодателями в течение двухлетнего периода. Данное ограничение стимулирует субъекты хозяйствования к использованию аффилированных компаний для оформления сделок с экс-сотрудниками, что представляет собой форму «налоговой оптимизации». Несмотря на разработку Федеральной налоговой службой России алгоритмов для выявления и противодействия подобным схемам, действующие законодательные нормы содержат ряд недостатков, касающихся специфики работ, выполняемых в онлайн-формате на цифровых платформах.

При этом, если в Российской Федерации ставка НПД зависит от только от категории плательщика, то в Республике Беларусь налоговая ставка по НПД различается в зависимости от категории плательщика и от объема дохода: общая налоговая ставка НПД 10 % от суммы доходов, подлежащих налогообложению; 20 % — в отношении доходов, превысивших в пределах календарного года 60 тыс. бел. руб. (ст. 381^2 Налогового кодекса Республики Беларусь) [2]. Следовательно, в белорусском налоговом законодательстве не предусмотрен лимит доходов, превышение которого влечет потерю права на применение НПД, а оговаривается только повышенная ставка, что свидетельствует о большей вариативности налоговой системы в данном вопросе. Отметим, что с 1 июля 2026 г. вводится ежемесячный минимальный размер НПД — не менее 45 руб., даже если деятельность в данный месяц не осуществлялась и доход отсутствовал.

При этом отметим, что на фоне сложившейся ситуации наметилась тенденция к росту экономических преступлений, связанных с уклонением от уплаты сумм налогов, сборов, при одновременном усилении ответственности за такие преступления, в том числе и за счет появления новых составов в Уголовном кодексе Республики Беларусь [3]. Так, в действующем национальном

законодательстве наличествует пять составов, опосредующих основные виды налоговых преступлений, — ст. 241–243[3] Уголовного кодекса Республики Беларусь: от уклонения от уплаты налогов и сборов до налогового мошенничества, что констатирует наличие процесса совершенствования законодательства в сфере наполнения государственного бюджета.

Важность рассмотрения данной проблематики подтверждается тем, что налоговые преступления оказывают негативное влияние на развитие социальной сферы и экономики страны в связи с тем, что непоступление значительного числа соответствующих доходов в бюджеты всех уровней может способствовать возникновению бюджетного дефицита и негативно влиять на уровень экономической безопасности государства.

Таким образом, учитывая то, что платформенная занятость прочно вошла в современную экономику, следующим шагом должны стать регуляторные изменения данного сектора, включая такие направления, как закрепление правового статуса платформенных занятых путем включения в модельный Налоговый кодекс Содружества Независимых Государств [4] специальной главы, содержащей нормы, определяющие правовое положение и особенности налогообложения данной категории плательщиков. При этом на национальном уровне необходимо урегулировать вопросы их социальных гарантий при осуществлении ими деятельности, в частности, это может быть реализовано путем включения ряда положений в Закон Республики Беларусь «О занятости населения» [5], а также в Трудовой кодекс Республики Беларусь [6].

Важным является также обеспечение соблюдения налогового законодательства всеми субъектами платформенной экономики, в том числе и через усиление налогового контроля за лицами, работающими через платформы для предотвращения совершения ими налоговых преступлений. В этих целях модельный Налоговый кодекс Содружества Независимых Государств должен включать нормы, определяющие общие условия администрирования НПД, с учетом технических возможностей всех государств-участников. Все это в совокупности сделает возможным выработать общие подходы и гармонизировать налоговое законодательство стран Содружества Независимых Государств в области регулирования деятельности самозанятых, а также увеличить налоговые поступления в национальные бюджеты, поможет эффективнее противодействовать налоговой преступности.

---

1. Платформенная и дистанционная. Белстат привел статистику по нестандартной занятости в Беларуси [Электронный ресурс] // SB.BY. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: https://www.sb.by/articles/platformennaya-i-distantsionnaya-belstat-privel-statistiku-po-nestandartnoy-zanyatosti-v-belarusi.html. Дата публ.: 11.03.2026. Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 127-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О модельном Налоговом кодексе для государств — участников СНГ [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ от 31 мая 2007 г. № 28-9. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

5. О занятости населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : в ред. от 11 нояб. 2024 г. № 37-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.713

Л. А. Рябцева
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат педагогических наук

РЕЗУЛЬТАТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ КИБЕРВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Видоизменение отдельных форм преступного поведения способно при определенных условиях породить некоторые сложности правоприменения и квалификации противоправных посягательств. Подобные трансформации в большинстве своем характерны для деяний, обладающих признаками киберпреступлений. Примером может служить вымогательство, которое становится кибервымогательством, если заявленные в ст. 208 Уголовного кодекса (далее — УК) Республики Беларусь угрозы доводятся до сведения потерпевшего лица посредством использования для этих целей компьютерной системы в широком смысле обозначенного понятия (сообщение в мессенджере мобильного устройства, письмо на электронный адрес и т. д.).

Конструкция объективной стороны вымогательства (кибервымогательства) выстроена таким образом, что лицо, выражающее одно из отраженных в диспозиции и направленных на будущее выполнение требований о передаче чужого имущества, права на имущество или совершение действий имущественного характера, должно подкрепить его одной из угроз, указанных в чч. 1, 2 ст. 208 УК Республики Беларусь [1]. Вместе с тем на практике нередки случаи, когда злоумышленник мошенническим путем завладевает аккаунтом потерпевшего (касается мобильных устройств Apple), а после за возвращение доступа к нему требует выкуп [2, с. 4].

В отличие от белорусского уголовного законодательства в УК Российской Федерации в объективную сторону основного состава вымогательства не входит угроза уничтожения, завладения, блокирования, модификации компьютерной информации, но содержится угроза распространения «иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [3]. Однако последовательность высказывания требования и предъявляемой угрозы совпадает в уголовных законодательствах обеих стран.

Правовая оценка вышеописанной ситуации выглядит неоднозначной и требует разрешения, а соответственно, определяет актуальность заявленной проблемы.

Изучению кибервымогательства и особенностей его квалификации посвящены работы Т. М. Лопатиной [4], Л. Д. Матросовой [5], А. Д. Чурсиной [6],

И. Д. Прудникова [7], М. М. Моргуновой [8], О. И. Бахура [9], О. О. Топориковой [10] и др., выступившие теоретической основой исследования.

Так, российский исследователь Т. М. Лопатина подчеркивает, что вымогательство, совершаемое с использованием возможностей интернет-технологий, более общественно опасно в связи с тем, что «субъект вымогательства и его жертва разведены в пространстве и во времени» [4, с. 122]; характеризует варианты кибершантажа, но не высказывает предметных суждений о правовой оценке ситуации, когда вымогатель требует выкуп за доступ к заблокированной информации.

Авторское представление о содержании кибервымогательства отражено в работе И. Д. Прудникова, который на основе сравнения признаков вымогательства (согласно ч. 1 ст. 163 УК Российской Федерации [3]) и кибервымогательства (анализ практики выдвижения имущественных требований за разблокировку доступа к компьютерной информации) приходит к выводу о необходимости модернизации российской уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вымогательство, путем добавления нового вида угрозы — «блокирования, копирования или уничтожения компьютерной информации», а также выделения условий для прекращения блокирования, копирования или уничтожения компьютерной информации» [7, с. 433].

Применительно к уголовному законодательству Республики Беларусь О. И. Бахур высказывает мнение об обоснованности квалификации описанной ситуации по признакам совокупности преступлений — ч. 1 ст. 349, ч. 1 ст. 350, ст. 185 УК Республики Беларусь [9, с. 88–92].

Оперируя отсутствием необходимой законодательной базы в уголовно-правовой оценке складывающихся на практике ситуаций, внешне похожих на вымогательство, а также принимая во внимание существующие научные подходы и опираясь на действующее уголовное законодательство Республики Беларусь, целесообразно прибегнуть к самостоятельному осмыслению содержания ст. 208 УК Республики Беларусь.

Анализ признаков объективной стороны ст. 208 УК Республики Беларусь указывает на два возможных варианта преступного поведения. В одном случае требование передачи чужого имущества, права на него, совершения действий имущественного характера в будущем сопровождается любой из указанных в диспозиции ст. 208 УК Республики Беларусь угроз (угроза уничтожения или повреждения имущества, применения насилия, уничтожения, блокирования, завладения, модификации компьютерной информации, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевшие желают сохранить в тайне, — согласно ч. 1 ст. 208 УК Республики Беларусь; угроза убийством — согласно ч. 2 ст. 208 УК Республики Беларусь), предъявляемых

в связи с завладением. Страх реализации подобных угроз выступает побудительным стимулом для потерпевшего в части выполнения им требований, заявленных субъектом преступления.

Также возможна ситуация (второй вариант преступного поведения), когда, демонстрируя серьезность своего требования, виновный подкрепляет его реальными противоправными действиями, реализуемыми в настоящем. Такое поведение выступает средством устрашения потерпевшего и неукоснительного выполнения последним предъявленного требования в будущем (например, вымогательство, соединенное с уничтожением или повреждением имущества, — ч. 2 ст. 208 УК Республики Беларусь).

Однако в содержании обеих форм вымогательства предусмотрена определенная последовательность, касающаяся момента высказывания требования и сопровождающей его угрозы или выражения требования, уже непосредственно соединенного с физическим воздействием либо на телесную неприкосновенность потерпевшего (с применением насилия, не опасного (ч. 2 ст. 208 УК Республики Беларусь), опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 208 УК Республики Беларусь)), либо на его право на имущество (соединенное с уничтожением или повреждением имущества — ч. 2 ст. 208 УК Республики Беларусь) [1]. То есть *требование является первичным* по отношению к высказываемой угрозе (законодатель использует термин «под угрозой») или к сопровождающим его действиям, дополнительно причиняющим реальный существенный вред праву на здоровье или праву собственности в связи с совершаемым вымогательством, *и может быть предъявлено единовременно* с угрозой или с сопутствующими противоправными действиями *или сразу (непосредственно) после его выражения*.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что для некоторых форм преступного поведения при вымогательстве (кибервымогательстве), подкрепляющих выраженное в отношении предмета преступления требование, законодательно предусмотрено два варианта: угроза как психическое воздействие и (или) собственно физическое (в широком смысле) воздействие, тогда как в отношении других форм преступного посягательства данного вида преступления допустимой является только лишь угроза совершения определенных действия со стороны виновного при осознании потерпевшим реальности ее исполнения. Результаты анализа содержания ст. 208 УК Республики Беларусь с опорой на вышеобозначенные положения системно представлены в таблице.

Как видно из таблицы, при вымогательстве субъект преступления может как угрожать насилием, так и применить его к потерпевшему лицу или его близким. Такой же логики придерживается законодатель в отношении уничтожения или повреждения чужого имущества. Если же вымогательство сопряжено с умышленным противоправным лишением жизни потерпевшего лица и его

близких, то, согласно правилам квалификации, виновный будет подлежать ответственности по совокупности преступлений: ч. 3 ст. 208 УК Республики Беларусь и п. 12 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь (убийство, сопряженное с вымогательством) [11]. Таким же образом следует оценивать действия лица, причинившего при вымогательстве тяжкое телесное повреждение (ч. 3 ст. 208 УК Республики Беларусь и соответствующая часть ст. 147 УК Республики Беларусь).

Таблица

Формы преступного поведения, сопровождающие требование о передаче предмета преступления при вымогательстве

Составы вымогательства		
Часть 1 ст. 208 УК Республики Беларусь	Часть 2 ст. 208 УК Республики Беларусь	Часть 3 ст. 208 УК Республики Беларусь
угроза применения насилия	с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего	с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего
угроза уничтожения или повреждения чужого имущества	соединенное с уничтожением или повреждением чужого имущества	
угроза уничтожения, завладения, блокирования, модификации компьютерной информации		
угроза распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне		
	угроза убийством	
	угроза причинения тяжкого телесного повреждения	
		вымогательство, повлекшее иные тяжкие последствия

Если сведения уже распространены или преданы огласке, то представляется, что вымогательские требования утрачивают свою целесообразность. В таком случае лицо будет отвечать за фактически совершенные действия. То есть, если сведения явились заведомо ложными, порочащими другое лицо, сообщенными

одним из обозначенных в диспозиции ст. 188 УК Республики Беларусь способом, то ответственность наступить за клевету (при наличии требования потерпевшего).

При этом уголовно-правовое значение будет иметь и содержание распространенной клеветнической информации (сведений). Так, если виновный размещает в публичном чате фотоизображения интимного характера с участием потерпевшего, сгенерированные искусственным интеллектом, то уголовная ответственность за содеянное наступит по совокупности преступлений: за клевету (ст. 188 УК Республики Беларусь — при наличии требования) и за изготовление с целью распространения, публичную демонстрацию изображений порнографического содержания (ст. 343 УК Республики Беларусь — при условии экспертного подтверждения принадлежности предмета преступления к порнографическим материалам).

Требует осмысления и юридическая оценка состоявшегося уничтожения, завладения, блокирования, модификации компьютерной информации. В том случае, когда компьютерная информация полностью уничтожена или существенно модифицирована, нелогичность вымогательских требований также становится очевидной. Если же лицо завладело компьютерной информацией или заблокировало ее в расчете на то, что в будущем потребует выкуп за ее возвращение или возвращение доступа к ней, то содеянное, как представляется, не охватывается содержанием вымогательства (ст. 208 УК Республики Беларусь), так как частями ст. 208 УК Республики Беларусь не предусмотрено фактическое выполнение действий, заявленных в составе данной угрозы, и, кроме этого, нарушена последовательность высказывания имущественного требования. В поиске правильной квалификации содеянного обращение к преступлениям против компьютерной безопасности также не является обоснованным, так как основным непосредственным объектом такого посягательства выступают отношения собственности.

В настоящей связи одним из возможных вариантов разрешения возникшей ситуации может быть разработка новой уголовно-правовой нормы ст. 208^1 «Вымогательство с использованием информационно-компьютерных технологий». Проектом содержания основного состава преступления может выступить редакция следующего содержания: «Блокирование или модификация компьютерной информации, сопровождающиеся требованием передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера (вымогательство с использованием информационно-компьютерных технологий)». Разработанная норма будет способна, по нашему мнению, охватить те случаи, когда субъект преступления сначала совершает запрещенные действия с компьютерной информацией, а после выдвигает одно из присущих вымогательству требований как условие ее разблокирования или возвращения

компьютерной информации потерпевшему в первоначальном (неизмененном) виде. Вместе с тем предложенный нами вариант редакции нового состава является открытым для возможных изменений, способных отразить иные нормотворческие подходы и положительно сказаться на уголовном правоприменении.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Конспект с актуальными способами совершения кибервымогательств / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Кримин. милиция ; Гл. упр. по противодействию киберпреступности ; сост. П. С. Ленский. Минск, 2026. 13 с. Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 9 апр. 2026 г. № 76-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Лопатина Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журн. рос. права. 2015. № 1 (217). С. 118–126. Вернуться к статье

5. Матросова Л. Д. Системный анализ понятия средств реализации и принятия решений по совершенствованию мер защиты от вымогательства в сети Интернет // Закон и право. 2018. № 11. С. 152–154. Вернуться к статье

6. Чурсина А. Д. Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2022. № 5. С. 294–296. Вернуться к статье

7. Прудников И. Д. Уголовно-правовая оценка кибервымогательства // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитар. науки. 2023. Т. 17, № 3 (65). С. 426–433. Вернуться к статье

8. Могунова М. М. Уголовно-правовой анализ киберугроз в деловой среде // Вестн. Омского ун-та. Сер.: Право. 2021. Т. 18, № 1. С. 89–95. Вернуться к статье

9. Бахур О. И. Уголовная ответственность за кибервымогательство по уголовному законодательству Республики Беларусь // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В. Е. Квашиса, г. Краснодар, 20 сент. 2024 г. / Краснодар. ун-т МВД России ; редкол.: А. Л. Осипенко [и др.]. Краснодар, 2024. С. 88–92. Вернуться к статье

10. Топорикова О. О. Сексуальное кибервымогательство // Теоретические и прикладные проблемы информационной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 18 мая 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич [и др.]. Минск, 2018. С. 67–70. Вернуться к статье

11. О судебной практике по делам об убийствах (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 17 дек. 2002 г. № 9 : в ред. от 31 марта 2022 г. № 2. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.337.5

Л. А. Рябцева
доцент кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат педагогических наук

Н. М. Березин
курсант 1 курса факультета милиции
Могилевского института МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С НАЦИЗМОМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута ценой больших потерь среди белорусского народа. Немецкая оккупация стала реализацией продуманного плана геноцида, включающего массовое уничтожение людей, разграбление национальных богатств и ликвидацию государственности. На захваченной территории нацисты, не считаясь с правовыми нормами, совершали преступления, беспрецедентные по своей массовости и жестокости.

Прошел не один десяток лет, однако память о событиях тех страшных лет все еще жива, а вопросы противодействия нацизму не утратили своей актуальности. Об этом свидетельствуют статистические данные, приводимые и постоянно обновляемые Генеральной прокуратурой Республики Беларусь: 21 497 — число потерпевших и свидетелей, допрошенных по уголовному делу о геноциде с момента его возбуждения; 12 868/3 668 — установленное количество полностью/частично сожженных населенных пунктов (включая ранее неизвестные); не менее 166 — установленное количество ранее неизвестных мест и захоронений жертв геноцида (информация на 24 апреля 2026 г.) [1].

Несмотря на проводимую работу, в Интернете периодически появляются псевдоисторические публикации, в которых делаются попытки оправдать преступления нацистов и их пособников. Подобные тенденции несут в себе значительный риск для национальной безопасности Республики Беларусь, поскольку могут способствовать дестабилизации и формированию деструктивных настроений. Вместе с тем белорусское государство научилось адекватно реагировать на подобные противоречащие историческим фактам заявления, параллельно системно и осознанно создав и продолжая совершенствовать правовое поле, служащее непоколебимой основой легального противодействия нацизму на своей территории и за ее пределами.

В условиях, когда многие страны, демонстративно ссылаясь на нормы международного права, сами же и нарушают их, мы, признавая приоритет норм международного права, с опорой на них создаем национальные законодательные

положения, ориентированные на защиту общественных отношений от проявлений нацизма. В настоящей связи для Республики Беларусь по-прежнему не утратили своего правового значения ряд международных правовых документов, каждый из которых уникальным образом, хронологически отражает динамику борьбы мирового сообщества с нацизмом.

Так, ключевым событием, заложившим правовую основу борьбы с нацизмом, стал Нюрнбергский процесс 20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г. — первый в истории международный суд над нацистскими преступниками. По его итогу были определены новые составы преступлений: «преступления против мира», «преступления против человечности», «военные преступления», а нацизм признали преступной идеологией. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. отразила исключительную важность международно-правовой борьбы с геноцидом и установила ответственность за его совершение [2]. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. осудила расовую идеологию и дискриминацию, положенную в основу нацизма, обязала государства бороться с их проявлениями [3].

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций также неоднократно принимала резолюции, направленные против возрождения нацизма. Примером служит резолюция «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости» 1967 г., решительно не приемлющая любую идеологию, основанную на расовой нетерпимости и терроре, включая нацизм как грубое нарушение прав человека [4]. По инициативе Российской Федерации Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций с 2005 г. принимаются резолюции о борьбе с героизацией нацизма и неонацизма. Последняя такая резолюция, получившая поддержку 119 стран, датирована декабрем 2025 г. [5].

Положения системы международных документов, являющихся правовой основой противодействия нацизму, нашли отражение и в национальном законодательстве современного белорусского государства. Так, ст. 15 Конституции Республики Беларусь регламентирует ответственность государства как за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь, так и за обеспечение сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Указанные положения получают свое развитие в ст. 52 Конституции, закрепляющей обязанность всех находящихся на территории Республики Беларусь соблюдать ее Конституцию, законы и уважать государственные символы и национальные традиции Беларуси. В ст. 54 Конституции прямо отмечена обязанность беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности, сохранять

историческую память о героическом прошлом белорусского народа, а также акцентировано внимание на том, что патриотизм является долгом каждого гражданина Республики Беларусь [6]. Настоящие конституционные положения нашли отражение в ряде относительно недавно принятых («О недопущении реабилитации нацизма», «О геноциде белорусского народа» [7; 8]), а также в содержании уже существующих (Уголовный кодекс Республики Беларусь [9]) законов белорусского государства.

В иерархии национальных нормативных правовых актов представлен Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», отражающий государственную политику неотвратимого преследования любых публичных действий, направленных на оправдание нацизма, героизацию нацистских преступников и их пособников, а также на пропаганду или распространение нацистской символики [7]. Документ составлен с опорой на приговоры Международного военного трибунала с целью четкого определения запрещенных деяний и коррелирует с правовыми основами противодействия экстремизму, предусматривая ликвидацию организаций и прекращение деятельности индивидуальных предпринимателей за нарушение закона.

Принятый 5 января 2022 г. Закон Республики Беларусь № 146-З «О геноциде белорусского народа» является политическим и юридическим актом, направленным на официальное признание массового уничтожения советских граждан на территории БССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Указанным Законом в национальное правовое поле внедрено понятие «геноцид белорусского народа», под которым понимаются злодеяния нацистских преступников, их пособников и националистических формирований [8]. Исключительной особенностью документа выступило введение уголовной ответственности за отрицание геноцида белорусского народа, «содержащееся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи» (ст. 130^2 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [9]. Принятый Закон обязал Генеральную прокуратуру Республики Беларусь активизировать расследование уголовных дел по геноциду, а правительство — принимать меры по увековечению памяти жертв, международному признанию геноцида и просвещению граждан.

Так, базирующиеся на обозначенных выше конституционных положениях Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» стали правовой основой реализации уголовной ответственности за геноцид, преступления против

безопасности человечества, реабилитацию нацизма, отрицание геноцида белорусского народа — преступления, посягающие на мир и безопасность человечества как основы существования самой человеческой цивилизации.

Таким образом, опираясь на международные правовые нормы, Республика Беларусь сформировала многоуровневую национальную систему противодействия реабилитации нацизма, направленную на недопущение пересмотра истории, сохранение памяти о жертвах геноцида и пресечение любых попыток возрождения нацизма, сделав это в том числе во имя памяти о тех, кто ценой собственной жизни гарантировал Победу в Великой Отечественной войне и позволил будущим поколениям быть счастливыми.

---

1. Расследование уголовного дела о геноциде [Электронный ресурс] // Генер. прокуратура Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/ (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [Электронный ресурс] : принята резолюцией 260 (III) Генер. Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс] : принята резолюцией 2106 (XX) Генер. Ассамблеи от 21 дек. 1965 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 18 дек. 1967 г. № 2331 (XXII) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/2540394/ (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 2025 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/80/192 (дата обращения: 28.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. 77 с. Вернуться к статье

7. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

8. О геноциде белорусского народа [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2022 г. № 146-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.713

Д. А. Свиридов
начальник кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

К. С. Курбако
курсант 2 курса факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КИБЕРВЫМОГАТЕЛЬСТВ

Прогресс не всегда порождает позитивные тенденции. Параллельно развивается и негативная сторона жизни общества. Так, преступность в сфере финансов также перешла в электронную среду. Существует немалое количество книг и научных работ на эту тему (А. А. Комаров [1], Г. М. Аванесова, Е. С. Лавринова, А. А. Басова [2] и др.).

Информационные технологии активно воздействуют на все сферы общества, стимулируя их развитие, но вместе с этим создают и определенные угрозы для безопасности граждан из-за роста преступности. С развитием информационных технологий происходит трансформация криминальных схем, возникло новое направление — киберпреступность.

Объектом посягательства большинства зарегистрированных киберпреступлений является имущество. Среди них доминируют кражи и хищения. В то же время отмечается рост кибервымогательств, в цифровом пространстве это явление приобрело самостоятельное название «кибершантаж» [3].

Несмотря на то, что в литературе встречается выражение «кибершантаж», нами используется термин «кибервымогательство». Обоснование такой точки зрения можно найти у Н. А. Амелькиной, которая определяет шантаж как вид вымогательства [4, с. 273–274]. Кибервымогательство — состав преступления, при котором информационно-коммуникационные технологии выступают средством совершения деяния, наносящего значительный вред общественному порядку и правам людей. Оно провоцирует социальное напряжение, подрывает авторитет власти.

В ответ на эту проблему государство, конечно же, законодательно реагирует. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) направлен на противодействие преступлениям в сфере компьютерной безопасности (глава 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), а также иным преступлениям, совершенным с использованием Интернета [5].

Изучая материалы судебной практики и следствия по делам о кибервымогательстве, можно сделать вывод, что данный вид преступлений носит

смешанный характер. Так, некоторые авторы подчеркивают: «Злоумышленники используют компьютерную информацию как орудие совершения преступлений, превращая ее в объект другого преступления, — кражи персональных данных с целью вымогательства. Криминальная активность переместилась в киберпространство по причине высокой доходности и относительной безопасности» [6, с. 18–19].

Среди всего многообразия схем кибервымогательства особо выделить хочется именно такие, которые не укладываются в правовые рамки, требуют дополнительного анализа с позиции уголовного права, за исключением ст. 208 УК.

Преступник наносит ущерб, шифруя файлы жертв. Полученные данные (например, базы данных, документы и другие файлы) становятся недоступными для пользователей. Затем преступники вступают в контакт со своими жертвами и просят выкуп — обычно в криптовалюте — за предоставление ключа расшифровки. Размер выкупа варьируется и часто зависит от платежеспособности жертвы.

Для квалификации такого вида кибервымогательства, помимо ст. 208 УК, необходимо привлечь к ответственности по статьям о несанкционированном доступе к компьютерной информации (ст. 349 УК) и об уничтожении, блокировании или модификации компьютерной информации (ст. 350 УК). Это будет совокупность преступлений.

Среди самых массовых и отработанных схем кибервымогательства выделяется модель, при которой злоумышленники крадут данные и требуют выкуп.

Преступники широко используют сложные технологии похищения данных, которые жертва желает сохранить в тайне. В подобных случаях преступники незаметно для пользователей внедряют вирусы на их мобильные устройства. Функционал этого программного обеспечения включает: контроль над входящими вызовами (конвертирование в файл, игнорирование, перенаправление) через сотовую связь и Интернет; экспорт контактов; отслеживание геолокации; доступ к фотографиям; активацию микрофона; отправку/получение сообщений; деактивацию антивируса; интеграцию с мессенджерами (WhatsApp, Viber, Telegram) и социальными сетями (VK, OK); управление браузером (блокировка, искажение, чтение истории посещений).

Вымогателем является лицо, которое, угрожая распространить неправомерно полученные сведения о частной жизни потерпевшего либо иную информацию, нарушающую или способную нанести значительный вред его правам или законным интересам (в том числе интересам третьих лиц), требует от него предоставления имущества или имущественных прав.

Угроза разглашением информации, способной причинить вред потерпевшему или его близким, — распространенный психологический механизм воздействия при вымогательстве, позволяющий подчинить волю другого лица.

В отличие от прямого принуждения, она часто оказывается эффективнее именно в рамках данного преступления. При этом сама основа угрозы не должна быть ограничена только противоправными или безнравственными поступками потерпевшего. Вымогатель может использовать угрозу публикации информации о законных поступках жертвы, независимо от их правового статуса. Считается целесообразным квалифицировать подобные действия не только по ст. 208 УК, но и дополнительно по ст. 203[1] УК. Вместе с тем в отношении кибервымогательства наиболее уместной представляется необходимость выделения такой разновидности в отдельную норму. Так, например, Д. А. Овсюков считает, что кибервымогательство как социальный вред не соответствует ни одному составу преступления. Он рекомендует ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 163.1 «Вымогательство в сфере компьютерной информации», содержащую состав преступления, при котором под угрозой совершения компьютерной атаки или в качестве условия прекращения такой атаки требование предъявляется к передаче чужого имущества, права на имущество или совершению других имущественных действий [7, с. 144]. Данная позиция видится обоснованной.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что нормативно-правовое регулирование современных информационных технологий требует концептуальной переработки. Уголовно-правовая защита от кибервымогательства как малоизученного и труднообнаруживаемого преступления нуждается в совершенствовании. В целях эффективного противодействия этому виду преступлений требуется доработка существующих механизмов. Видится, что оптимальным вариантом установления уголовной ответственности за кибервымогательство станет включение в УК ст. 203[1] «Вымогательство с использованием информационно-коммуникационных систем», чтобы обеспечить соразмерность общественной опасности правонарушения и наказания за него.

---

1. Комаров А. А. Специфика мошенничества в Интернете // Семейное право. 2009. № 1. С. 91–92. Вернуться к статье

2. Аванесов Г. М., Лавринова Е. С., Басова А. А. Интернет-мошенничество // Соврем. аспекты экономики. 2014. № 10 (206). С. 37–43. Вернуться к статье

3. Подведены итоги работы милицейского ведомства за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika/ (дата обращения: 15.04.2026).

4. Амелькина Н. А., Букалерова Л. А. Шантаж как способ вымогательства // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 275–278. Вернуться к статье

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

6. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учеб. пособие : в 2 ч. / Ю. В. Гаврилин [и др.]. М. : Акад. упр. МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с. Вернуться к статье

7. Овсюков, Д. А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 16. № 2. С. 140–145. Вернуться к статье

УДК 343.985.4

В. В. Толочко

преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЯМИ

Осмотр места происшествия — это важное следственное действие, включающее установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступников, а также иных фактических данных, учет которых способствует расследованию преступления. Среди разных видов преступлений особенно распространены преступления, связанные с хищениями, которые определяются, согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь, как умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации [1].

Тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с хищениями, в целом носит общий характер и представляет собой систему научно обоснованных рекомендаций, направленных на максимально полное и эффективное закрепление и изъятие информации, имеющей значение для уголовного дела. Помимо этого, к числу основных целей и задач осмотра места происшествия относятся: изучение обстановки на месте происшествия и реконструкция механизма преступления; обнаружение, фиксация и изъятие следов; выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и др. Тактика осмотра места хищения предполагает соблюдение последовательности, включающей в себя подготовительный, рабочий и заключительный этапы осмотра места происшествия.

На подготовительном этапе тактики осмотра места происшествия по делам, связанным с хищениями, выполняются следующие действия: подготовка научно-технических средств, планирование хода следственного действия; определение цели, которую необходимо достигнуть по результатам проведенного осмотра; определение состава следственно-оперативной группы с привлечением необходимых специалистов, а также иных участников (до прибытия на место происшествия). По прибытии необходимо опросить очевидцев при их наличии, определить границы осмотра, пути подхода и отхода преступника, обеспечить охрану территории и удалить посторонних лиц. Также на данном этапе следователь ставит задачи перед участниками следственно-оперативной группы,

устанавливает анкетные данные и разъясняет иным участникам осмотра (понятным) порядок проведения осмотра, их процессуальные права и обязанности, предупреждает о применении научно-технических средств.

Рабочий этап традиционно включает в себя общий и детальный осмотры. Общий осмотр, иногда его еще называют статической стадией, заключается в изучении и фиксации в протоколе осмотра места происшествия обстановки в том виде, в котором она представлена на момент осмотра: указывается наличие объектов, их расположение и описание в общем виде без перемещения предметов в пространстве. Детальный осмотр (динамическая стадия) уже предполагает привнесение изменений в первоначальную обстановку (например, обработку поверхностей дактилоскопическим порошком для выявления следов пальцев рук и др.), а также перемещение объектов в пространстве в целях тщательного изучения и фиксации их свойств и характеристик.

Заключительный этап осмотра места хищения включает в себя принятие мер к сохранению объектов, изъять которые не представилось возможным; упаковку изымаемых криминалистически значимых объектов; составление протокола осмотра места происшествия и таблицы фотоснимков к нему, схем; предъявление их участникам следственного действия для ознакомления, при необходимости — разрешение заявлений.

Вместе с тем тактика осмотра места происшествия по делам, связанным с хищениями, может иметь особенности в зависимости от вида как самого хищения, так и объекта хищения. В данной работе рассмотрены в качестве примера некоторые из этих особенностей, проявляющиеся при осмотре места происшествия при расследовании хищений в сфере дорожного строительства, хищений энергоносителей, хищений с использованием кредитных и расчетных карт, а также кражи скота.

1. Хищения в сфере дорожного строительства. Если объектом хищения являются стройматериалы, используемые при возведении или ремонте автомобильной дороги, то в ходе осмотра дороги следует определить ее протяженность и ширину, вид дорожного покрытия; установить техническое состояние (наличие дефектов) как основной части дороги, так и обочины (уплотненного насыпного грунта) [2, с. 110]. К технико-криминалистическим средствам, используемым для проведения осмотра, относятся фотографические и соответствующие измерительные средства. Важная задача осмотра — изъятие пробы дорожного полотна для дальнейшего изучения.

2. Хищения энергоносителей. Перед осмотром при необходимости надо принять меры по предотвращению вредных последствий преступления (разлива нефтепродуктов, утечки газа, загрязнения воды и почвы, ликвидации пожара) и по оказанию медицинской помощи пострадавшим [3, с. 74]. Осмотру подлежат

места и средства добычи и хранения энергоносителей, средства их транспортировки и переработки, места их потребления, а также окружающая местность с целью обнаружения спрятанных или выброшенных преступниками орудий преступления, путей доступа к похищенным энергоносителям и мест их укрытия. В ходе осмотра изымаются для последующего изучения обнаруженные на месте хищения образцы энергоносителей, орудия хищения, одежда со следами энергоносителей.

3. Хищение с использованием кредитных и расчетных карт. Главной задачей осмотра, который проводится прежде всего по месту незаконного изъятия денежных средств, является обнаружение следов преступления: следов рук и ног преступника; следов орудий хищения; следов проникновения в корпус терминала; документов, которые преступник использовал для совершения хищения (удостоверение личности, пластиковая карта); вещей, утерянных или выброшенных преступником [4, с. 238].

4. Кража скота. Осмотру подвергается в основном место, откуда похищен скот (в помещении содержания скота могут быть обнаружены следы взлома, иные следы, оставленные похитителями). Также в границы осмотра включаются пути подхода и отхода преступников и места, где они следили за действиями охранников скота (в таких местах можно найти окурки сигарет, пустые бутылки, остатки пищи) [5, с. 204].

Как видно из рассмотренных примеров, тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с хищениями, требует от следователя специальной подготовки, основанной на общих принципах тактики осмотра места происшествия с учетом вида и объекта хищения. Более того, для проведения высококвалифицированного осмотра следователи обычно дополнительно привлекают соответствующих специалистов. Так, в осмотре места происшествия при расследовании хищения в сфере дорожного строительства участвуют геодезисты и дорожные строители, а при расследовании хищения энергоносителей — работники предприятий, на которых добываются, хранятся или используются энергоносители.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

2. Семак В. Г., Еремченко В. И. Организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании хищений в сфере дорожного строительства // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. науч. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., 30 апр. 2024 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (пред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2024. С. 108–112. Вернуться к статье

3. Абдразяпов Р. Р. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с хищением энергоносителей // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. Криминалистика, криминология, ОРД. 2011. № 4 (52). С. 73–77. Вернуться к статье

4. Имаева Ю. Б. Тактические приемы осмотра места происшествия, используемые для преодоления противодействия расследованию хищений с использованием кредитных и расчетных карт // Пробелы в рос. законодательстве. 2011. № 3. С. 237–239. Вернуться к статье

5. Биржанов К. К. Тактические особенности производства осмотра по факту кражи скота // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2012. № 3. С. 203–205. Вернуться к статье

УДК 343.13

Ю. П. Шкаплеров
профессор кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин
факультета повышения квалификации и переподготовки кадров
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

СЛЕДЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ «ПОСПЕШНОСТИ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ

Смысловой и содержательный анализ положений уголовно-процессуального закона наравне с исследованием правоприменения позволяет выявить пробелы и коллизии в нормативном правовом акте. Данные изъяны затрудняют понимание положений нормативного правового акта, а иногда создают условия для признания действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, незаконными.

Существуют различные причины, влекущие за собой появление в законе пробелов и коллизий, основной из которых является нарушение законодателем правил юридической (нормотворческой) техники. Причем интерес представляют конкретные причины, повлекшие появление коллизий в определенных нормах уголовно-процессуального закона. То есть интересен ответ на вопрос: почему именно в этом случае законодатель совершил то или иное упущение? И ответ порой бывает очень простым и лежащим на поверхности: спешка при подготовке проекта нормативного правового акта.

Примером сказанного выступают отдельные нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь), скорректированные в рамках реформы предварительного расследования, обусловленной созданием Следственного комитета Республики Беларусь. В частности, решение о его создании было принято 2 августа 2011 г. на совещании по вопросу совершенствования системы органов предварительного расследования [1], а уже с 1 января 2012 г. новая структура начала полноценную работу.

При этом в первые месяцы после принятия указанного решения была проведена большая работа по изменению ряда нормативных правовых актов, в том числе УПК Республики Беларусь, в который вносились корректировки законами от 8 ноября 2011 г. № 309-З, от 25 ноября 2011 г. № 318-З, № 322-З, от 13 декабря 2011 г. № 325-З, от 30 декабря 2011 г. № 334-З, от 3 января 2012 г. № 335-З, от 7 января 2012 г. № 349-З и т. д. [2].

В ходе этой работы, к сожалению, законодателем были допущены определенные просчеты, что объясняется в том числе большим объемом данной работы и сжатыми сроками ее проведения.

Одним из примеров таких просчетов выступает содержание ст. 181 «Обязательность предварительного следствия» УПК Республики Беларусь. В настоящее время данная статья звучит так: «1. Предварительное следствие обязательно по всем уголовным делам, за исключением дел о преступлениях, указанных в части 2 статьи 26 настоящего Кодекса. 2. Производство предварительного следствия обязательно также по всем делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также о предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяниях невменяемых или лиц, заболевших психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления» [2].

В названной статье в контексте проблемного поля настоящего исследования интерес представляет ч. 2, т. к. она не в полной мере согласуется с ч. 1. В частности, на первый взгляд, не совсем понятно, зачем законодатель сначала указал на то, что по всем уголовным делам, за исключением дел частного обвинения, обязательно предварительное следствие, затем уточнил, что оно также обязательно по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и общественно опасных деяниях невменяемых. Можно было бы подумать, что здесь имеются в виду не только уголовные дела, но и заявления и сообщения названной категории. Однако анализ ч. 2 ст. 174 УПК Республики Беларусь позволяет в этом усомниться: согласно названной норме, органы следствия принимают решения по заявлениям или сообщениям о преступлениях по факту смерти человека, о преступлениях, предусмотренных ст. 161, 162, 165, 166–170 и иными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также совершенных должностными лицами прокуратуры, Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел и т. п. Преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также общественно опасных деяний невменяемых в этом перечне нет.

Ответ на вопрос о спорном содержании ст. 181 УПК Республики Беларусь можно найти в ее прежней редакции. До реформы предварительного расследования 2011–2012 гг. ч. 1 этой статьи (в ред. Закона Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 223) звучала следующим образом: «Предварительное следствие обязательно по всем уголовным делам, за исключением дел о преступлениях, указанных в *части двенадцатой статьи 182* (курсив наш — *Ю. Ш.*) и части второй статьи 26 настоящего Кодекса» [2]. В ч. 12 ст. 182 УПК Республики Беларусь содержался перечень преступлений, по которым предварительное расследование производилось в форме дознания. Таким образом, если, например, несовершеннолетний совершал преступление, указанное в данном перечне (ч. 1 ст. 149, ст. 154, ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Республики Беларусь и др. [3]), то расследование по делу велось в форме предварительного следствия, а не дознания. В таком виде содержание ст. 181 УПК Республики Беларусь было логичным и точным.

Сегодня же текст рассматриваемой статьи УПК Республики Беларусь вызывает затруднения в понимании, а также не соответствует ст. 28 «Основные требования нормотворческой техники» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», а именно требованиям логического построения нормативного правового акта; точности изложения нормативных правовых предписаний; ясности, простоты и доступности языка изложения нормативного правового акта, исключающих различное толкование его нормативных правовых предписаний, отсутствия внутренних противоречий [4].

Статья 181 УПК Республики Беларусь является не единственным примером не вполне корректной практики внесения изменений в уголовно-процессуальный закон. Например, согласно ст. 207 и 222 УПК Республики Беларусь, следственный эксперимент и очную ставку наравне со следователем может проводить лицо, производящее дознание. Вместе с тем в ч. 1 ст. 186 «Деятельность органов дознания по уголовным делам» УПК Республики Беларусь, содержащей перечень неотложных и иных процессуальных действий, ни следственный эксперимент, ни очная ставка не названы.

В данном случае обозначенная коллизия также появилась после реформы предварительного расследования 2011–2012 гг., т. к. ранее орган дознания, как полноценный орган предварительного расследования, мог проводить все необходимые следственные действия в рамках уголовного дела. Сегодня же компетенция органов дознания на данной стадии ограничена лишь проведением неотложных следственных действий. Соответственно, исходя из смысла ст. 186 УПК Республики Беларусь, лицо, производящее дознание, следственный эксперимент и очную ставку осуществлять не может. В качестве единственного исключения из этого правила в современных реалиях можно назвать проведение названных следственных действий лицом, производящим дознание, в рамках исполнения поручения следователя, данного в соответствии с ч. 7 ст. 36 УПК Республики Беларусь.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно констатировать, что, осуществляя большой объем работ по корректировке уголовно-процессуального законодательства в сжатые сроки, нормотворцы допустили отдельные просчеты, породив противоречия в отдельных положениях УПК Республики Беларусь. Интересен тот факт, что за 14 лет, прошедших со времени внесения в УПК Республики Беларусь соответствующих изменений, данные несоответствия до сих пор не устранены.

---

1. История следственных органов [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://sk.gov.by/ru/istoria-sledstvenih-organov-ru/ (дата обращения: 23.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

4. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 15 апр. 2026 г. № 139-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». Вернуться к статье

УДК 343.9

Д. В. Яковчик
преподаватель кафедры общеюридических и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Проблема раскрытия преступлений по-прежнему остается одной из наиболее острых в деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь. Несмотря на общее снижение уровня преступности (в 2025 г. зарегистрировано 63 929 преступлений, что на 12,7 % меньше, чем в 2024 г. [1]), количество нераскрытых преступлений, в особенности неочевидных, сохраняется на значительном уровне. В этой связи возрастает потребность в совершенствовании методической базы расследования и расширении инструментария следователя за счет интеграции данных смежных наук. Криминалистика традиционно опирается на положения уголовного права и процесса, однако потенциал криминологии, в частности учение о личности преступника, зачастую используется не в полной мере.

Личность преступника представляет собой многогранный феномен, ее изучение выступает ключом к пониманию внутренней логики и мотивации преступного деяния. Как объект научного познания, она находится на стыке криминологии и психологии, изучающих комплекс социальных, психологических и биологических характеристик индивида, совершившего преступление [2, с. 29].

Криминологическая характеристика личности преступника представляет собой антиобщественную направленность взглядов, интересов, потребностей, привычек (в так называемой антиобщественной установке), которая выступает общей причиной совершения конкретных преступлений [3, с. 93]. В отличие от уголовно-правового подхода, где личность преступника рассматривается преимущественно через призму признаков субъекта преступления, криминология акцентирует внимание на тех свойствах, которые детерминируют преступное поведение. Именно эта информация представляет собой значительный криминалистический потенциал.

Цель настоящей статьи — определить, какие элементы криминологической характеристики личности наиболее значимы для криминалистической деятельности, и предложить направления интеграции криминологических знаний в практику раскрытия и расследования преступлений.

В криминологической науке сложился метод структурной классификации признаков личности преступника. В структуру включаются следующие

основные блоки: биофизиологические признаки; социально-демографические; нравственно-психологические; социально-ролевые (функциональные); уголовно-правовые (криминологические) признаки [4, с. 332–333].

Перечисленные элементы носят не умозрительный, а эмпирический характер: они могут быть установлены на основе анализа уголовных дел, судебной статистики, анкетирования осужденных и иных криминологических методов. Именно эта достоверность делает их пригодными для криминалистического использования.

Интеграция криминологических знаний в криминалистическую деятельность возможна по нескольким направлениям.

Во-первых, криминологическая характеристика служит основой для *выдвижения и проверки версий о личности неизвестного преступника*. Успешная борьба с преступностью невозможна без тщательного анализа личности преступника, поэтому следователю необходимо полно и всесторонне исследовать все ее свойства [5, с. 68]. Типичные корреляции между способом совершения преступления и признаками субъекта (пол, возраст, судимость, мотивация) дают возможность сужать круг подозреваемых уже на начальном этапе расследования.

Во-вторых, криминологические данные позволяют совершенствовать *тактику производства отдельных следственных действий*. Знание типичных психологических особенностей преступников той или иной категории (рецидивистов; несовершеннолетних; лиц, совершивших насильственные преступления) необходимо для выработки тактических приемов допроса, очной ставки, предъявления для опознания [6, с. 282–283]. В ходе предварительного расследования следователь изучает личность обвиняемого не только в рамках доказательственной деятельности, но и для выбора оптимальной линии поведения в процессе общения.

В-третьих, криминологическая информация должна учитываться при *планировании расследования и организации взаимодействия с оперативными подразделениями*. Например, знание о распространенности рецидива среди определенных категорий преступников ориентирует на проверку лица по криминалистическим учетам, а информация о типичных связях и образе жизни — на проведение оперативно-розыскных мероприятий в соответствующих криминогенных средах.

На основе проведенного анализа можно предложить следующий алгоритм действий для следователя:

1. *Анализ исходной информации о преступлении* (способ, время, место, предмет посягательства, жертва).

2. *Сопоставление полученных данных с типичными криминологическими характеристиками* для соответствующего вида преступления (на основе ранее обобщенных материалов уголовных дел и судебной статистики).

3. *Выдвижение версий о вероятных признаках личности преступника* (пол, возраст, наличие судимости, мотивация, возможное место жительства, род занятий).

4. *Целенаправленный сбор информации в рамках следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий*, исходя из выдвинутых версий.

5. *Проверка версий* с последующей корректировкой криминологического портрета по мере поступления новых сведений.

Особую ценность такой алгоритм приобретает при расследовании преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. Изучение особенностей совершения ими преступлений (например, следовой картины или способа сокрытия следов) может оказать существенную помощь в их раскрытии и изобличении [7, с. 160].

Внедрение криминологических данных в криминалистическую практику сталкивается с рядом проблем. На начальном этапе расследования информация о преступнике часто носит фрагментарный характер, что снижает точность выдвигаемых версий. Кроме того, существует риск некритического использования типизированных характеристик и подмены индивидуального подхода стереотипными построениями.

Указанные риски могут быть минимизированы путем систематического обучения следователей основам криминологии, а также создания автоматизированных информационных систем, аккумулирующих обобщенные криминологические данные по видам преступлений.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Криминологическая характеристика личности преступника, включающая социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические и социально-ролевые признаки, содержит информацию, значимую для выдвижения следственных версий, тактического обеспечения допроса и планирования расследования.

2. Наиболее информативными для криминалистики являются сведения о наличии или отсутствии судимости, мотивационной сфере, способе действия, типичных связях с криминальной средой.

3. Предложенный алгоритм использования криминологических данных (анализ исходной информации → сопоставление с типичными характеристиками → выдвижение версий → целенаправленный сбор информации → проверка) может быть интегрирован в криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений.

4. Для повышения эффективности раскрытия неочевидных преступлений целесообразно включить в ведомственные программы профессиональной подготовки следователей основы криминологии, а также создать информационные системы, содержащие обобщенные криминологические портреты по основным категориям преступников.

1. О состоянии преступности и правонарушений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. статист. ком. Респ. Беларусь : [сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/crime-2025.pdf (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Яковчик Д. В. Личность преступника в философии Древнего мира [Электронный ресурс] // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. XIII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 17 апр. 2025 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: К. Д. Сазон (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2025. 1 CD-ROM. С. 29–32. Вернуться к статье

3. Криминология : учеб. / А. Ф. Агапов [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Малкова. М. : Юстицинформ, 2011. 544 с. Вернуться к статье

4. Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Криминолого-психологические характеристики личности преступника: от теории к практике // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2020. Т. 11. № 3 (41). С. 329–337. Вернуться к статье

5. Лесников Г. Ю. О способах выдвижения и проверки версий о личности преступника // Междунар. науч. вестн. 2025. № 1. С. 68–71. Вернуться к статье

6. Моисеева И. А. Изучение личности преступника в ходе предварительного расследования // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с междунар. участием, Минск, 25–26 окт. 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2024. С. 281–286. Вернуться к статье

7. Глухов А. А., Егерева О. А. Роль характеристики личности преступника в расследовании преступлений, совершенных ранее судимыми лицами // Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 159–162. Вернуться к статье

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

по результатам проведенных международных научно-практических семинаров: 28 ноября 2025 года — «Актуальные проблемы теории и практики уголовного права в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков»; 27 марта 2026 года — «Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования киберпреступлений»

УДК 343.14

К. А. Бухарева
курсант 1223 взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

Научный руководитель: ***Е. В. Лакеева,***
преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Информационные технологии, стремительное развитие которых вызвано четвертой промышленной революцией, проникли во все сферы общественной жизни, и правоохранительная система не является исключением. Так, преступники при помощи достижений научно-технического прогресса постоянно совершенствуют формы противоправной деятельности, применяют компьютерные системы, мобильные устройства, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, что, безусловно, влечет за собой и формирование специфических следов преступлений в виде электронной информации, которая может стать ключевым источником доказательств по уголовным делам.

Перечисленные обстоятельства, возникшие в настоящее время, обуславливают необходимость детального изучения особенностей цифровой среды, цифровых доказательств, которые обладают рядом отличительных характеристик.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) не содержит правового закрепления дефиниции цифровых доказательств, что, в свою очередь, порождает ряд споров, множественность подходов к понимаю правовой природы рассматриваемой нами категории [1].

Однако, в соответствии со ст. 74 УПК, доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию

при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1].

Некоторые ученые при раскрытии сущности цифровых доказательств делают акцент на технологических, процессуальных или доказательственных аспектах электронной информации, которая используется в уголовном судопроизводстве.

Так, по мнению М. И. Воронина, электронное доказательство можно определить как «сведения, содержащиеся в электронном документе/или на электронном носителе информации, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [2, с. 79].

Автор определяет цифровые доказательства как информацию в электронно-цифровой форме, зафиксированную на материальных носителях или в информационных системах, полученную в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, содержащую сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, которая может быть использована для установления наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

К отличительным чертам цифрового доказательства можно отнести следующее:

− Нематериальная природа доказательства. То есть сама электронная информация не имеет физической формы, но, несмотря на данный факт, требует материального носителя для своего существования.

− Уязвимость цифровой информации и возможность ее изменения. Неоспорим тот факт, что цифровая информация может быть легко изменена, удалена либо же уничтожена без оставления видимых следов. Даже простое открытие файла может изменить его метаданные (описание или характеристики основного содержимого), что определяет необходимость подходить к работе с такими доказательствами с определенными мерами предосторожности.

− Потребность в специальных технических средствах. Иными словами, для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых доказательств необходимо специализированное программное и аппаратное обеспечение, а в ряде случаев и квалифицированные специалисты в области компьютерных технологий.

− Возможность скрытого хранения цифровой информации, поскольку данные могут быть зашифрованы, замаскированы под другие файлы либо же сохранены с использованием методов стеганографии.

− Возможность существования цифровой информации на различных устройствах и в облачных хранилищах.

В современной судебной практике цифровые доказательства приобретают все большее значение. В качестве цифровых доказательств активно используются:

− электронная переписка в мессенджерах, которая может служить подтверждением заключения устного соглашения между сторонами;

− скриншоты платежных уведомлений и электронные кассовые чеки, выступающие документальным подтверждением исполнения денежных обязательств;

− публикации и фотоматериалы из соцсетей, позволяющие установить наличие взаимосвязей между участниками спора [3].

Так, в приговоре № 1-428/2024 от 25 декабря 2024 г. Шадринского районного суда в качестве доказательств указываются скриншоты с экрана телефона: «Согласно скриншотам экрана телефона ФИО1 осуществлено пополнение счета абонентского номера № за 16.08.2024 года в 01:28 и в 01:29 по 30 000 рублей. Осуществлено снятие по 1 000, 15 000, 15 000, 9 000, 15 000, 4 290 рублей. За 16.08.2024 года и 02.09.2024 года указанные суммы перечислены на банковский счет № ПАО «ВТБ» на имя В.Г. Х» [4].

Статья 164.1 УПК устанавливает специальный режим работы с электронными носителями информации при производстве следственных действий. Так, к ряду положений данной правовой нормы относится обязательное участие специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в следственном действии, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации.

Часть 3 ст. 164.1 УПК вышеуказанной нормы предоставляет право следователю в ходе производства следственного действия осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе информации. Вместе с тем в протоколе следственного действия должны быть указаны «технические средства, примененные при осуществлении копирования информации, порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены, и полученные результаты» [1].

Одним из проблемных вопросов рассматриваемой нами проблематики выступает отсутствие закрепления термина «цифровые доказательства» в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Данную проблематику можно рассмотреть с разных сторон.

Так, с одной стороны, дефиниция, содержащаяся в ст. 74 УПК, определяющая доказательства как «любые сведения», сформулирована в эпоху, когда цифровые технологии не играли столь значительной роли в доказывании [1].

С другой стороны, ст. 74 УПК демонстрирует определенную универсальность в силу того факта, что дефиниция доказательства сформулирована таким образом, что позволяет охватить практически любую информацию, имеющую значение для уголовного дела, независимо от формы ее существования.

По мнению автора, на данный момент внедрять термин «цифровые доказательства» в уголовно-процессуальное законодательство не целесообразно, поскольку существующее законодательное определение доказательств, закрепленное в ст. 74 УПК, позволяет в полной мере охватить информацию в электронной форме в рамках традиционных видов доказательств.

Иной проблематикой уголовно-процессуального законодательства выделяется вопрос допустимости электронных доказательств. Несмотря на активное использование электронной информации в доказывании, отсутствие четких критериев их процессуального оформления может создавать определенные риски признания таких доказательств недопустимыми, а также возможное нарушение законных прав и интересов граждан.

С. Е. Квасница и С. Ю. Бирюков отмечает: «Законодатель в ст. 75 УПК РФ определенным образом раскрыл содержание рассматриваемого нами критерия, однако применительно к феномену электронных доказательств редакция указанной статьи должна быть, как представляется, скорректирована в целях добавления неких условий, которые бы в полной мере обеспечивали действие указанного критерия и применительно к вышеназванным доказательствам, обеспечивая тем самым их адекватное восприятие правоприменителем» [5, с. 107].

В теории уголовно-процессуального права к критериям допустимости доказательств относят следующие:

- надлежащий источник получения доказательств;
- надлежащий субъект процесса собирания доказательств;
- надлежащий вид способа собирания доказательств;
- надлежащая процессуальная форма собирания доказательств;
- надлежащая, установленная законодателем процедура проверки доказательств.

Однако, по мнению автора, традиционных критериев допустимости доказательств может оказаться недостаточно для полноценной оценки цифровых доказательств в силу их природы, особенностей формирования, хранения и представления в уголовном процессе. В связи с этим к дополнительным критериям допустимости цифровых доказательств можно отнести следующие:

- изъятие и фиксация электронного доказательства должны производиться в строгом соответствии с процессуальной формой, установленной

уголовно-процессуальным законодательством, с составлением необходимых протоколов и применением установленных процедур;

− каждое электронное доказательство должно пройти тщательную проверку органами предварительного расследования посредством проведения следственного осмотра, а в случаях, требующих специальных познаний, — через назначение компьютерно-технической или иной экспертизы для исключения возможности его изменения или подделки.

Таким образом, цифровые доказательства представляют собой новую объективную реальность современного уголовного процесса в контексте стремительного научно-технического прогресса и нашего общества. Одной из основных особенностей цифровых доказательств выступает необходимость специальных познаний в области компьютерных технологий для изъятия и исследования.

В данном случае вопрос состоит не в том, являются ли цифровые доказательства «доказательствами» в смысле ст. 74 УПК, которыми они безоговорочно являются, а в том, достаточно ли существующих процессуальных норм для обеспечения их допустимости и достоверности.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 74–83. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/850?locale=ru_RU (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Алибекова Э. Процессуальные особенности использования цифровых доказательств в судебной практике [Электронный ресурс] // Адвокатская газета : [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/protsessualnye-osobennosti-ispolzovaniya-tsifrovykh-dokazatelstv-v-sudebnoy-praktike/ (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

4. Приговор Шадринского районного суда (Курганская область) № 1-428/2024 от 25 декабря 2024 г. по делу № 1-428/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/n3Ewadd9R8Wj/ (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Квасница С. Е., Бирюков С. Ю. Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. 2024. № 2 (69). С. 104–111. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-problemy-dopustimosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer (дата обращения: 18.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.132

Ю. А. Гребеневич
слушатель 1121 взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

Научный руководитель: ***Э. А. Винокуров,***
доцент кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Следственный эксперимент является самостоятельным и одним из наиболее эффективных следственных действий, направленных на проверку и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела. Его проведение позволяет следователю опытным путем проверить возможность существования событий, фактов или механизма их совершения, что способствует установлению объективной истины. Несмотря на закрепление следственного эксперимента как самостоятельного следственного действия в процессуальном законодательстве, споры ученых о его целях, задачах, видах и содержании продолжаются до настоящего времени. Этот факт свидетельствует о том, что закрепленная в законодательстве норма находится в постоянном развитии и подлежит дальнейшему совершенствованию.

Исследуя особенности следственного эксперимента и анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК), отметим, что действующая редакция закона определяет следственный эксперимент как действие, производимое «путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события» [1]. Однако, по мнению А. Р. Исаханова, данная формулировка не отражает главного сущностного признака данного действия — его опытного (экспериментального) характера, что справедливо отмечается в научной доктрине [2, с. 213]. Термин «воспроизведение действий» в большей степени коррелирует с процедурой проверки показаний на месте (ст. 194 УПК), что создает терминологическую коллизию.

Исходя из этого, ключевой дискуссионной проблемой остается толкование сущности следственного эксперимента как следственного действия. Преобладающая в теории и практике трактовка эксперимента как «воспроизведения» вступает в противоречие с его истинными исследовательскими целями, закрепленными в законе: проверка возможности, установление последовательности и

механизма события. Для устранения этого противоречия и унификации правоприменительного подхода обоснована необходимость уточнения данного понятия с учетом прямого закрепления исследовательской (опытной) сущности действия; подчеркивания необходимости системности (серии опытов) и отграничения от иных следственных действий.

В целях устранения указанного правового пробела и формирования четкого критерия разграничения полагаем целесообразным изменить ст. 181 УПК, изложив ее в следующей редакции: «Следственный эксперимент — самостоятельное следственное действие, которое направлено на проверку и уточнение информации, имеющей значение для расследования уголовного дела, в котором следователь вправе произвести многократные опытные (экспериментальные) действия в воссозданной (реконструируемой) обстановке или иных обстоятельствах определенного события». Представленная нами редакция позволит устранить многочисленные противоречия, возникшие в ходе расследования уголовного дела.

Проведение следственного эксперимента как процессуально регламентированного действия требует наличия четких юридических оснований и соблюдения ряда обязательных условий. Их совокупность обеспечивает законность получения доказательств и гарантирует права участников процесса. Под процессуальными основаниями понимаются фактические данные и юридические факты, порождающие право следователя на принятие решения о производстве следственного эксперимента. Оно складывается из двух взаимосвязанных элементов:

Во-первых, фактическое основание, т. е. материальный критерий — наличие в материалах уголовного дела достаточных сведений (данных), которые объективно вызывают потребность в их проверке опытным путем, например, показания участников процесса о фактах, возможность которых вызывает обоснованные сомнения; выдвинутые следственные версии, требующие практической проверки механизма события; результаты иных следственных действий (протоколы осмотра, заключения экспертиз), порождающие вопросы, разрешимые только методом эксперимента.

Во-вторых, формально-юридическое основание, т. е. процессуальный критерий, — вынесение следователем мотивированного постановления о производстве следственного эксперимента (ст. 181 УПК). Постановление является тем властным процессуальным актом, который легализует действие. В нем должны быть отражены цель, место проведения и конкретные обстоятельства, подлежащие проверке, что связывает фактическую необходимость с процессуальной формой [3, с. 537].

Однако законодатель не конкретизирует, какие именно данные могут служить основанием для производства следственного эксперимента. Отсутствие

конкретики в основании производства следственного эксперимента приводит к необоснованному проведению экспериментов «на всякий случай». В связи с указанным считаем необходимым дополнить ст. 181 УПК следующим положением: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события, если имеются существенные противоречия в доказательствах или обоснованные сомнения в их достоверности, устранить которые иным способом невозможно». При этом важно иметь в виду, что проведение следственного эксперимента, создающего опасность для жизни и здоровья, унижающего честь и достоинство или связанного с причинением ущерба, законодательно запрещено, поскольку такие ситуации исключают саму возможность правомерного проведения данного следственного действия в силу отсутствия объективных оснований для его производства [4, с. 34].

Результативность и процессуальная безупречность проведения следственного эксперимента напрямую зависят от четкого установления и соблюдения законодателем и правоприменителем процессуальных оснований и условий его производства. Таковыми являются установленные законом и наукой требования, соблюдение которых обеспечивает законность, достоверность и научную обоснованность полученных результатов. С точки зрения уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики принято выделять две группы условий:

− Законные (процессуальные) условия. Их несоблюдение является безусловным основанием для признания доказательства недопустимым (ст. 75 УПК). Ключевым источником здесь выступает ст. 181 УПК, которая содержит прямой запрет на производство опытов, создающих опасность для жизни и здоровья, унижающих честь и достоинство, а также сопряженных с насилием или угрозой его применения. Они образуют обязательный правовой минимум, ниже которого производство действия невозможно.

− Тактические (научно обоснованные) условия — требования, сформулированные наукой уголовного процесса и криминалистикой на основе обобщения правоприменительной деятельности и теории доказательств. Они не имеют прямой нормы-санкции в УПК, но их соблюдение напрямую влияет на качество, доказательственную силу и надежность результатов. К ним относятся принципы многократности и вариативности опытов, необходимость контроля над изменяемыми параметрами, целесообразность привлечения специалиста для помощи в реконструкции и фиксации. Нарушение тактических условий не всегда автоматически ведет к недопустимости протокола, но может существенно снизить его убедительность и доказательственное значение в суде.

По результатам анализа правоприменительной практики можно отметить, что следственный эксперимент является одним из сложнейших следственных

действий, поэтому его производство не всегда возможно и целесообразно, к тому же далеко не все следственные ситуации требуют проведения такого следственного действия. При этом многие следователи отмечают необходимость и результативность его производства при расследовании преступлений, совершенных, например, организованной группой.

В подтверждение данного положения обратимся к правоприменительной практике. Так, в рамках расследования уголовного дела было установлено, что организованная группа, которую возглавлял Н., совершала хищения транспортных средств. При совершении преступлений, злоумышленники использовали специальные технические средства, которые применяли для снятия сигнализаций с машин. Для установления обстоятельств совершения преступлений следователями было проведено более 30 следственных экспериментов с целью выявления условий совершения краж, в ходе которых проводились опытные действия при использовании радиотехнического оборудования, которым пользовались преступники [5].

Таким образом, представляется, что следственный эксперимент в деятельности органов предварительного расследования, безусловно, является эффективным средством борьбы с современной преступностью, в том числе и борьбы с хищением транспортных средств. Безусловно, результаты следственного действия будут зависеть не только от соблюдения закона при его подготовке, но и от действий следователя и других лиц, участвующих в следственном эксперименте. Важно установить четкий порядок проведения следственного эксперимента, чтобы минимизировать процессуальные и следственные ошибки, а также добиться положительных результатов по итогам расследования.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что следственный эксперимент является самостоятельным следственным действием, цель которого заключается в проверке и уточнении данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе производить многократные опыты путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Исаханов А. Р. Проблема разграничения следственного эксперимента и проверки показаний на месте // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 213–214. Вернуться к статье

3. Пипченко М. И. Следственный эксперимент как следственное действие // Соврем. проблемы лингвистики и методики преподавания рус. языка в ВУЗе и школе. 2022. № 35. С. 535–541. Вернуться к статье

4. Каунов А. М. Понятие, сущность, значение и виды следственного эксперимента [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-suschnost-znachenie-i-vidy-sledstvennogo-eksperimenta/viewer (дата обращения: 25.03.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга № 22-3501/2023 от 30 августа 2023 г. по делу № 22-3501/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktikapo-ugolovnym-delam/ (дата обращения: 25.03.2026). Вернуться к статье

УДК 340.09

Д. П. Дорохов
курсант 2023 взвода
факультета подготовки специалистов по противодействию
преступлениям в сфере информационных технологий
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель: ***С. А. Вецкая****,*
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛУЧЕНИЕМ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ МАРКЕТПЛЕЙС WILDBERRIES

Стремительное развитие электронной коммерции и увеличение объема онлайн-торговли закономерно привели к росту числа преступлений, совершаемых в этой сфере. В России платформа Wildberries начала свою работу в 2004 г. и с тех пор стала одним из лидеров рынка. По словам генерального директора площадки Татьяны Ким, «каждые 10 минут на ней оформляется порядка 30 тысяч заказов» [1]. Маркетплейс закономерно привлекает внимание как лиц, совершающих общеуголовные преступления (кражи, грабежи), так и организованных групп, специализирующихся на хищениях с использованием информационных технологий.

Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки единообразных подходов к расследованию данной категории дел, поскольку правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей: определением момента окончания хищения, установлением способа совершения преступления, собиранием доказательств в цифровой среде и взаимодействием с администрацией маркетплейса как потерпевшим лицом.

Цель настоящей статьи — на основе анализа следственной и судебной практики выявить особенности расследования преступлений, связанных с получением товаров через Wildberries, и предложить рекомендации по оптимизации данного процесса.

Криминалистическая характеристика и классификация способов совершения преступлений.

Анализ эмпирической базы позволяет выделить несколько устойчивых групп способов совершения преступлений в отношении товаров Wildberries, каждая из которых обладает специфическими криминалистическими признаками, влияющими на методику расследования.

Первую группу составляют мошенничества, совершаемые с использованием уязвимостей программного обеспечения маркетплейса. Наиболее масштабным примером является уголовное дело о хищении 385 млн рублей в 2021 г. [2], когда злоумышленники, открыв собственные магазины на площадке, наполняли их несуществующими цифровыми товарами по завышенным ценам, такими как сертификаты на туристические поездки, прыжки с парашютом, поездки на багги, обучение игре на гитаре, курсы по фитнесу. Затем они оформляли покупку своего собственного товара на Wildberries, но не производили оплату, используя ошибку в платежной программе. Внутренняя система Wildberries регистрировала факт покупки и переводила средства компании поставщикам-мошенникам за несуществующий товар, полагая, что оплата уже поступила на счет компании. Мошенники обналичивали полученные деньги на своих расчетных счетах[1]. Данная схема отличалась высокой степенью организации (участие 50 человек) и последующей ликвидацией юридических лиц, использованных для обналичивания средств.

Вторую группу образуют преступления, совершаемые сотрудниками пунктов выдачи заказов (далее — ПВЗ) с использованием служебного положения. Типичным примером служит уголовное дело, рассмотренное Орловским районным судом[2], где менеджер ПВЗ совместно с сожителем заказывала товары на подставное лицо, оформляла отказы, но фактически товары на склад не возвращала, похищая их. Более сложная форма — внесение недостоверных сведений в программное обеспечение об отправке товара при его фактическом удержании, как это имело место в деле, расследованном Воскресенской городской прокуратурой (хищение на сумму свыше 300 тысяч рублей)[3].

Третью группу составляют общеуголовные хищения, совершаемые покупателями в ПВЗ. Здесь прослеживается несколько подгрупп:

− кражи путем свободного доступа, когда лицо под видом примерки выходит с товаром из пункта выдачи;

− кражи с банковского счета путем привязки чужой карты к своему аккаунту и последующего заказа товаров;

− мошенничества с подменой товара: например, когда покупатель в примерочной изымает новый смартфон, помещая в коробку старый нерабочий, после чего заявляет об отказе от товара;

---

[1] Приговор Вахитовского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) № 1-198/2023 1-720/2022 от 18 июля 2023 г. по делу № 1-198/2023.

[2] Приговор Орловского районного суда Орловской области по ч. 2 ст. 159 УК Российской Федерации. 25.07.2025.

[3] Воскресенская городская прокуратура: утверждено обвинительное заключение по ч. 3 ст. 159 УК Российской Федерации // Администрация городского округа Воскресенск. 24.10.2025.

− хищения путем заведомо неоплачиваемого заказа: лицо регистрирует аккаунт на вымышленные данные, заказывает товар с оплатой при получении, получает его (иногда через подставных лиц) и удаляет аккаунт, не производя оплату.

Особую разновидность представляют открытые хищения (грабежи), когда лицо, получив товар в ПВЗ, игнорирует требование сотрудника об оплате или возврате и скрывается, причем для маскировки используются различные аккаунты.

Процессуальные особенности возбуждения уголовного дела.

Анализ практики показывает, что поводами для возбуждения уголовных дел данной категории чаще всего служат заявления представителей маркетплейса (ООО «Вайлдберриз» или ООО «РВБ») либо заявления потерпевших — физических лиц, чьи банковские карты были использованы без согласия.

Характерной процессуальной особенностью является множественность потерпевших и сложность определения надлежащего потерпевшего лица. При хищении товаров из ПВЗ потерпевшим выступает маркетплейс как собственник товара (товар находится на реализации, но право собственности до момента выкупа сохранено за площадкой). При хищении денежных средств путем мошенничества с подставными магазинами потерпевшим также является Wildberries как лицо, перечислившее деньги. При кражах с банковских карт потерпевшим становится держатель карты.

Проблемным остается вопрос подследственности. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (например, мошенничество при заказе товаров через приложение), могут расследоваться следователями Министерства внутренних дел России, а также Следственного комитета Российской Федерации в зависимости от квалификации. В практике встречаются дела, расследуемые в форме дознания (по ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) и предварительного следствия (по чч. 3,4 ст. 159 УК) [3].

Особенности производства следственных действий.

Ключевым направлением расследования является работа с цифровыми следами. При осмотре места происшествия (ПВЗ) изымаются:

− записи с камер видеонаблюдения, позволяющие идентифицировать лицо, получившее товар;

− компьютеры и терминалы, содержащие информацию о заказах, отказах, возвратах;

− товарные накладные и акты инвентаризации.

Особое значение приобретают выемка и осмотр информации, предоставляемой администрацией маркетплейса. Следователю необходимо запрашивать:

– данные о регистрации аккаунта (IP-адреса, номера телефонов, паспортные данные, если они вводились);

– историю заказов и операций по конкретному лицевому счету;

– данные о привязанных банковских картах и совершенных платежах;

– сведения о перемещении товара (со склада в ПВЗ, факт выдачи);

– информацию о продавцах (если преступление совершено по схеме «продавец — покупатель»).

Показательным примером является взаимодействие Wildberries с операторами связи: как сообщается, «Билайн» и маркетплейс объединяют усилия для создания единой системы расследований, позволяющей выявлять подозрительные операции на этапе аутентификации по номеру телефона [4]. Эта практика может быть использована следователями при получении информации от сотовых операторов об абонентах, использовавших номера для регистрации мошеннических аккаунтов.

При расследовании дел с участием сотрудников ПВЗ ключевое значение приобретает допрос подозреваемого, в ходе которого необходимо установить:

– каким именно способом вносились изменения в программное обеспечение;

– каким образом товар выносился со склада;

– привлекались ли иные лица (родственники, знакомые) для получения товаров.

Допросы потерпевших и свидетелей должны быть направлены на выяснение обстоятельств, имеющих значение для доказывания субъективной стороны. Поскольку многие подозреваемые заявляют об отсутствии умысла на хищение (например, о намерении оплатить товар позднее), необходимо тщательно допрашивать сотрудников ПВЗ об обстоятельствах получения товара, поведении покупателя, его объяснениях о причинах отказа от оплаты.

Проблемы доказывания и взаимодействия с маркетплейсом.

Наиболее сложным аспектом расследования является доказывание умысла на хищение. В делах о мошенничестве с заказом товаров без намерения оплаты (так называемое мошенничество с товарными кредитами) необходимо доказать, что лицо заведомо не собиралось исполнять обязательства по оплате. Об этом могут свидетельствовать:

– регистрация аккаунта на вымышленные или чужие паспортные данные;

– использование банковской карты с нулевым балансом или заблокированной;

– удаление аккаунта сразу после получения товара;

– неоднократность аналогичных действий.

В делах о кражах путем подмены товара важным доказательством является изъятие и исследование предмета, оставленного в коробке (например, старого неработающего телефона), а также заключение дактилоскопической экспертизы, подтверждающей, что на изъятом устройстве имеются следы пальцев рук подозреваемого.

Взаимодействие с администрацией Wildberries имеет свою специфику. Маркетплейс заинтересован в раскрытии преступлений и, как правило, оказывает содействие следствию, предоставляя запрашиваемую информацию. Более того, компания практикует взыскание ущерба с виновных лиц, а в некоторых случаях мошенники сами обращаются к потерпевшему с предложением возместить ущерб и сотрудничать со следствием, что влечет смягчение наказания.

В то же время следователям необходимо учитывать, что Wildberries является коммерческой организацией с разветвленной структурой, и запросы о предоставлении информации целесообразно направлять в юридический департамент или службу безопасности головного офиса, поскольку сотрудники ПВЗ не всегда имеют доступ к полной информации об аккаунтах и транзакциях.

Особенности квалификации и судебная практика.

Анализ приговоров показывает, что квалификация действий виновных лиц варьируется в зависимости от способа совершения преступления и роли участников. Наиболее часто встречаются следующие составы:

1. Кража (ст. 158 УК) — когда товар изымается тайно, в отсутствие сотрудников ПВЗ либо когда сотрудник не осознает противоправности изъятия (например, при выносе товара под видом примерки). Квалифицирующим признаком часто выступает совершение кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК) при использовании чужих платежных средств[1].

2. Мошенничество (ст. 159 УК) — когда хищение совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Обман может быть активным (представление чужого QR-кода, сообщение ложных сведений о намерении оплатить) либо пассивным (умолчание об отсутствии намерения оплачивать). Квалифицирующими признаками выступают совершение группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 159 УК) и использование служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК)[2].

3. Грабеж (ст. 161 УК) — когда хищение совершается открыто, например, когда лицо игнорирует требование сотрудника остановиться и возвратить товар.

---

[1] Приговор Череповецкого городского суда по п.«г» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации. 04.06.2025.

[2] Постановление мирового судьи судебного участка №1 Саракташского района Оренбургской области о прекращении уголовного дела по ч. 1 ст. 159 УК Российской Федерации. 13.01.2026.

Судебная практика демонстрирует тенденцию к назначению наказаний, не связанных с лишением свободы, при условии возмещения ущерба и примирения с потерпевшим. В то же время по делам о крупных хищениях (385 млн рублей) назначаются реальные сроки лишения свободы (до 5 лет строгого режима) с обязательным возмещением ущерба.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что расследование преступлений, связанных с получением товаров через маркетплейс Wildberries, требует от следователей и дознавателей специальных знаний в области информационных технологий, а именно:

1. Уметь изымать и исследовать цифровые устройства, восстанавливать историю переписок в мессенджерах о совершаемом преступлении и анализировать открытые данные для поиска связей фигурантов.
2. Понимать принципы работы вирусов и фишинговых ссылок, которые используются для взлома аккаунтов продавцов и покупателей.
3. Понимать работу антифрод-систем, то есть знать, как искусственный интеллект анализирует поведение пользователей (более 5 000 параметров) для выявления мошенничества и блокирования опасных операций, чтобы правильно оценить доказательства, полученные от службы безопасности маркетплейса.

Ключевыми направлениями оптимизации расследования являются разработка типовых программ расследования для каждой группы способов совершения преступлений, а также налаживание устойчивого канала взаимодействия со службой безопасности Wildberries для оперативного получения цифровых следов.

Перспективным направлением совершенствования практики является создание межведомственных рабочих групп по противодействию мошенничествам в сфере электронной коммерции с участием представителей маркетплейсов, операторов связи и правоохранительных органов, что позволит обеспечить оперативный обмен информацией и своевременное пресечение преступной деятельности.

---

1. Татьяна Ким: бизнес-империя Wildberries и 7 детей [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-211220744_19701 (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

2. Wildberries рассказал о первых осужденных за хищение 385 млн рублей. За два года расследования нашли 50 участников преступной схемы [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/12/2023/6568ad919a794730433e07f2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

4. Wildberries & Russ и билайн объединяют усилия для борьбы с мошенничеством [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/534668-wildberries-and-russ-i-bilajn-ob-edinaut-usilia-dla-bor-by-s-mosennicestvom?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 01.04.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

УДК 343.1

Д. Д. Симакова
курсант 1223 взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

Научный руководитель: ***Е. В. Лакеева****,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Эпоха цифровизации привела к внедрению цифровых технологий во все сферы общественной жизни, включая и сферу расследования преступлений. Для оперативного разрешения дел необходимо использовать преимущества применения различных инноваций в ходе уголовного процесса.

Следует отметить, что использование цифровых технологий может иметь не только положительные и прогрессивные последствия, но и негативные результаты, которые будут нести опасность и различные риски. Уголовный процесс — это государственная деятельность, которая не может быть реализована только посредством информационных систем. Необходимо обезопасить общество, не допускать нарушения прав и свобод человека и гражданина и сохранить процедуры, установленные в законе.

Так, при использовании инноваций в уголовном процессе следует в первую очередь обращаться к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК). Особого внимания заслуживают две статьи, закрепляющие применение систем видео-конференц-связи. Статья 189.1 УПК определяет особенности проведения допроса, очной ставки и опознания, а ст. 241.1 регулирует участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи [1]. Такие системы представляют собой технологии, которые позволяют в дистанционном (удаленном) формате оперативно и одновременно качественно разрешать задачи, стоящие перед субъектами следственных, судебных и иных процессуальных действий [2, с. 242]. Системы видео-конференц-связи дают возможность проводить судебные заседания и следственные действия дистанционно, что несет за собой множество преимуществ:

- позволяет участникам, находящимся в разных местах, общаться в реальном времени;
- сокращает сроки и уменьшает затраченные ресурсы;
- другие.

Следует проанализировать статьи закона, регулирующие вопрос применения систем видео-конференц-связи. Согласно ст. 189.1 УПК, следователь или дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности. При этом применение видеозаписи обязательно, а ее материалы приобщаются к протоколу проведенного следственного действия. Кроме того, «проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи не допускается в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности» [1].

В свою очередь, ст. 241.1 УПК указывает на то, что использование систем видео-конференц-связи в судебном заседании возможно не только при наличии технической возможности, но и обязательно по ходатайству подсудимого. Однако суд по своей собственной инициативе также может принять решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем видеоконференц-связи, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его непосредственного участия. Кроме того, при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в целях безопасности по ходатайству любой из сторон суд также может принять аналогичное решение. Если же в деле участвуют присяжные, то возможность использования таких технологий исключается [1].

Однако, несмотря на проанализированные положения, сфера уголовного судопроизводства остается одной из наиболее консервативных областей законодательства и правовой практики с точки зрения темпов внедрения и широты распространения цифровых технологий [3, с. 43]. Это объясняется повышенной степенью значимости уголовного процесса.

Именно поэтому уголовное судопроизводство не допускает широкого внедрения цифровых технологий, а применяет лишь один формат аудиовизуальной коммуникации с судом — видео-конференц-связь. Однако в это же время в других видах судопроизводства не останавливаются на одном формате, а применяют на законном уровне и веб-конференцию (ст. 153.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4], ст. 155.1 и ст. 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5], ст. 142.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [6]).

Из этого следует, что необходимо раскрыть проблемы дистанционного участия лиц в уголовном судопроизводстве и привести примеры путей их решения.

Так, первой проблемой является недостаточная техническая оснащенность. В государственных органах не хватает финансирования для приобретения

достаточного количества техники. Именно поэтому отсутствует возможность развития уголовного процесса в цифровой среде.

Второй проблемой является наличие рисков утраты всей полноты коммуникации в рамках уголовного судопроизводства из-за технических ограничений программно-аппаратных комплексов, а также внешних сбоев, что может искажать передачу аудио- и видеосигнала. В данном случае значение имеют не только очевидные сбои, которые влекут за собой назначение перерыва для перезагрузки соединения, но и ограниченность передачи камеры, так как из-за менее заметных помех полное восприятие мимики и жестов человека через экран затрудняется. Некоторые исследователи отмечают, что ограничения видео-конференц-связи могут негативно влиять на способность судей оценивать достоверность показаний подсудимых [3, с. 47].

Третья и наиболее актуальная для подсудимого проблема в рамках применения цифровых технологий — это дефицит гарантий конфиденциальности при общении дистанционного участника со своим профессиональным юридическим представителем. Нуждаются в уточнении и специальном закреплении способы обеспечения защитнику и подсудимому ограниченного от иных лиц общения в ходе таких судебных заседаний для сохранения конфиденциальности и обеспечения прав подсудимого.

Четвертая проблема — высокий риск киберпреступности. Правонарушители могут взламывать различные системы и программы, незаконно получать доступ к информации, которая носит конфиденциальный характер.

Кроме того, следует обозначить еще одну проблему: ограничения, связанные с оперативным доступом удаленного участника к материалам уголовного дела, а равно невозможность моментального обмена документами между судом и таким участником.

Вышеперечисленные проблемы требуют оперативного и наиболее полного решения. Искать пути решения должны специалисты, которые имеют большой опыт и знания, однако и в рамках данной статьи можно обозначить некоторые предложения. Итак, позитивные последствия будут иметь следующие действия: внедрение надежных систем защиты данных в судебную систему, использование шифрования; выделение средств для технического оснащения государственных органов и судов в том числе, модернизация уже имеющейся техники; закрепление гарантий общения защитника и его клиента при его дистанционном участии; создание единой информационной платформы для обмена данными и документами суда с дистанционными участниками.

Таким образом, в российском законодательстве в качестве приоритетной рассматривают форму непосредственного участия лица в судебном заседании, однако действуют основания, по которым участие может быть дистанционным. При этом уголовное судопроизводство остается достаточно консервативным,

поэтому не допускает широкого внедрения цифровых технологий в условиях цифровизации. Однако системы видео-конференц-связи применяются и приносят положительные результаты посредством увеличения возможностей участия лиц и сокращения потраченных ресурсов. Именно поэтому необходимо решать возникающие проблемы и приближать уголовный процесс к цифровизации для упрощения его осуществления.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

2. Фарафонова О. А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. 2023. № 3 (90). С. 241–246. Вернуться к статье

3. Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий дистанционной коммуникации с судом в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2025. № 8. С. 42–51. Вернуться к статье

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 15 дек. 2025 г. № 485-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 9 апр. 2026 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г. : одобр. Советом Федерации 25 февр. 2015 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье

УДК 343.1

И. Р. Чепурной
курсант 1223 взвода факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

Научный руководитель: ***Е. В. Лакеева,***
преподаватель кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО И ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Развитие цифровых технологий в уголовном судопроизводстве Казахстана представляет собой уникальный процесс глубокой модернизации, который за относительно короткий период качественно преобразил деятельность органов уголовного преследования и судебной системы. Эволюция электронных форм расследования и правосудия обусловлена не только общими мировыми тенденциями, но и внутренней потребностью государства обеспечить прозрачность, подотчетность и эффективность правоприменения. В научных трудах исследователей неоднократно подчеркивалось, что электронные технологии становятся не только инструментом упрощения документооборота, но и фактором системной трансформации уголовного процесса, меняя саму модель взаимодействия гражданина с правосудием. Это в полной мере проявилось в Казахстане, где комплекс цифровых решений постепенно охватывает все стадии уголовного преследования: от регистрации заявлений до исполнения приговора.

В зарубежных исследованиях, посвященных электронному формату деятельности государственных органов, Казахстан упоминается как государство, последовательно внедряющее электронные сервисы в сферу правосудия. В работе Е. П. Шульгина подчеркивается, что электронная модель функционирования государственных органов в Казахстане является элементом государственной политики и направлена на повышение качества публичных услуг, включая деятельность органов уголовного преследования [1, с. 187]. Такая оценка соответствует тому, что внедрение цифровых инструментов в уголовный процесс стало логическим следствием многолетних реформ, опиравшихся на изучение зарубежного опыта, среди которого наиболее значимыми стали модели Соединенных Штатов Америки, Сингапура и стран Европы.

Изучение зарубежной практики было необходимо для поиска оптимальных управленческих и технологических решений. При реформировании отечественного уголовного процесса Казахстан детально анализировал опыт

Соединенных Штатов Америки с их системой PACER — электронным сервисом, обеспечивающим доступ к материалам федеральных судов [2]. Несмотря на коммерческий характер услуг PACER, сама архитектура системы показала важность централизованного электронного доступа к документам уголовного и гражданского судопроизводства. Сингапурский опыт, в свою очередь, стал одним из наиболее влиятельных ориентиров при разработке электронных инструментов казахстанской системы расследования. Сингапур был одним из первых государств, где виртуальные суды и дистанционные процессуальные действия стали нормой, а видеоконференции начали регулярно применяться в судопроизводстве.

Первые масштабные преобразования в Республике Казахстан появились в 2012–2013 гг., когда были внедрены системы «Электронный КУЗИ», «Электронный талон» и электронный единый учет заявлений о преступлениях. Совместным приказом органов прокуратуры, финансовой полиции и Министерства внутренних дел о переходе на электронный формат учета была создана технологическая платформа для автоматического формирования статистических данных и реального контроля за точностью регистрации преступлений. Новые инструменты позволили заявителям отслеживать судьбу обращений, а руководителям — пресекать факты сокрытия преступлений.

Следующим шагом стало внедрение пилотного проекта «Дежурный прокурор в полиции — гарант прав граждан», в рамках которого в 2012–2014 гг. были установлены системы видеозаписи и электронного учета посетителей в органах внутренних дел. Результаты эксперимента оказались значительными: количество незаконных задержаний заметно сократилось, что продемонстрировало важность постоянного электронного контроля за соблюдением прав граждан. Успех эксперимента привел к утверждению Инструкции об электронном учете посетителей, которая обязала правоохранительные органы использовать цифровые инструменты фиксации всех перемещений граждан в служебных помещениях [3].

Цифровые технологии стали играть важную роль и в обеспечении надзора прокурора. Постепенно видеонаблюдение и электронный контроль доступа были внедрены не только в полиции, но и в учреждениях уголовно-исполнительной системы, что соответствует задачам, поставленным Общенациональным планом реализации Послания Президента «Казахстан в новой реальности: время действий» [4]. Такие решения направлены на создание атмосферы абсолютной прозрачности и подотчетности сотрудников правоохранительных органов, особенно при работе с задержанными, что снижает риски применения недозволенных методов расследования.

Однако наибольшую трансформацию уголовного процесса Казахстана обеспечило создание единой системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов — СИОПСО, объединяющей 73 государственные базы данных. Внедрение этой системы позволило в разы ускорить получение сведений о судимости, нахождении лица в розыске, состоянии на учете в медицинских организациях и иных данных, ранее доступных только по межведомственным запросам. Если раньше получение одной справки могло занимать несколько дней, то с внедрением СИОПСО такие операции стали выполняться в течение нескольких минут. Особенно важно, что использование СИОПСО исключило необходимость личного посещения органов здравоохранения с бумажными запросами, тем самым уменьшая трудозатраты сотрудников и сокращая объем бумажного документооборота.

Параллельно развивалась система открытых данных, воплощенная в портале «Карта уголовных правонарушений» [5]. Этот проект, являющийся элементом реализации Плана нации «100 конкретных шагов» [6], позволил гражданам в онлайн-режиме отслеживать информацию о преступности по видам, месту и времени, что усилило общественный контроль и продемонстрировало максимальную прозрачность деятельности правоохранительных органов.

Но ключевым этапом цифровой реформы стал переход к электронному уголовному делу (е-УД). Подготовка к внедрению этой системы велась несколько лет и включала изучение опыта Южной Кореи, Грузии, Эстонии, России, стран Европы и Ближнего Востока.

С принятием Закона Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI были внесены изменения, позволившие проводить уголовное судопроизводство полностью в электронном формате, предусматривая наряду с бумажным вариантом и электронный [7]. Этим решениям предшествовал запуск информационного модуля е-УД, интегрированного с судебной системой «Төрелік», что обеспечило прямой обмен документами между стадиями расследования и судебного разбирательства.

Электронное уголовное дело представляет собой комплексную систему, в которой реализованы все необходимые инструменты: трехфакторная аутентификация пользователей, электронные подписи, автоматические шаблоны процессуальных документов, доступ к государственным базам данных, электронные повестки через СМС, модуль для подачи жалоб и ходатайств, электронное назначение криминалистических исследований и судебных экспертиз. Вся деятельность следователя в системе фиксируется в журнале событий, что обеспечивает невозможность скрытого редактирования и удаленного изменения материалов дела, а также обеспечивает прозрачный надзор прокурора.

Важным плюсом стали возможности дистанционного санкционирования следственных действий и избрания меры пресечения. В сельских районах, где

отсутствуют изоляторы временного содержания, применение видео-конференц-связи позволило сократить время доставки подозреваемых в суд, снизить расходы на конвоирование и минимизировать риски побега. Подобные технологические решения имеют не только экономическое, но и правозащитное значение, так как позволяют обеспечить оперативность принятия решений, уменьшить транспортные расходы и минимизировать факторы, усложняющие процесс контроля.

Возможность участия сторон в уголовном процессе через портал «Публичный сектор» создала условия для новой модели взаимодействия гражданина с государством. Теперь адвокаты, подозреваемые, потерпевшие и другие участники могут знакомиться с материалами дела, направлять заявления и жалобы в электронном виде, не посещая следственные органы. Это принципиально модернизирует традиционную модель уголовного процесса, уменьшая количество очных контактов и риски давления на участников.

Распространение практики составления электронных процессуальных документов на уголовное судопроизводство, в том числе досудебное, потребует существенного дополнения и переработки уголовно-процессуального законодательства. В то же время появление электронных доказательств, необходимость их получения, процессуального оформления и хранения обусловливают необходимость поиска разумной модели интеграции бумажного и электронного документооборота при производстве по уголовному делу. В этом случае у лица, имеющего электронную цифровую подпись, будет возможность оперативно подготовить и прислать следователю электронный документ, а также получить от следователя электронные документы, что значительно сэкономит время и ресурсы сторон. Лица, у которых подобной возможности нет, будут пользоваться традиционной процедурой производства по уголовным делам. При совершенствовании отечественного законодательства целесообразно учитывать законодательный и правоприменительный опыт ведения электронных уголовных дел, имеющийся в зарубежных странах.

---

1. Шульгин Е. П. Организация деятельности органов, осуществляющих производство в электронном формате (опыт зарубежных стран) // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 187–191. Вернуться к статье

2. Международный опыт развития судебного делопроизводства [Электронный ресурс]. URL: https://bstudy.net/796782/spravochnik/mezhdunarodnyy_opyt_razvitiya_sudebnogo_deloproizvodstva (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

3. Об утверждении Инструкции о порядке электронного учета посетителей в правоохранительных органах [Электронный ресурс] : приказ Генер. прокурора Респ. Казахстан от 24 дек. 2014 г. № 162. URL:

https://prg.kz/document/?doc_id=31661553&pos=5;179 (дата обращения: 10.01.2026). Вернуться к статье

4. Общенациональный план мероприятий по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: время действий» [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Казахстан от 14 сент. 2020 г. № 413. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/kgd/documents/details/123369?lang=ru (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

5. Карта уголовных правонарушений [Электронный ресурс] // Комитет по правовой статистике и спец. учетам Генер. прокуратуры Респ. Казахстан : [сайт]. URL: https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&page=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

6. Программа «100 конкретных шагов» — стратегия развития государства [Электронный ресурс] / А. Е. Даниярова [и др.] // Междунар. журн. прикладных и фундамент. исслед. 2016. № 2. URL: https://applied-research.ru/article/view?id=8640 (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

7. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 21 дек. 2017 г. № 118-VI. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=35167041 (дата обращения: 10.01.2026). Перейти к источнику Вернуться к статье

СОДЕРЖАНИЕ

Андрианова А. С. Особенности реализации принципов правоприменительной политики в процессе доказывания 7

Васильева Т. А. Наложение ареста на имущество как институт ограничения права собственности в уголовном процессе: теоретико-правовой анализ 11

Владимиров С. В. О повышении эффективности дисциплинарного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы 16

Воспякова О. Ф., Козодой А. И. Искусственный интеллект и современные криминальные угрозы 19

Гарипов Т. И. Использование специальных знаний при расследовании вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков с использованием интернет-среды 23

Демьянова В. М. Отдельные аспекты назначения и производства экспертиз 26

Джеенбеков И. Д. Особенности расследования террористического акта, совершенного с применением беспилотных летательных аппаратов 31

Довгун С. И. Концептуальные основы совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела 36

Дыжова А. А., Маисеенко А. А. Незаконная торговля дикими животными: международный аспект 41

Евдохова Л. Н. Правовой анализ преступлений, связанных с сокрытием падежа крупного рогатого скота, в Республике Беларусь (2023–2025 гг.) 47

Козыренко Р. Н., Беляев Н. Е. Об отдельных мерах противодействия неонацизму в Республике Беларусь 52

Комарова Н. С., Шумилова Т. Н. Принудительный потенциал наложения ареста на имущество в профилактике рецидивов преступлений, предусмотренных ст. 264.1–264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации 56

Маслакова А. А. Медиация как инструмент примирения в уголовном процессе Республики Беларусь 59

Михайлова Т. Н. Уголовно-процессуальное право России: вопросы структуризации нормативного материала 63

Нечаева В. А. О некоторых вопросах проведения неотложных следственных действий по уголовным делам о коррупции 68

Обернихина О. В. Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона 72

Одиназода И. А. Понятие и сущность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность 76

Петранис Е. А. Доказывание по делам несовершеннолетних: от теоретических основ к практической реализации 81

Примаков А. Н. Об особенностях квалификации кражи и присвоения найденного имущества в общественных местах..... 85

Пушко Н. В., Достанко А. С. Предотвращение прекаризации занятости на цифровых платформах как один из факторов предупреждения налоговых преступлений 89

Рябцева Л. А. Результаты осмысления правовой оценки современных форм кибервымогательства..... 94

Рябцева Л. А., Березин Н. М. Уголовно-правовые основы борьбы с нацизмом в Республике Беларусь..... 100

Свиридов Д. А., Курбако А. С. Отдельные проблемы квалификации кибервымогательств..... 104

Толочко В. В. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с хищениями..... 108

Шкаплеров Ю. П. Следы нормотворческой «поспешности» в уголовно-процессуальном законе..... 112

Яковчик Д. В. Использование криминологических данных о личности преступника в криминалистической методике расследования 116

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Бухарева К. А. Цифровые доказательства в уголовном процессе..... 120

Гребеневич Ю. А. Следственный эксперимент в уголовном процессе России: вопросы теории и практики 125

Дорохов Д. П. Особенности расследования преступлений, связанных с получением товаров через маркетплейс Wildberries 130

Симакова Д. Д. Дистанционное участие в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения..... 137

Чепурной И. Р. Электронное уголовное дело и цифровое правосудие (на примере Казахстана)..... 141

Вернуться к статьям

Вернуться на титульный экран